

Леонид Фишкин
«Тропой
жизни»

Развёрнутая
автобиография

Леонид Фишкин

ТРОПОЮ ЖИЗНИ (РАЗВЕРНУТАЯ АВТОБИОГРАФИЯ)

Мне 79-й год...

А что было в жизни? Событий и личных, и в плане страны и мира - хоть отбавляй.

Когда начинаешь вспоминать, память выхватывает отдельные события, даты. И прежде всего из детства.

Правильно сказано: все мы вышли из детства.

КРЫМСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ.

Я коренной москвич: родился на Крымской набережной в доме №8 кв.2.

На схеме стрелкою указано место между Крымским мостом и памятником Петру 1, где раньше находился наш дом.¹

¹ <http://img.lenta.ru/news/2008/04/11/river/picture.jpg>

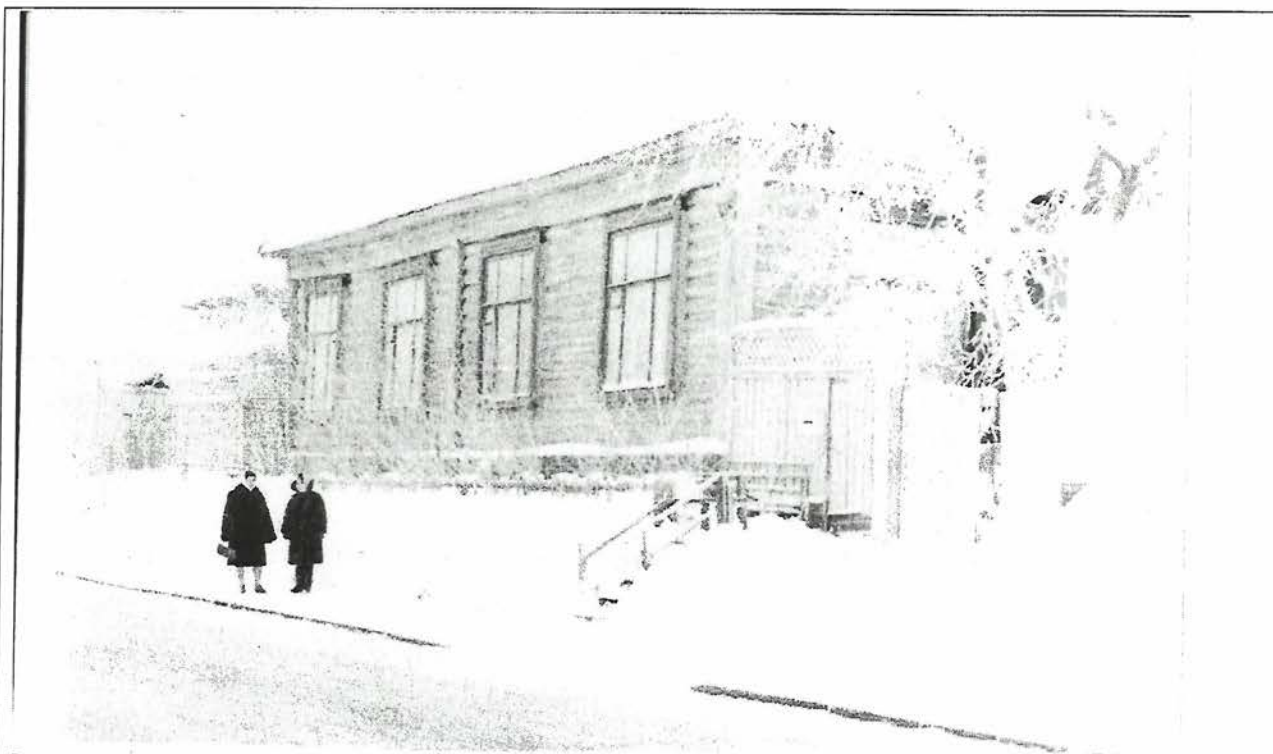
Дом художника на Крымской набережной.²

Нынешним молодым москвичам, да и не только молодым, трудно себе представить, что на том месте Крымской набережной, где сейчас находится филиал Третьяковской галереи- Дом художника со своим Парком искусств, в конце 20-х – начале 30-х годов прошлого столетия был действующий стадион «Торпедо», где проходили футбольные и хоккейные матчи, по беговым дорожкам проводились забеги и конькобежные соревнования, играла музыка, на залитом хоккейном поле скользили парочки на «Снегурочках», «Английском спорте» или «Гагах», а спортсмены и более «продвинутые» любители мчались на «Норвежках».

У стадиона были деревянные трибуны, раздевалка и мечта всех мальчишек - буфет, где можно было за 5 копеек купить бульонный кубик и залить его кипятком, набегавшись по льду, наслаждаться жизнью.

Наш бревенчатый дом, в котором жили 7 семей, стоял на самой набережной, примерно по середине нынешнего «Дома художника».

² www.moshol.ru

После реконструкции набережной наш дом оказался на возвышении. Левые два окна относились к нашей квартире, в комнате с крайним правым окном жила семья моего друга Лёвы.³

У нашего одноэтажного дома были огромные окна, через которые можно было видеть бесконечно плывущие по Москве-реке в обоих направлениях большие белые пароходы: «Вячеслав Молотов», «Чкалов», «Беляков», «Байдуков» и другие, а иногда проплывал и многоярусный «Иосиф Сталин».

Сейчас по Москве - реке быстро проплывают самоходные баржи с различными грузами, а обычные баржи толкают сзади специальные катера.

Раньше баржи с песком, гравием, стройматериалами или огромные плоты из связанных брёвен тянул буксир, притом очень медленно, т.к. своими волнами от винта он создавал дополнительное сопротивление движению баржи или плота.

Из окон нашего дома и с берега реки слева можно было любоваться красавцем Крымским мостом, а справа, вдоль основного русла Москвы - реки просматривался Большой каменный мост и панорама Кремля. На фотографии, где я стою с соседским мальчиком Ваней Богачёвым, видна эта панорама.

³ Из домашнего архива

За нами водная спортивная база «Стрелка», фабрика «Красный Октябрь», Дом правительства, Большой каменный мост и Кремль.⁴

Вид из окон нашего дома.⁵

⁴ Из домашнего архива

⁵ <http://www.exkursii.ru/images/kremlin2.jpg>

Вид на Крымский мост и Крымскую набережную с Фрунзенской набережной.⁶

На стрелке, разделяющей Москву- реку на основной рукав и обводной канал, в том месте, где сейчас установлен памятник скульптора Церетели Петру Первому, находился спортивный комплекс «Стрелка», от пристани которого один за другим отчаливали челноки: одиночки, двойки и другие вплоть до шестёрки с рулевым.

Гребцы в челноках сидели на низеньких стульчиках с колёсиками, позволяющими сгибать ноги в коленях и затем с силой их разгибать, работая вёслами. Рулевой сидел сзади без подставки, выглядел значительно ниже гребцов. Мне все рулевые казались горбатыми, и я удивлялся: откуда набрали такое количество горбатых людей.

Кстати, горбатых людей до войны было много. У нас, в частности, дворник, живший в нашем доме с семьёю в пять человек в комнате примерно 10- 12 кв. метров, был горбатым, отчего всех ребят с нашего двора звали «горбачами». Ребята других дворов звались «куликовскими», «росляковскими» и т.д. Видимо, по фамилии бывших владельцев этих домов.

До войны в Москве, да и во всей России, было много не только горбатых, но и «рябых» с лицом, изъеденным оспой, и сифилитиков с провалившимся носом и торчащим кусочком от бывшей носовой перегородки. Надо отдать должное советской медицине, благодаря усилиям которой были практически ликвидированы эти заболевания, а также малярия и другие тяжёлые болезни. Правда в наши дни им на смену пришли не менее коварные заболевания, в том числе СПИД.

Но вернёмся к дому.

⁶ www.moshol.ru

Справа от памятника Петру 1 видно здание бывшего водно-спортивного комплекса «Стрелка», а слева – корпуса кондитерской фабрики «Красный Октябрь».⁷

⁷ www.moshol.ru

Кондитерская фабрика «Красный Октябрь» при северном ветре одаривала нас запахом шоколада.⁸

Кому раньше принадлежал наш дом, я не знаю, но на чердаке я находил много интересного, в том числе много конвертов с марками из разных стран, в частности, из Кубы (у ребят, собиравших марки, они очень ценились), а также с советскими марками, на которых была указана стоимость в тысячах и даже миллионах рублей. Эти марки эпохи гражданской войны и послевоенной разрухи, клеились на конверты целыми блоками. Там же, на чердаке, были какие-то домовые книги, в которые также наклеивалось большое количество марок. Сейчас эти марки в цене, а раньше мы на них не обращали внимания.

Дом был построен в виде буквы «Г», одной стороной смотревшей на набережную, а другая сторона уходила во двор. Двор был засажен тополями, акацией, яблонями - не двор, а великолепный сад. Для нас, ребят, это был целый мир. Здесь мы играли в лапту, городки, штандер, волейбол. Сын дворника, на пять лет старше меня, научился делать бильярды, и мы целыми днями гоняли металлические шары. По периметру во дворе стояли сараи для дров, а за ними подковой расположился открытый склад Деткомиссии.

⁸ <http://myjourney.ru/blogs/213.html>

Что это за Деткомиссия, я понял значительно позже, а тогда, в середине тридцатых годов, мы просто пользовались таким приятным и выгодным соседством.

Деткомиссия была создана Дзержинским при ВЧК для помощи беспризорным детям, которых после революции и гражданской войны было огромное количество. Об этом хорошо написал Антон Макаренко в «Педагогической поэме» и «Флагах на башне».

Во времена моего детства эта Деткомиссия, видимо, уже свернула свою работу, отчего склад выполнял совсем другие функции: там складировался металл, доски, брёвна и прочие материалы, но в закрытом помещении склада ещё хранились всевозможные игрушки: куклы, игрушечная мебель, песочные часы, которые мы называли пересыпалочками, и т.д. Кладовщика, заведовавшего складом, доброго человека, мы называли «игрушкой» и часто просили его: «Игрушка, дай игрушку!». И он давал. Видимо, всё это хозяйство было давно списано в утиль, но для нас, привыкших все игрушки делать своими руками, это были царские подарки.

За забором, разделяющим территории нашего двора и склада, видна верхняя часть здания закрытого склада, которым в нашем детстве заведовал кладовщик «Игрушка».⁹

⁹ Из домашнего архива

Сразу за складом располагались теннисные корты стадиона «Торпедо». Корти были огорожены металлической сеткой, но часто теннисный мяч перелетал через сетку и прыгал по территории склада, закатываясь куда-нибудь под стеллажи с металлом или в штабели брёвен. Скоро через забор склада перелезал теннисист и начинал поиски мяча, но до его появления мы, лежавшие на крыше сарая и терпеливо ожидавшие этого момента, прыгивали на склад первыми, хватали мяч и быстро ретировались.

Мячи нам были нужны не только для игры, но это был один из видов нашего «бизнеса»:

мы продавали их по дешёвке тем же теннисистам. Мы с братом, например, сумели на выручку до войны купить фотоаппарат «Фотокор» с треногой. Это было солидное приобретение.

К сожалению, детских, юношеских и фотографий военного времени у меня почти не было, поэтому иллюстрировать моё повествование придётся фотографиями более позднего периода. Я и мой друг Лёва Кремень.¹⁰

С товарищем, Лёвкой, мы часто делали набеги на хозяйство склада, не гнушаясь даже потрошением ящиков с бутылками чернил. Содержимое мы выливали, а бутылки сдавали в палатку вторсырья или обменивали у разносчиков игрушек на их товары. Разносчики игрушек периодически проходили по улице и громко выкрикивали:

¹⁰ Из домашнего архива

«Старьё берём, старьё берём...». Обитатели дома к этому моменту уже заготавливали всякую рухлядь, тряпки, старую изношенную одежду и, самое ценное, бутылки из-под вина, водки или пива, что было страшным дефицитом, т.к. помимо старьёвщиков пьющим народом сдавалось в лавку вторсырья, находившуюся в Первом Бабьегородском переулке, уходящем от набережной примерно в районе нынешнего монумента Петру Первому в сторону Якиманки. Рядом располагалась керосиновая лавка и затем Бабьегородский рынок. Рынок в моей жизни занимал особое место, но об этом несколько позже.

Помимо старьёвщиков на улице раздавались другие возгласы:

-Стё-о-о-кла вставляем...

-Ножи - но-о-о-жницы точим...

Стекольщики носили на плече плоский ящик со стёклами, а точильщики точильный станок с ножным приводом...

Начиная вспоминать детство, не устаю поражаться тому, что за период жизни одного человека так изменилась Москва, страна, мир. Ведь Крымская набережная, на которой сейчас развёрнута выставка-продажа картин современных художников, среди которых встречаются полотна настоящих мастеров своего дела, во времена моего детства до середины 30-х годов была с булыжной мостовой и земляной насыпью, поросшей травой, круто спускавшейся к реке. По улице разъезжали на колёсных телегах летом и на санях зимою ломовые извозчики и коляски с открытым или закрытым верхом, перевозившие людей. Автомобилей было мало: из грузовых «полуторки», «трёхтонки». редко «пятитонки», а из легковых появились «эмки» таксопарков, перевозившие людей со средствами. Один из таксопарков был недалеко от нас. Работать шофёром такси было очень престижно, но и опасно: периодически их грабили и даже убивали. Мы часто были свидетелями похоронных процессий, увозивших на кладбище очередного шофёра.

Ломовыми извозчиками часто были крестьяне из деревень, приезжавшие в Москву на заработки. Многие из них были обуты в лапти. Также в лаптях и очень поношенной одежде приезжали торговать на рынок крестьяне из подмосковных деревень.

Приезжали за товарами ломовые извозчики и к нам на склад. Рядом с воротами стояла будка сторожа, в которой сидела сторожиха. Особенно нам, мальчишкам, нравился ломовой Зграбалыч. Это был осанистый мужик средних лет, часто располагавшийся с такими же ломовиками около склада в очередь и коротавший время в «перекусоне» с выпивкой. Мне очень нравилось, как он из горлышка «четвертинки» выпивал всё содержимое и затем вкусно хрустел большим огурцом. Изредка, истомившись у ворот, он кричал:

-Стерва, открывай ворота!

«Стерва» в это время уходила куда-то на территорию склада и никак не реагировала.

В то время, когда у склада не было никого из ломовиков, мы с Лёвкой подходили к воротам, стучали по ним и хором кричали:

-Стерва, открывай ворота!

Это был кайф.

Особенно запомнился мне изыск Зграбалыча, касавшийся женщин:

-Три рубля в зубы, и она моя!

До войны все дворы были окружены заборами. Был забор со стороны набережной и у нас, со своими воротами с обеих сторон дома и калитками. На ночь ворота и калитки запирались. Снаружи у нашей калитки висела кольцевая рукоятка, соединённая проволокой с колокольчиком, подвешенным над окном дворника.

Вокруг дома, у его кирпичного цоколя и рядом с огромными тополями росло много шампиньонов. Подрастая, шампиньон шляпкою выпирает землю, создавая бугорок с радиальными трещинами. Заметив такой бугорок, мы ножом расчищали землю, обнаруживали белую головку гриба, подковыривали его, и он вылетал как пробка из бутылки.

Кто первым из соседей вставал, у того и урожай. Но собрать грибы – это полдела. Надо ещё разровнять землю и вонзив рядом нож, повернуть его и сделать полную имитацию бугорка с трещинами, чтобы насладиться проклятьями следующего припозднившегося грибника, обнадёженного большим урожаем и, наконец, понимающего, что его опередили и одурачили.

Кстати, примерно в 1938 году, когда начали реконструкцию набережных Москвы-реки с устройством асфальтовых дорог и гранитных откосов, стали экскаваторами снимать слой земли с булыжником примерно на метровую глубину, шампиньоны оказались в ковшах экскаваторов: они росли не только на поверхности, но и на глубине. Мы только успевали их выхватывать из ковша или свежей кучи. Дом наш при этом оказался на возвышении (это видно на первой фотографии). Исчезли и росшие вдоль дома могучие тополя.

Прежде, чем начать реконструировать набережную и одевать её берега в гранит, было решено построить вместо старого Крымского моста, введённого в эксплуатацию в 1873 году, новый мост, для чего его в 1936 году передвинули вниз по течению (ближе к нашему дому) на 50 метров, а вместо него начали строить новый Крымский мост.

Старый Крымский мост. За ним, на противоположном берегу с земляными откосами в разрыве между деревьями виден наш дом.¹¹

Старый Крымский мост.¹²

¹¹ http://mosday.ru/photos/?1_672

¹² http://mosday.ru/photos/?1_673

Старый мост был узок и пропускал гужевой транспорт только в один ряд в каждую сторону, что уже тогда создавало пробки. Кроме того, у него на середине был проложен один трамвайный путь, и трамваи в разных направлениях ездили по очереди. Он стоял на промежуточных двух быках с волнорезами и по высоте не мог пропускать высоких пароходов. Тем не менее нам, мальчишкам, выпала удача наблюдать, как великий лётчик Валерий Чкалов на своём самолёте пролетел под ним между быками, за что, правда, был сурово наказан. Это было отражено в фильме «Валерий Чкалов», который вышел на экраны до войны.

После окончания строительства нового Крымского моста и ввода его в эксплуатацию 1 мая 1938 года, старый мост был разобран.

Интересно, что своё название старый Крымский мост, а заодно и набережная, получили от древнего Крымского брода, через который переправлялись крымские татары при набегах на Москву.

Примерно в это же время был заменён старый Большой Каменный мост перед Кремлём на новый, также однопролётный.

Вид на Москву-реку с земляными берегами и старым Большим каменным мостом.¹³

¹³ http://mosday.ru/photos/?5_51

Тот же вид после постройки нового моста, гранитных берегов, Дома Правительства («Дом на набережной»).¹⁴

При строительстве гранитной облицовки берега сначала внизу плотно друг к другу забивали деревянные сваи, чтобы не обсыпался земляной откос, затем откос бетонировали и сверху покрывали гранитными плитами.

Вся исходная подготовка к строительству набережной велась непосредственно на месте.

Пригнали и причалили большие баржи с речным песком и гравием или галькой, длинные плоты круглого леса для изготовления свай.

Рядом с нашим домом, в сторону моста, за счёт территории стадиона выгородили огромную площадку, и на ней деревенские плотники обтёсывали брёвна, натянутым шпагатом, натёртым мелом, отбивали по всей длине черту и ловко снимали всё лишнее. В одном бревне делали по всей длине ложбинку, прижимали к ней круглое бревно и между собою скрепляли металлическими скобами. Нижний конец сваи заостряли, а на верхний конец подгоняли овальное металлическое кольцо, по которому в дальнейшем бил паровой молот и загонял сваю в грунт. Интересно были устроены паровые молоты: пар подавался в верхнюю часть тяжелой металлической бабы в пространство между её крышкой и поршнем, насаженным на вертикальный шток, упирившийся плитой в верхний конец сваи. Как только молот под воздействием пара поднимался в крайнее верхнее положение, рабочий дёргал верёвку, открывался верхний выпускной клапан, и молот с грохотом падал на сваю. Клапан автоматически закрывался и молот снова поднимался.

¹⁴ <http://walk.rambler.ru/photopage.html?mid=1186&parent=1>

Молот закреплялся на специальной деревянной вышке с металлическими полозьями, а подготовленные сваи подтягивались в рабочее положение ручной лебёдкой через роликовый блок, укрепленный наверху вышки. Лебёдками же вышка передвигалась на новое место.

Через несколько лет началась война, мгновенно были разрушены и истоплены все заборы, все отдельные дворовые владения стали сплошным проходным двором, но нам с Лёвкой осталось великое наследство в виде обширной площадки около нашего дома со стороны Крымского моста, где слоем 1-2 метра лежали щепки разной толщины - результат деятельности плотников по изготовлению свай. Если хорошо покопаться, то можно было найти и отдельные брусья и самое главное - комельную, утолщённую часть бревна, которая есть у каждого растущего дерева.

Щепа и прочие деревяшки шли нам на топку, а из комельных брусьев мы напильвали вязанки дров и с большим успехом торговали ими на рынке.

О рынке хочется рассказать особо. Он располагался в 1-м Бабьегородском переулке, довольно близко от нас. Если пройти от нашего дома вдоль набережной в сторону Якиманской набережной или к спортивному комплексу «Стрелка», то справа перпендикулярно реке шёл этот самый 1-й Бабьегородский переулок. Я уже писал, что слева вначале шла керосиновая лавка, в которой черпаками типа молочных кружек с длинными ручками отпускали в вашу тару керосин. Тара у людей была разная. В одну продавец вставлял широкую воронку, в другую поменьше, тогда времени на налив требовалось больше, а народ в очереди нетерпеливо гудел. Поэтому снаружи на керосиновой лавке висело грозное предупреждение: «Гражданам с узким горлышком керосин не отпускается». Керосин предназначался для примусов и керосинок, а впоследствии для керогазов - более совершенных примусов. Впрочем, по копоту они стоили друг друга. Не думайте, что керосина можно было купить, сколько вздумается: всё было регламентировано, по карточкам и по талонам.

Справа от керосиновой лавки, на противоположной стороне переулка, располагался дровяной склад, куда привозили метровой длины брёвна, сваливали костром в очень высокую кучу и потом, когда по срокам выдавали талоны в зависимости от состава семьи, ребята и взрослые «альпинисты» забирались на самый верх кучи и, вырывая хорошее бревно друг у друга, сбрасывали его в свою кучу, чтобы потом, когда служащий склада выделит освободившийся металлический мерник, плотно заложить $\frac{3}{4}$ осиновых и $\frac{1}{4}$ берёзовых брёвен. Дальше нужно было договориться с ломовиком с санями или владельцем высокой ручной тележки с огромными деревянными колёсами и переправить свои дрова к себе во двор, где в основном семьи сами их пилили, кололи и штабелями закладывали в сараи.

Для нас, ребяташек, это была и трудная, и азартная, и почётная работа.

Выше по Бабьегородскому переулку, справа, была булочная и продовольственный магазин. Какие же там были запахи! Хлеб был ароматный, свежий, и ржаной, и пшеничный, горчичный в виде здоровых караваев, а особенно французские булочки по 36 и 72 копейки. Разломишь

такую стограммовую булочку за 36 копеек, положишь 50 грамм купленной в продмаге любительской колбасы (а она источает аромат, со слезой, с глазками аппетитного сала), и, направляясь к школе №582, находившейся в конце 1-ого Бабьегородского переуллка, рядом с Якиманкой, заглатываешь свой изумительный завтрак. Но, увы, сразу же как из-под земли вырастает фигура твоего одноклассника Коли Ремезова, который, выбивая чечётку, говорит:

-Оставляй, мне кисло!

И вожделенная булочка с колбасой исчезает в его алчущей пасти. Прощай, восторг, прощай, мечта! Проза жизни...

Но вернёмся к довоенному рынку. Это настоящие крестьянские рынки с натуральными продуктами. Длинные ряды обитых белой жостью столов, за которыми в ряд стоят молочницы с бидонами молока, медленно наливающие в ёмкую крышку молоко, показывая его желтизну и жирность, приговаривая: попробуйте, попробуйте, вы такого ещё не пили. Конкуренция была в самом разгаре. Хваля своё молоко, успевали покупателю бросить искоса взгляд, говорящий о молоке соседки: разве это молоко, это – отходы! Покупатели на ладошку или на крышку своего бидона наливали немного молока, подняв глаза к небу, шевелили языком и затем с досадой и разочарованием отвергали предложение. Вслед им молочница посылала «ласковый» взгляд.

Такие же ряды со сметаной, ряженкой, мясом, картошкой, зеленью, фруктами. Народу масса. Кто-то в стороне торгует семечками:

-Жареные, жареные, смешанные с тыквенными, сам бы ел, да деньги нужны!

Поштучно папиросы «Бокс». На ухо: как расшифровывается слово ВКП(б): Ворошилов курит папиросы «Бокс»...

Кто-то продаёт вязаные носки и перчатки, кто-то из дома вынес слесарный инструмент или какой-нибудь хлам. Отдельно, у заборчика, в вёдрах с водой стоят цветы. Нет, это не нынешние садовые и оранжерейные красавцы. Это настоящие луговые, лесные и полевые цветы: ромашки, васильки, ландыши, купальницы, сирень, черёмуха, колокольчики и ещё целая гамма натуральных цветов. Особенно мне нравились купальницы за их жёлтый насыщенный цвет.

Большинство этих цветов сейчас пропало: оборваны, вырваны с корнем, стали жертвой химизации сельского хозяйства, борьбы с сорняками. Загубили, кстати, не только полевые и луговые цветы. Исчезли насекомые. Рядом с нашим домом, за Крымским мостом, располагался Центральный парк культуры и отдыха им. Горького. Мы, ребята, пропадали там целыми днями. В парке была замечательная библиотека, читальный зал, спортивная площадка, масса весёлых аттракционов, летний театр, кинотеатр, передвижной цирк, фонтаны, парашютная вышка, с которой можно было не только спрыгнуть с парашютом, но и промчаться на кожаном коврике по спиральному спуску вдоль башни вышки.

Но самым главным в парке было изобилие самых разных цветов на клумбах, пруды с лодками, красивые фонари освещения в виде ландышей.

Стоял сплошной звон и стрекот от насекомых, все цветники кишели бабочками, стрекозами, шмелями, пчёлами, осами, кузнечиками и другой мошкаррой. Это был праздник жизни, гимн лету!

Сейчас, к сожалению, за всё лето за городом можно увидеть 2-3 примитивные бабочки или одну маленькую стрекозу, а как выглядит кузнечик - детишки и не знают. А какие были бабочки: огромные, красивые, стрекоза - так целый самолёт, а кузнечик- саранча вызывал восторг и даже страх своими размерами.

Наш небольшой домик представлял слепок той эпохи, в которой жила вся страна: шпиономания, доносы, эйфория от собственной силы и величия, мы самые – самые во всех отношениях, стукачество и т.д. и т.п.

У моей сестры, которой в 1937 году было 15 лет, была хорошая подруга Нона Курганова, на год её моложе. У неё отец занимал какой-то высокий пост, ходил, как в то время все ответственные работники, в брюках галифе и полувоенном френче. Мы, детвора, очень его любили. Он был заядлый рыбак, на реке у него была своя лодка, он часто брал нас с собою на рыбалку. А в сарае у него в тазу всегда плавали мальки для наживки. Часто он нам их давал для аквариума. В одну из ночей за ним заехали на легковой машине, забрали, и больше мы его не видели.

Тогда все газеты и радио были озадачены «врагами народа», все пристально всматривались друг в друга, стараясь не пропустить. Вот, видимо, кто-то не пропустил. А одной анонимки было достаточно, чтобы хороший человек сгинул раз и навсегда. И что интересно, люди, которые до этого знали об арестованном человеке только хорошее, начинали судачить между собою: «Ты посмотри только, как он скрывался, настоящий ангел во плоти, а на поверку оказался врагом народа».

ВОЙНА

Люди были обработаны мощнейшей идеологией. Радио, газеты, кинофильмы, песни, выступления членов Политбюро и политологов внушали всем мысль, что мы самые – самые: умные, демократичные, сильные, отважные и т.д. Достаточно было из текста песен выхватить отдельные строчки, чтобы быть в этом уверенным:

«И на вражьей земле мы врага разгромим...»

«Чужой земли мы не хотим ни пяди,

Но и своей вершка не отдадим...»

«Веди нас в бой, товарищ Ворошилов,

Веди на битву, Сталин, наш отец...»

«Гремя огнём, сверкая блеском стали,

Пойдут машины в яростный поход,

Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин

И первый маршал в бой нас поведёт...»

Можно приводить слова тысяч песен, и все они действительно создавали мнение об СССР как об огромной, монолитной стране, в её силе и мощи никто не сомневался.

И вот наступило 22 июня 1941 года.

Мне тогда было 13 с половиной лет. Я окончил 6 классов и должен был уезжать в пионерлагерь в Барыбино по Павелецкой дороге. Мне для лагеря нужно было купить чёрные спортивные тапочки. Я шёл по Крымской набережной к универмагу, который находился за кинотеатром «Ударник» в здании Дома Правительства (сейчас его зовут «Дом на набережной», все стены которого покрыты мемориальными досками в честь живших там и незаконно репрессированных руководителей партии, правительства и других видных деятелей).

Универмаг при Доме Правительства на улице Серафимовича, где я купил тапочки для пионерлагеря в первый день войны.¹⁵

На обратном пути, в районе Якиманской набережной, где находилась фабрика «Красные текстильщики», навстречу мне бежала сильно взволнованная мама; она спешила на фабрику, где работала врачом, и на ходу крикнула мне:

- Беги домой, война!
- Какая война, с кем?

¹⁵ <http://picasaweb.google.com/illarion007/OLDMOSCOWAnd#5170684119902083634>

- Германия напала на нас!

Я ошолбенел. Какая, к чёрту, Германия, они что, совсем уж идиоты, они отдают себе отчёт в том, кто мы и кто они? Через 2 дня от них останутся только брызги!

К сожалению, такие мысли были не только в моей молодой голове, но и в сотнях тысяч молодых, и умудрённых опытом жизни головах. Пропаганда и идеология сделали своё дело.

Каково же было потрясение, растерянность и общее непонимание ситуации, когда немцы в считанные дни на аэродромах уничтожили нашу авиацию, почти без боя продвинулись на сотни километров вглубь нашей территории, заняли Киев, Минск и другие республиканские и областные города, охватили с флангов наши войска и вынудили их в массовом порядке сдаваться в плен.

Это было глубокое разочарование, полное непонимание ситуации, и во весь голос стоял вопрос: «Что происходит, где наша хваленая непобедимая армия во главе с её великими полководцами?»

И только многие-многие годы спустя, после смерти Сталина, стала открываться истинная картина случившегося. Мир, практически, был разбит на два лагеря: фашистов, во главе с Германией и примкнувшими к ней Италией, Японией и почти всеми оккупированными ей до войны странами Европы, а с другой стороны жаждал насаждения всемирной революции и коммунистических порядков Советский Союз. США и Англия вошли в коалицию с СССР не потому, что их устраивала наша конечная цель, а просто потому, что с его помощью можно было бы обуздать агрессора – Гитлера, который не стал бы церемониться с древнейшими и зажиточными странами мира. Но так как победить хотела каждая коалиция, то и меры перед войною принимались соответствующие. Очень хорошо этот период предвоенного времени описан в книге Виктора Суворова «Ледокол».

Он очень досконально разобрался с тактикой и Гитлера, и Сталина перед самой войной и сделал очень правильный вывод, что начальный период Великой Отечественной войны мы проиграли из-за того, что сами опоздали с началом войны буквально на две недели. Гитлер нас опередил. А так как с Гитлером у нас был заключён пакт о ненападении, подписанный Молотовым и Риббентропом, то Сталин не верил многочисленным сигналам со всех сторон света о том, что Гитлер вот-вот начнёт войну, а посему отдавал приказы на всякие провокации не отвечать, привлекать к судам военного трибунала паникёров и т.д.

Суворов очень убедительно доказывает, что для того, чтобы вести оборонительную войну, к которой якобы мы готовились, нужно было создать глубоко эшелонированную линию укреплённых районов, с ДОТами, орудийными заслонами, лесными завалами и т.д. и т.д.

Фактически к началу войны был отдан приказ все оборонительные сооружения ликвидировать, магистральные дороги расчистить, никаких стационарных воинских соединений не иметь и всем войскам с интендантскими службами двигаться в сторону границы. Дунайская

флотилия также выдвинулась максимально к фронту и была обречена на полное уничтожение. Самолёты на аэродромах были расчехлены и ждали только приказа.

Но Гитлер опередил нас. Такая же картина была и у Гитлера, и если бы мы не упирались в пакт Молотова – Риббентропа и первыми ринулись на немцев, результат первых дней и недель войны был бы прямо противоположным.

Кроме того, у немцев был в ближайшем тылу румынский нефтедобывающий плацдарм Плоешти, и если бы мы его в первые дни войны захватили, или по крайней мере вывели из строя, Германия бы явно забуксовала. Это один из аспектов нашего поражения в начале войны.

Нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что начиная с 1934 года, с момента убийства Сергея Мироновича Кирова, Сталин развернул огромную политическую кампанию по ликвидации «врагов народа». В течение нескольких лет были уничтожены истинные коммунисты – ленинцы, разгромлены руководящие кадры Красной Армии, уничтожены маршалы Советского Союза

Тухачевский, Блюхер, Егоров и другие высокопоставленные военные деятели.

Во время сомнительной операции на операционном столе погиб маршал Фрунзе.

Были разгромлены высшие военные заведения.

Тон военной стратегии задавали вояки старой закалки Ворошилов и Будённый, которые отстаивали свою точку зрения о доминирующем влиянии в современной войне конницы, хотя Тухачевский чётко выразил свою позицию: «Предстоящая война будет войной моторов!»

Обстановка в тылу также была очень напряжённой, всюду мерещились враги народа.

Забегая вперёд скажу, что когда я уже работал после войны начальником турбинного цеха, мой главный инженер Виктор Иванович Шевченко, очень грамотный и разносторонне образованный человек, как то мне рассказал, как ему удалось вырваться из потенциальных «врагов народа». Он работал инженером в цеху Таганрогского котельного завода, где через короткий промежуток времени назначали нового начальника цеха, а старого арестовывали как врага народа, потому что какой-нибудь токарь или слесарь запорол деталь (квалификация у рабочих была низкая. да и станки допотопные), и начальника цеха обвиняли в диверсионных действиях, шили ему дело врага народа, и дальше он пропадал.

Начинали нажимать на Виктора Николаевича: «Давай, давай, ты молодой, мы тебе поможем». Но он только широко улыбался и отвечал: «Что вы, что вы, какой из меня начальник цеха, я себя организовать не могу, а не то что целый цех. Это дело абсолютно не моё, это никак не соответствует моим качествам».

Так или иначе, но ему удалось отвертеться от этого опасного поручения. Тем более он не был членом партии. Так человека пронесло в эти лихие годы.

Менять стратегию и создавать современные вооружения пришлось уже по ходу войны. Погибло людей в это время и на фронте, и в тылу десятки миллионов.

Голод в стране был жесточайший, а законы военного времени самые драконовские. Убрали поле пшеницы или ржи, или картошки. Если тебя поймали с пучком колосков, валявшихся на земле после уборки урожая, тебе светило 10 лет тюрьмы. То же и за несколько клубней картошки, хотя сгнить на месте они имели полное право. Это законом не запрещалось.

Чтобы как-то продержаться и выжить, с начала весны мы собирали дикий щавель, лебеду, крапиву и готовили щи.

Получаемую по карточкам скудную порцию картошки мы делили на три части: верхушки с глазками отрезали и высушивали, чтобы потом на выделенном в Нескучном саду ЦПКО им. Горького участке в полторы сотки посадить в землю и вырастить картофель. Большую часть картофелины очищали, варили и съедали, а очистки промывали, прокручивали на мясорубке, добавляли немного ржаной муки и соли, и у мамы на здравпункте, где было электричество, на рыбьем жиру жарили котлеты. Они были деревянные, с соответствующим «амбре», но с голодухи шли нарасхват. Жили мы тогда вчетвером: брат Миша был на фронте, сестра Соня училась до войны в Литературном институте, а после эвакуации всех высших учебных заведений поступила в пищевой техникум на отделение засолки овощей. Москва покоится на солёном озере или даже море, вот эту солёную воду – рапу - насосами поднимали наверх и здесь путём выпаривания получали рыжую влажную массу, которая называлась солью. Соня была бригадиром и целыми днями ходила в резиновых сапогах по этой рапе, за что и получила на остаток жизни радикулит и прочие болезни.

Сестра Соня¹⁶

Отец был 1884 года рождения, на фронт его уже не брали, и работал он за гроши в бухгалтерии жилого сектора Парка культуры.

Мама была врачом-терапевтом. Она работала заведующей амбулаторией при ткацкой фабрике «Красные текстильщики», вела приём больных в поликлинике им. Тимирязева на улице Полянка, оказывала помощь больным на дому, в том числе в Доме правительства на улице Серафимовича, в доме писателей около Третьяковской галереи, принимала людей в амбулатории фабрики «Пласткож» и т.д. Одним словом, была многостаночница, но заработная плата её при этом никак не соответствовала качеству и количеству её труда. Правда, её квалификация и отношение к людям снискали ей большой почёт и уважение среди рабочих и интеллигенции. Это её и спасло в феврале – марте 1953 года, когда Сталин развязал кампанию по раскрытию организации врачей – убийц, а на фабрике в этот период как раз проводилась очередная противогриппозная прививка, и, как всегда, часть ослабленных людей заболела гриппом. Сочли, что это диверсия медперсонала, который использовал специальную вакцину, чтобы заболели как можно больше людей с целью сорвать план выпуска хлопчатобумажной мануфактуры. За ней уже пришли люди в штатском, но, прознав про это, народ с фабрики ринулся на здравпункт и с выкриками «Не дадим в обиду нашего доктора, она нам как мать родная!» отстояли её. Совместно с профкомом она помогала людям получить бесплатные путёвки в дома отдыха, при заболеваниях давала больничные листы, вела разъяснительную

¹⁶ Из домашнего архива.

работу по улучшению условий труда и снижению профзаболеваний и т.д. Её наградили орденами, медалями и многими почётными грамотами.

Я перед войной закончил 6 классов. Большинство высших учебных заведений и техникумов было эвакуировано. Школы также работали не все.

Встал вопрос – как быть?

А здесь ещё основные объекты Москвы были заминированы, в том числе Крымский мост, улицы и площади центра Москвы были раскрашены под вид многоэтажных домов, чтобы немецким самолётам можно было потерять ориентацию рядом с Кремлём. Водоотводной канал был забит баржами, на которых смонтировали низкие крыши также для потери ориентации с воздуха.

С наступлением сумерек в воздух поднимались на тросах аэростаты, для того, чтобы самолёты не могли пикировать, т.к. могли зацепиться за тросы. Где только можно, внизу и на крышах были установлены зенитные орудия и целые батареи.

При первых звуках по радио сигнала «Граждане, воздушная тревога!» включались прожектора, и зенитки начинали свою громкую дробь. Надо сказать, что осколков от разорвавшихся зенитных снарядов в виде рваных чугунных кусков летело вниз огромное количество. Они падали на землю, на крыши с сильным грохотом. Особенно смачно падали головки снарядов с бронзовыми наконечниками. По дурости своей, мы одевали на голову кастрюлю и наблюдали за всей этой вакханалией. Очень часто, особенно на рассвете, прожектора скрещивались на пойманном самолёте; он ярко светился в их лучах и стремился пулемётным огнём поразить один из прожекторов. Но тактика у зенитчиков была такая: как только немец начинает бить по прожектору, тот немедленно гаснет, а вместо него сбоку возникает луч другого прожектора и цепко берёт самолёт в перекрёсток лучей.

Дальше технология такая: прожектора, сменяя друг друга, ведут самолёт как можно дальше от Москвы, затем раздаётся залп, и поражённый самолёт летит к земле.

Таких стычек мы наблюдали очень много. Это обычно было и полезно, и приятно, так как за хлебом по карточкам нужно было к магазину попасть рано, а существует комендантский час, когда по городу ходить нельзя; заборов никаких нет, их давно уже истопили; вот тут-то и годится этот самый турнир «кто кого», когда вся милиция занята наблюдением за пойманным самолётом, а мы бежим к булочной и занимаем очередь. Кстати, очередь группируется в арке дома. Для переклички все высыпают на улицу, и в это время раздаётся пулемётная очередь с самолёта. Люди в панике мчатся в арку. И так несколько раз.

Были моменты, когда бомбы с немецких самолётов начинали сбрасывать до объявления воздушной тревоги. Так, сидели мы у нас дома, и вдруг дежурный старик Кирилл Яковлевич забарабанил клюшкой в окно:

- Горим, горим, зажигалки на крыше!

Я рванулся по нашей внутренней лестнице на чердак и увидел: на песке, насыпанном на потолке дома, горит зажигалка, пробившая кровлю. Она представляла собой металлический корпус примерно двухлитрового объёма со стабилизатором, а из головки со свистом вылетали языки пламени.

У нас на чердаке была бочка с водой и рукавицы. Я рукавицами за стабилизатор схватил зажигалку и выбросил её в слуховое чердачное окно. На улице её загасили снегом соседи.

Часть зажигалок упало прямо на асфальт рядом с парапетом набережной, и прохожие забрасывали их снежками.

А одна зажигалка оставила свой след до нынешних дней. Она упала прямо через крышу в зал кинотеатра «Парк им. Горького», людей там во время тревоги не было, поэтому все кресла сгорели, потолок рухнул и, что самое главное, его не стали реставрировать с 1941 года. Кинотеатр находился в сером здании администрации Парка культуры, расположенном рядом с лестницей спуска Крымского моста в парк. По краям этого здания работает администрация и бар – ресторан, а середина имеет только боковые стены, а крыши нет. Это, вероятно, единственный памятник войны в Москве с 1941 года.

Кинотеатр был замечательный. Он и сейчас бы послужил москвичам, если отремонтировать его в современном виде. Но, увы. Видимо, никому это не нужно, а вид этого провала крыши и вопрос его происхождения никого не заботят.

СЕДЬМОЙ КЛАСС И ТЕХНИКУМ

Итак, я закончил 6 классов! Единственный техникум, работавший в нашей округе во время войны, был Московский энергетический техникум на Кропоткинской набережной, ныне Пречистенской, как раз напротив моего дома, только через речку. На первом курсе этого техникума учился мой брат Миша, который родился в 1924 году и после первого курса, по достижении 18 лет, добровольцем пошёл в армию. Был сапёром – минёром, три раза ранен, но в 1947 году вернулся и продолжил учёбу в этом техникуме.

Брат Миша.¹⁷

Мне же, для того чтобы окончить седьмой класс, пришлось на попутных грузовых машинах переезжать через Крымский мост (он был заминирован) и затем на троллейбусе доезжать до Каляевской (Новослободской) улицы, где

¹⁷ Из домашнего архива.

сколотилась в школе группа энтузиастов и за четыре месяца закончила седьмой класс.

В 1942 я поступил и в 1946 году закончил теплоэнергетический факультет Московского энергетического техникума.

Московский энергетический техникум на Кропоткинской (ныне Пречистенской) набережной, дом 11. Сейчас он называется Московский экономико-энергетический колледж.¹⁸

Так как учёба в основном проходила в осенне-зимне-весеннее время, а ни одна ТЭЦ в нашем районе не работала, то основной мой путь в техникум шёл по льду. Снег тогда с самосвалов ссыпали прямо в реку, образовывалась гора, по которой легко было сбежать на лёд, а на противоположной стороне быстро забраться на Кропоткинскую набережную.

¹⁸ http://www.meec.ane.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=19&Itemid=33

Красной стрелкой показан мой путь в техникум по льду.¹⁹

О техникуме следует сказать особо. Это старинное заведение, очень солидное. Во время войны все высшие учебные заведения были из Москвы эвакуированы, и на основные дисциплины пришли очень сильные преподаватели – профессора.

Хоть мы были ещё и сопляки, но понимали, какие люди передают нам свои знания. Но время было очень голодное, и наши корифеи уходили из жизни один за другим. Получив столовую карточку, в которой были отрывные квадратики на 5 грамм жиров, 20–40 грамм крупы, 50 грамм мяса, 100 грамм хлеба и т.д., мы ловили голодные взгляды наших профессоров и выручали их, кто чем мог: кто 5 грамм жиров, кто крупы и т.д. Тогда они могли получить себе какую-нибудь порцию бурды.

Помню, был у нас профессор Павлов (другой, не физиолог), он засыпал во время лекции по литературе. Вскоре он от голода умер. Его ученик, доцент Глаголев, души в нём не чаял, но спустя короткое время ушёл из жизни вслед за ним.

¹⁹

Военруку Дунаеву, вернувшемуся раненым с войны, мы из малокалиберных винтовок с крыши техникума устраивали залп и преподносили убитых ворон. Сами мы, правда, их есть не отваживались.

Студенты в группе по достатку были разными. Несмотря на перманентный голод, веселье у нас било через край. Толя Ларионов мог бы стать замечательным оперным певцом. С блестящей итальянской внешностью, он самозабвенно пел на переменах арии из классических опер. Борис Розеншейн, прозванный «Пиня – король подтяжек», умнейшая голова, весёлый, подслеповатый, пока мы заканчивали один факультет - паровые турбины, он закончил и второй факультет - паровые котельные установки. Но он, в силу своего слабого зрения, сидел на первой парте с девушкой (не хочу называть её фамилию), которая была связана через родственников со снабженцами. Во время большой перемены она вынимала огромные бутерброды с чёрной икрой, сухой колбасой или дорогой рыбой, выставляла его перед голодным Пиней, кушала и о чём-то с ним шутила.

Нам это было неважно, и мы покидали аудиторию. А бедный Борис Розеншейн изображал из себя весёлого собеседника.

Летом нас посылали рыть окопы, вспахивать целину и сажать картошку, но воспользоваться плодами урожая так и не приходилось. Несмотря на голодные годы, нам было всегда весело. Возраст!..

Я в группе был самым маленьким, чуть повыше был мой друг Феликс Щедрин.

На перемене ребята сажали меня на шкаф с учебными пособиями. Толя Ларионов самозабвенно пел арии, Пиня (Борис Розеншейн) с голодухи спал с храпом, кто-то ещё чем-то занимался, и в это время заканчивался перерыв, открывалась дверь и перед преподавателем открывалась вся эта красочная картина:

- Что здесь происходит?

Преподаватель недоволен и в то же время вовлечён в игру:

- Один поёт, другой храпит, а что делает Фишкин на шкафу?

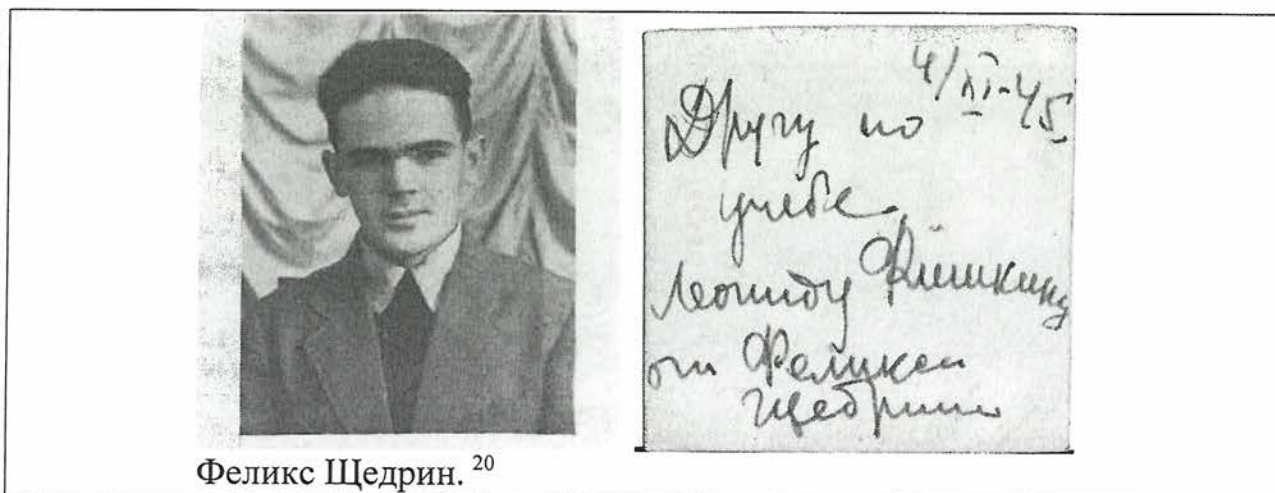
Я долго под радостные возгласы стараюсь прыгнуть со шкафа, шкаф чуть не опрокидывается, наконец, высокие ребята опускают меня на пол, и я молниеносно занимаю своё место рядом с моим другом Феликсом.

Ф Е Л И К С

Относились ребята ко мне хорошо. Где-то на третьем курсе сокурсники стали замечать, что я пошёл в рост. Феликс тут же надувал грудь, брал линейку и до хрипоты доказывал, что он выше меня. Ребята качали головами, но не спорили.

Но, наконец, пришло время, причём очень скоро, когда разницу в нашем росте уже нельзя было не заметить.

Спустя некоторое время я вырос примерно до 170 см, а Феликс так и не стал больше расти.

Феликс Щедрин.²⁰

Но не рост, в конце концов, является определяющим в оценке человека. Феликс полностью соответствовал пословице: «Мал золотник, да дорог». Товарищи, друзья, сослуживцы и, конечно, женщины ценили его за ум, остроумие, весёлый нрав, лидерские качества, умение логично обосновывать свои взгляды и бойцовский характер при борьбе с несправедливостью. Неординарный ум Феликса порою воплощался в заурядных бытовых ситуациях. Например, ему негде было записать нужный номер телефона 137-228 (тогда в Москве ещё были шестизначные номера). Он быстро сочинил скороговорку: «Один трясём, давай, давай сбросим», созвучную этому номеру. Вероятно, он его помнит до сих пор, потому что я его помню спустя почти шестьдесят пять лет.

Он очень любил розыгрыши. Например, брал лоскут материи, клал руку на спину нашей соученицы с этим лоскутом и затем другой рукой резко разрывал его. Девушка была в шоке - ей разорвали платье! После этого она долго гонялась за Феликсом, но наблюдавшие этот фокус были в восторге.

Он жил с мамой и старшим братом в коммунальной квартире в доме на Якиманке, граничившем с французским посольством. После войны дом сломали для расширения посольства. Отец его, инженер, рано умер. В коммунальной квартире жило много семей интеллигенции, так что его детство отличалось от моего - рыночного. Я часто бывал у него, спорил с его соседом, талантливым корреспондентом и по совместительству ярким антисемитом Кашкадамовым, который написал пьесу «Товарищи москвичи», шедшую в нескольких московских театрах. В соседнем доме жил его товарищ Генрих Хазанов, в дальнейшем окончивший медицинский институт и спустя время ставший главным врачом Первой городской клинической больницы на Ленинском проспекте. Брат Генриха Ян Полищук был писателем – сатириком.

По окончании техникума в 1946 году Феликс женился на выпускнице нашего техникума с другого факультета, и через год у него уже родилась дочь Ирина.

²⁰ Из домашнего архива.

Воскресный выезд за город.²¹

По распределению Феликса направили во Всесоюзный технический институт, где он работал в проектно-монтажном отделе и со временем дорос до главного инженера института, проработав там до пенсии. Он и сейчас, несмотря на возраст (он на четыре месяца старше меня), работает на руководящей должности в инспекции по контролю за безопасной эксплуатацией атомных электростанций.

По своему характеру он всегда был коллективист – общественник, работал внештатным инструктором Пролетарского райкома партии, ежегодно летом организовывал туристические походы молодёжи в районе озера Селигер.

В нашей с ним дружбе он, безусловно, был лидером, по его примеру я также после техникума стал учиться в Заочном Политехническом институте.

²¹ Из домашнего архива.

Летом на даче у Феликса. Рядом со мной его жена Валя, а за ней – его брат Жора.²²

Зимой на даче у Феликса.²³

К сожалению, в последние годы мы с ним стали придерживаться идеологически разных взглядов. Он по-прежнему остаётся приверженцем бывшей Коммунистической партии Советского Союза и нынешней, Зюгановской, Компартии, оправдывает и обосновывает необходимость многих негативных мероприятий, организованных Компартией СССР, приведших к массовой гибели людей, необоснованным арестам, голоду и т.д.

²² Из домашнего архива.

²³ Из домашнего архива.

Я же, после XX съезда Компартии в 1956 году и в последующие годы, после анализа многих событий, чтения книг и статей, общения с инженерно-техническими работниками и рабочими, после избрания во времена Горбачёва на пост первого секретаря Компартии России Ивана Полозкова, весьма посредственной личности, пришёл в партком и положил на стол свой партийный билет.

Считая, однако, что каждый имеет право на свои убеждения, мы с Феликсом остаёмся друзьями. Ведь наша дружба длится уже 65 лет. Мы по своему являемся патриотами своей страны, желаем ей позитивного развития, зажиточной жизни и благосостояния всему народу.

ВОЙНА (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Но вернёмся к техникуму, к годам войны.

Я говорил, что многие пожилые преподаватели и профессора техникума умирали от голода. Но ещё обиднее было, когда по какой-либо причине умирали наши студенты.

На какой-то вечеринке у открытого окна простудился, получил воспаление лёгких и умер наш талантливейший красавец - певец Толя Ларионов. Я называл его итальянцем: у него только начали пробиваться чёрненькие усики, чёрные волосы гладко были зачёсаны назад, глаза сверкали как чёрные спелые вишни. Одет он всегда был очень аккуратно, был предметом вздыхания всех наших девочек.

Да, жизнь несправедлива!

Много лет спустя, находясь по какому-то печальному поводу на Новодевичьем кладбище, я случайно увидел в семейной могиле и его фотографию. Так закончился жизненный путь одного из даровитых наших студентов.

Но шла война. Она была богата не только патриотически настроенными людьми любого возраста, но и массой подонков, которые с нетерпением ожидали прихода немцев в Москву.

16 октября 1941 года стоял вопрос: будут ли Москву защищать или сдадут, как во времена Кутузова – Наполеона.

Мы были уже на чемоданах, но ждали выступления по радио коменданта Москвы Пронина. Он заявил, что Москву будем защищать и врагу не сдадим.

Мы разобрали свой скарб и решили остаться на волю судьбы. А судьба могла быть самой трагической.

Как я говорил, многие не верили, что Москву будут защищать, ждали, что на несколько часов или суток Москва станет открытым городом, где можно будет поживиться за счёт бесхозных товаров, да и соседей пограбить и пострелять.

Один из наших соседей, закройщик и портной Шумский Алексей Иванович, подозвал меня вглубь нашего двора и, указав на высокую берёзу, радостно и со значением произнёс:

- Вот, Леня, на этом дереве завтра – послезавтра будет висеть вся ваша семья. Уж я постараюсь доставить себе удовольствие!

Обида захлестнула меня, а так как только что выступал комендант Москвы Пронин, решил написать заявление в НКВД о высказывании соседа. Было мне 13 с половиной лет. Как писать, кому писать мне было далеко не ясно, но маме я всё это рассказал, и она одобрила моё решение.

Через какое-то время мама вышла на крыльцо, а оно у нас было высокое, и увидела Шумского, который поинтересовался: а что делает Лёнька? Мама ответила, что он пишет заявление в НКВД.

Шумский попросил её позвать меня на крыльцо. Мама мне передала, но я ответил отказом. Вскоре мама зашла в комнату опять и сказала, что Шумский стоит перед крыльцом на коленях, плачет и очень просит меня выйти.

Во мне, конечно, всё колотилось, я примерно представлял, в какое время мы живём, когда по радио постоянно предупреждали о наличии в городе фашистских диверсантов, предателей и людей так называемой пятой колонны. Не хуже меня во всём этом разбирался и Шумский, только не сдержался и этим мог себя погубить.

Я вышел на крыльцо. Внизу на коленях стоял и плакал наш сосед.

Надо сказать, что он был классным портным, шил военные формы для командного состава, но часто полученные материалы и аванс пропивал, за что неоднократно был бит. Выглядел он солидным мужчиной, делал всё неспешно и основательно, себя уважал очень. И вот теперь этот «уважаемый человек» размазывал сопли по лицу и унижался перед каким-то мальчишкой.

- Лёня, что ты сейчас делаешь?

- Пишу заявление в НКВД.

- Я тебя очень прошу, не надо писать, я пошутил, вот видишь, я плачу, я тебя умоляю, я всё для тебя сделаю, только не пиши. Вот ты смотри: я, солидный человек, стою перед тобой на коленях и прошу тебя. Разве мне это не обидно?

- А как мне было обидно, когда вы собирались с радостью загубить всю мою семью?

- Ну ладно, прости меня, дурака, это всё по глупости. Я тебя умоляю: не пиши это заявление!

Откровенно говоря, я и сам не знал, кому и что нужно было написать, но, насладившись его унижением ещё какое-то время, я наконец сказал, что ладно, на этот раз прошу, но уж если что-нибудь такое будет ещё, то я припомню всё.

Об этой картине знал уже весь дом и, надо сказать, к нам стали относиться более сдержанно и даже с уважением. Мои акции во дворе выросли в разы. Кстати, в связи с голодом старики в нашем доме стали умирать один за другим, а были это крепкие люди – носильщики с трёх

вокзалов. В один из дней войны ушёл на тот свет и Шумский, так и не дождавшийся немецких освободителей.

МОЯ СЕМЬЯ

Единственным пожилым человеком, который выдержал всю войну, был мой отец. И в этом нам помог огород, который выделили отцу в Нескучном саду Парка культуры и отдыха им. Горького. Там, за Зелёным театром, были места с лужайками и травкою. Вот их-то и поделили примерно по полторы сотки.

Добираться от нашей Крымской набережной туда в основном нужно было пешком, по набережной парка, но зато агротехнику мы там с отцом развели замечательную. Из дома я брал с собою мешочек золы, благо топили печь дровами, по дороге вдоль парка набирал цветочной земли и торфа. По методу академика Лысенко в течение зимы мы отрезали верхушки клубней с наибольшим количеством глазков, сушили их и весной сажали в грунт, удобрив золою и цветочной землёй. Урожай картошки мы собирали тройной: как только она зацветала, я лез пальцами в кучу земли под кустом, выдёргивал оттуда гладкие, крепкие небольшие клубни и вновь окучивал куст. Таким образом, нам удавалось снимать до трёх урожаев с одного куста. Картошка нас очень выручала.

На огороде у нас росли также морковь, лук, помидоры, зелень.

С ранней весны я уже таскал домой молодую крапиву, лебеду, дикий щавель.

Несмотря на это, пальцы у папы были покрыты красными бляшками цинги, прекрасные зубы вылетели (молодая врач – стоматолог предложила ему удалить зубной камень, и когда она начала втыкать стержни между зубами, они расшатались и вылетели).

Мама.

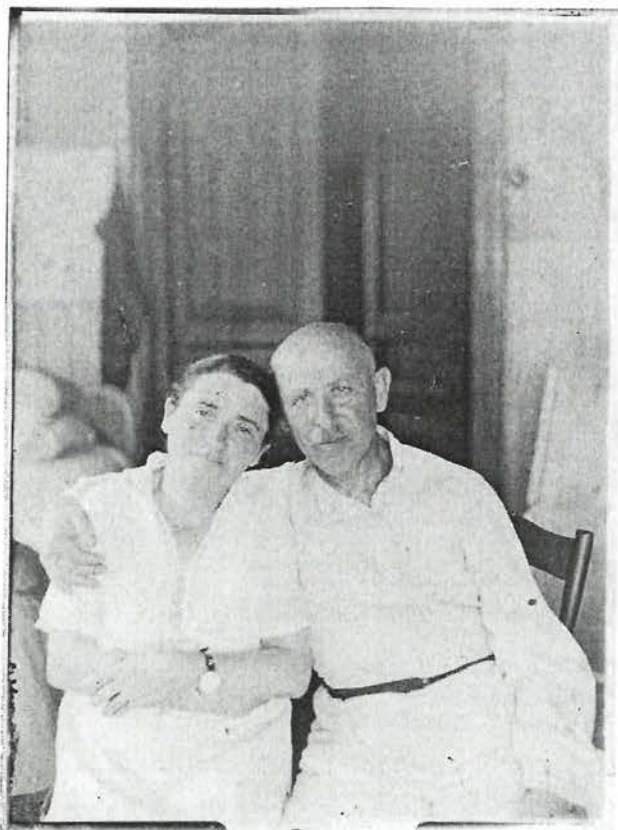
Папа.

Влюблённые родители.

Конец двадцатых годов. Вся семья в сборе.

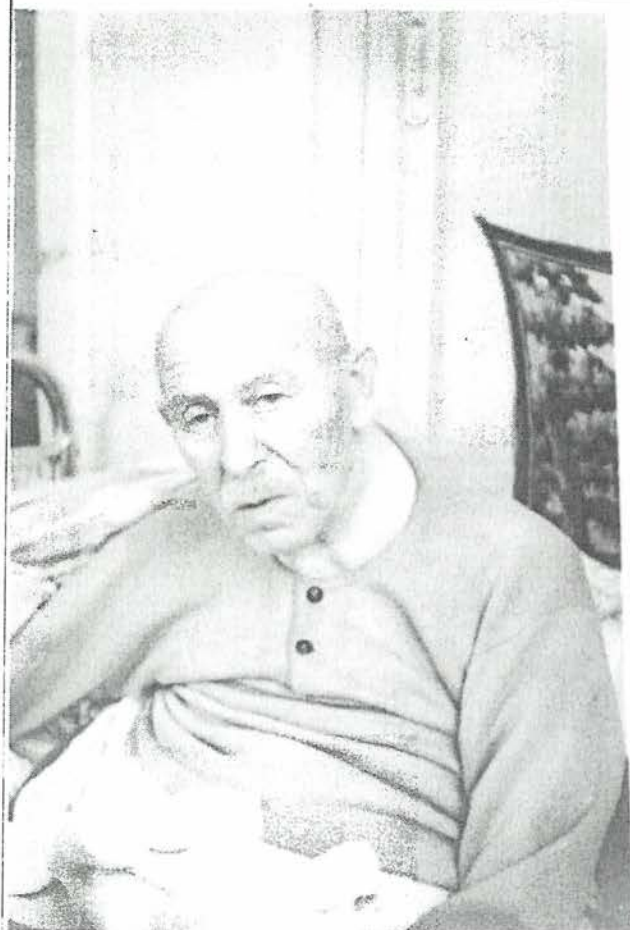
До войны.

После войны.

Пришли зрелые годы.

Печальные годы жизни после инсульта.²⁴

А вообще папа был крепкий человек, очень весёлый. К сожалению, старость его была ужасной.

У него в семье он был старшим, а всего детей было восемь человек. Я знал их не всех, но большинство. В Москве жили папа и его младшая сестра тётя Гита с мужем и тремя детьми. Кроме того, была сестра Матля – учительница и приехала из Палестины Сарра. Матля и Сарра умерли во время войны в эвакуации. В Киеве была красавица блондинка Фаня и кандидат технических наук Давид, которых немцы уничтожили. Жил ещё в Америке младший брат Абрам, которого отец очень любил. Он был отличный художник. У нас на Крымской набережной висели два больших портрета дедушки и бабушки – родителей отца. Эти портреты карандашом были выполнены Абрамом.

Переписка с Америкой была запрещена. Был даже пункт в анкете: есть ли родственники за границей? Но папа и мама периодически писали в Америку (у мамы там было большинство сестёр и братьев, уехавших ещё до революции).

И вот однажды, когда дома был папа, почтальон принёс письмо из Америки, где сообщалось о смерти Абрама. Он был любимец папин, по

²⁴ Из домашнего архива.

возрасту как сын, и это сообщение так его потрясло, что у него произошёл инсульт. Это было в 1957 году.

У него парализовало левую руку и ногу, он перестал разговаривать. Мы привязывали к спинке металлической кровати полотенце, за которое он подтягивался одной рукой и садился в кровати, чтобы как-то облегчить жизнь себе и окружающим. Картина, конечно, была ужасной. Промучился он так семь лет и умер в 1964 году, на 80-м году жизни. Когда его хоронили, мама плакала и говорила, что могла бы за ним ухаживать и дальше, сколько было сил.

Умерла мама через два года, в 1966 году.

Единственная радость, которую ей было суждено познать перед смертью, это переселение из нашего деревенского дома в «хрущёвку» на другом конце Москвы, около Царицына.

Из родных сестёр мамы только одна жила с семьёй в Минске – тётя Бася. Муж у неё был профессор политэкономии, всю войну прошёл политкомиссаром полка, старшая дочь умерла в Минске, а младшая дочь с детьми и внуками живут в Германии и Израиле.

Из родителей моих родителей я знал только папину маму бабушку Зельду, которая жила с семьёю тёти Гиты и дяди Изи и умерла в возрасте 80 лет весной 1941 года, буквально накануне войны. Похоронили мы её на Востряковском кладбище, где похоронены также мои папа и мама. Брат умер в 1998 году. У него остались жена Люся, холостой сын Игорь, которому уже 43 года, замужняя дочь Маша, её дочь и внуки.

ЮНОСТЬ

За войну я отощал, но возраст и молодость стали брать своё. Я постоянно занимался гимнастикой, спортивными играми, коньками и годам к 18-19 уже был довольно сносным молодым человеком.

Надо сказать, что пока я подрастал, учился в техникуме, меня постоянно донимал, как тогда назывался «малолетка», который мог с любым прохожим делать что хотел, на что только хватало фантазии, но его тронуть никто не смел – «кодла» его защищала как малолетку.

И вот такой «малолетка», которому было уже лет 15, постоянно давал мне пенделя под зад, когда я проходил мимо толпы ребят около Куликовки (начало Бабьегородского переулкa).

Техникум я окончил после войны, и на работу и с работы шёл каждый день мимо этой «кодлы», и получал каждый раз полагающийся мне пендель.

Этого малолетку прозвали Портянка, а так как он часть букв не выговаривал, то дразнили его «Арт-ян-а» или «Ой а-а-я».

И вот однажды, когда меня буквально душил позор унижения перед этим Арт-ян-ой, и понимая, что за мою агрессию на меня бросятся все ребята, я тем не менее прямо рядом с ними схватил его в охапку, приподнял над парашютом гранитной набережной и намеревался сбросить его в Москву-реку.

Он заорал благим матом, кричал, что больше не будет меня пинать. К моему удивлению ребята только помогли ему выбраться из моих тисков и ничего мне не сделали.

Я, конечно, весь кипел от гнева и пообещал ему, что в следующий раз он будет в Москве-реке.

На следующий день я специально шёл вдоль набережной у парапета, прямо в гущу ребятни. Арт-ян-а отошёл в сторону, а все ребята протянули мне руки и поздоровались как с равным. Это была моя первая победа над собой.

Хотя в более юном возрасте у меня в серьёзные моменты также проявлялся характер.

ДРУГ ДЕТСТВА ЛЁВА

В детстве мы любили играть в шахматы. Играли то у нас в квартире, то у моего друга Лёвки. А квартиры, вернее комнаты, находились на разных концах той стороны дома, что выходила фасадом на набережную. Заканчивали мы игру поздно, Лёвка выпускал меня из дверей на крыльцо и быстро закрывал дверь. Меня окружала темнота. Но я брал себя в руки и шёл домой не вдоль улицы, а вокруг дома, где был тёмный от деревьев сад, и было совсем темно. Этим я воспитывал в себе какие-то мужские качества, хотя было, конечно, боязно.

Хулиганили мы в детстве много и довольно бездумно.

У Лёвки была непонятно откуда взявшаяся известковая голова манекена. Мы часто, когда не было взрослых, клали на стол эту голову, прикладывали к ней пальто, рукава пальто складывали на груди, как у покойника, ставили свечу и гасили свет. Картина была довольно мрачная и страшная, и мы выбегали за дверь комнаты и затем боялись зайти внутрь.

Но однажды такую проделку мы устроили с нашей соседкой тётей Зиной. Она была одинокая интеллигентная старушка, жила на пенсию с несколькими кошками, и окно её выходило прямо в тёмный сад.

Мы с Лёвкой надели голову манекена на палку половой щётки, накинули на затылок головы белую простыню и ночью подошли к окну бабушки Зины, приставили нашего «мертвеца» к окну и постучали в него.

Послышались шаги, зажёгся свет, появилось лицо бабы Зины, тревожно всматривающееся во что-то за окном, потом раздался тихий вскрик и удар падающего тела.

Никто в то время так и не узнал, отчего внезапно умерла наша соседка. А для нас это был урок: шалости бывают и злыми, и непоправимыми.

Я был на год старше Лёвы, и основная тяжесть гадкого поступка лежала на мне.

Бесшабашность детства сказывалась во многих наших поступках. Было, например, большой удалью пробежаться по парапету гранитной набережной, вызывая замирение сердца от возможности в любую секунду свалиться в

Москву-реку, предварительно грохнувшись об наклонную часть гранитного откоса.

В трамвай мы не садились на остановках, а при подъёме на Крымский мост прыгали на подножку и там же спрыгивали с неё, когда приближалась лестница спуска с моста на Крымскую набережную.

Перед войной стадион «Торпедо» перестал работать и на его территории стали строить Дом Президиума Академии наук СССР. Успели построить только фундамент и стены до перекрытия окон первого этажа. Затем строительство на несколько лет законсервировали, а мы приспособили эти стены с проёмами в районе окон для пробежек по ним с перепрыгиванием через проёмы окон.

В дальнейшем эти стены с фундаментом сломали, и на этом месте выросло здание Дома Художника на Крымской набережной (филиала Третьяковской галереи), а Дом Президиума Академии наук СССР был построен вблизи площади Гагарина, в районе Ленинского проспекта и набережной Москвы-реки.

Довольно экзотически проходил и мой процесс обучения плаванию.

К моему сожалению, несмотря на то, что жили мы на берегу Москвы-реки, лет до 16 я не умел плавать. Уже был довольно большой парень, а барахтался в мутной воде около гранитной набережной, а все ребята плавали вдали.

Лёва Кремень.

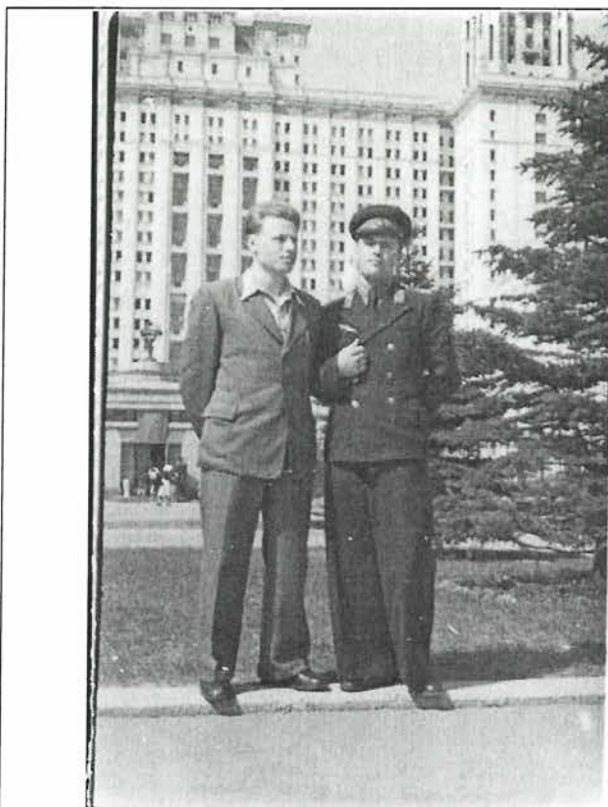
На память,
лучшему другу
Юрия Кр.
от Лёвы
авио-тех. чр.
2/X-49A

Друзья.

Потому, что дружба
 была для нас
 школой жизни.
 Леониду Романовичу
 Фришману
 от
 Льва Евсеевича
 Крестьянина
 г. Орша
 19 $\frac{5}{9}$ 53 года

С Лёвой на фоне Университета.²⁵

Однажды Лёвка, который хорошо плавал, убедил меня, что на середине Москвы-реки плавать гораздо легче, поэтому нужно зацепиться за бревно и плыть к середине реки, а он будет страховать от всякого ЧП.

Спускались мы, как и все ребята на набережной, по длинной трубе, загнутой верхним концом за парапет. Таких труб по всей набережной ребятами было установлено довольно много. Найти бревно тоже не составляло труда.

И вот мы оказались на середине реки, Лёвка стал уговаривать меня отпустить бревно, что я после некоторого колебания и сделал. Конечно, я начал захлёбываться и тянуться к бревну, а он, прохвост, подтягивал его к себе, заставляя меня из последних сил пытаться не утонуть и схватиться за спасительное бревно. Чудо состояло в том, что я какое-то маленькое расстояние какими-то немыслимыми движениями рук и ног сумел проплыть за бревном и наконец схватился за него. Это была победа. Уже с моего добровольного согласия мы ещё несколько раз проделали эту операцию по отпусканю бревна.

Но тут случилось непредвиденное.

Надо сказать, что купаться в Москве-реке в нашем районе между Крымским мостом и Стрелкой запрещалось. Видимо из-за того, что часто проплывали в обоих направлениях теплоходы, буксиры с плотами из брёвен, грузовыми баржами, челноки и байдарки со Стрелки. Для соблюдения порядка на воде в районе Крымского моста со стороны Кропоткинской (ныне

²⁵ Из домашнего архива.

Пречистенской) набережной была пристань с моторками водной милиции. И вот в тот момент, когда я на середине реки держался за бревно, от пристани отчалила моторная лодка с милицией, все ребята быстро поплыли к нашему берегу, в том числе и Лёвка, и я остался в одиночестве с бревном. Милиционеры оценили моё плачевное состояние и решив, что я никуда не денусь, стали гоняться за плывущими к берегу ребятами, но они успевали один за другим подниматься по трубам вверх. Я же, понимая своё обречённое состояние, держась за бревно, одной рукой отчаянно грёб к берегу, и самое удивительное в том, что к моменту, когда милиционеры вспомнили обо мне, я уже выбрался на мель и также быстро вскарабкался на набережную.

В восторге от того что я наконец-то научился держаться на воде, на завтра мы с Лёвкой пошли на участок наиболее короткой дистанции – мы спустились в районе Стрелки, где напротив нашей набережной располагалась пристань, от которой отчаливали челноки и байдарки. Зайдя по отмели в воду, передо мной оказалась пристань примерно в трёх – четырёх метрах. Барахтаясь, я поплыл к ней, но тут появился дядя и стал махать ногою в сторону моей головы в смысле «брысь отсюда!». При приближении к пристани силы мои уже были на исходе, я кричал ему, что не умею плавать, но его нога уже чуть не била меня по голове. Лёвка был рядом, и я с трудом «поплыл» к нашему берегу. Отдышался я, лишь когда ступил на спасительную отмель.

Отдохнув, мы решили, что мой рекорд в 7-8 метров можно немного удлинить и доплыть до красного бакена, плававшего примерно в том месте, где сейчас установлен памятник Петру Первому. К моей радости, заплыв удался. Отдохнув, держась за скобы бакена, мы отправились в обратный путь.

Мой рекордный заплыв к красному бакену, который был на месте памятника Петру 1, на второй день, как я научился держаться на воде, был равен 10 – 12 метрам. А не воздвигнут ли он в честь этого «события»? Надо внимательно посмотреть, нет ли на нём памятной доски.²⁶

Успехи, достигнутые в этот день, позволили нам на третий день с момента держания на воде проплыть от набережной в районе нашего дома, где река наиболее широкая, примерно на 25-30 метров.

На четвёртый день мы доплыли почти до середины реки, на пятый – дальше середины, на шестой решили переплыть на другой берег, а на седьмой день мы переплыли реку и без остановки вернулись к своему берегу.

Я научился нескольким стилям плавания, в том числе отдыху на спине. Видимо, то, что я к этому времени физически окреп, и страстное желание

²⁶ www.moshol.ru

научиться плавать позволили мне в кратчайший срок добиться таких значительных для меня результатов.

«МОСЭНЕРГОМОНТАЖ»

Энергетический техникум я закончил после войны, в 1946 году, и по распределению был направлен техником – теплотехником в трест «Мосэнергомонтаж». Оттуда меня откомандировали в качестве мастера в Монтажное управление №4, занимавшееся монтажом паровых котлов, турбин и другого тепломеханического оборудования, трубопроводов и металлоконструкций на ТЭЦ №12 на Бережковской набережной, недалеко от Киевского вокзала.

И вот 19 августа 1946 года в турбинном цехе МУ -4 появился «мастер» восемнадцати с половиной лет от роду, которого по практическим знаниям и опыту мог заткнуть за пояс не только солидный бригадир, но и любой слесарь низкого разряда. Если к этому добавить ещё мою застенчивость, свойство тушеваться и краснеть в самых неподходящих обстоятельствах, неумение разговаривать по телефону (телефона у нас дома никогда не было), страх перед большими стопками огромных чертежей, внешним видом розового мальчика с пушком на верхней губе, то можете себе представить моё состояние в первые дни и недели работы в должности мастера.

Надо, однако, отдать должное руководству управления, начальнику турбинного цеха Иткиной Тамаре Самойловне, старшим по возрасту и опытным прорабам и мастерам, а также рабочим, которые понимали моё состояние и относились ко мне с пониманием и тактом.

Я же старался как можно быстрее освоиться с обстановкой, наблюдал за работой каждого слесаря, газорезчика или сварщика, изучал чертежи, технологию монтажных работ, и в результате к концу года, когда мы пускали законченную монтажом турбину, успел накопить некоторый багаж и уже не смотрелся «сосунком».

Мне повезло, что монтажный персонал был очень опытным, было чему у него поучиться.

Монтировали мы оборудование, полученное по репарациям из Германии, т.е фактически демонтированное с немецких электростанций. Демонтаж и отгрузка шли в спешном порядке, нужно было восстанавливать разрушенное войной хозяйство, поэтому многое приходилось ремонтировать или изготавливать на месте, а это требовало творческого подхода, более внимательного осмотра каждой детали, что способствовало быстрейшему накоплению опыта монтажных работ.

В 1946 году ещё была карточная система распределения продуктов, поэтому я с радостью узнал, что буду получать не просто рабочую карточку, а ГЦ (горячий цех), по которой кроме всего прочего полагался 1 килограмм хлеба в день, что в два раза превышало количество, получаемое мною в техникуме.

До войны, во время войны и долгие годы после войны многие люди в Москве жили в подвалах, бараках и общежитиях, в лучшем случае в коммунальных квартирах, но как жили наши монтажники, мне пришлось увидеть своими глазами.

Мы работали по 12-14 часов, а то и по две смены подряд. Иногда нужно было срочно вызвать на работу людей определённой специальности.

В один из таких дней меня направили на Потылиху (сейчас это 3-й Сетуньский проезд), находящуюся за Окружным мостом в конце Бережковской набережной.

В длинном помещении без перегородок стояло множество кроватей и тумбочек, разделённых на закутки простынями. Сейчас я уже не помню подробностей, но впечатление было весьма мрачное.

После пуска турбины на ТЭЦ-12 в конце декабря 1946 года новое оборудование для монтажа ещё не поступило, объём работ сократился, и меня перевели техником – конструктором в Проектный отдел нашего треста.

Разработка рабочих чертежей узлов и деталей, инженерный расчёт их прочности пригодились мне в дальнейшей работе.

В проектом отделе было много опытных инженеров-конструкторов, у которых можно было набраться нужных знаний.

Но были и симпатичные молоденькие копировщицы, с одной из которых у меня завязался роман. Работа копировщицы заключалась в том, что она клала на чертёж, выполненный карандашом, прозрачную кальку и тушью обводила всё содержание чертежа: каждую линию, цифру, букву, т.е. именно копировала, после чего в светокопии с кальки печатали нужное количество экземпляров чертежей.

После калькирования разработчик чертежа проверял кальку, указывал копировщице на требующиеся доработки или исправления, после чего ставил на кальке в угловом штампе свою подпись.

Таким образом, конструктор был постоянно в рабочем контакте с копировщицей и часто эти рабочие контакты перерастали во взаимные симпатии.

Июнь 1947 года. Командировка в г. Сталиногорск на ГРЭС с бригадой проектировщиков. До этого я успел поработать на монтаже турбоагрегата мастером.²⁷

ВАЛЯ ТРОШИНА

С Вале́й Трошиной (так звали мою копировщицу) мы дружили года три. До меня у неё во дворе её дома был воздыхатель Женя Шерехов, в Проектном отделе об этом знали и называли её Валя Трофишер (Трошина, Фишкина, Шерехова).

С Вале́й Трошиной.²⁸

²⁷ Из домашнего архива.

²⁸ Из домашнего архива.

Роман наш закончился после приезда из Минска моей двоюродной сестры Лены Раковой, которая в 1949 году ещё была студенткой консерватории.

Моя двоюродная сестра Лена Ракова.²⁹

В нашей семье очень любили музыку: папа самоучкой играл на пианино, но весьма примитивно, мама постоянно что-то напевала, старшая сестра Соня играла на пианино по нотам, что-то дрынковать мог и я, но то, что проделывала на пианино Лена, нас привело в восторг. Она двумя руками могла исполнить любую мелодию, какую напоёшь. Сейчас это прекрасно делают мои дочери Люба и Света, внук и внучки, но тогда это нас поразило.

Эрудиция Лены, её кругозор и прочие достоинства выгодно отличали её от моей симпатии из Проектного отдела, что заставило меня сделать тяжёлые выводы: жениться мне ещё рано, видимо, свою любовь я ещё не встретил.

Очень тактично мне пришлось объясниться с Валею, были слёзы разочарования, но в дальнейшем мы всё-таки остались друзьями. Я объяснил, что не вправе морочить ей голову, т.к. я должен окончить институт, а это потребует много лет, поэтому будет честно с моей стороны отойти в сторону и не мешать ей устроить свою жизнь.

Женя Шерехов продолжал вздыхать по ней, поэтому вскоре она стала Шереховой. У неё две дочери. Она хорошая мать и жена.

²⁹ Из домашнего архива.

ЕЩЁ РАЗ О ДЕТСТВЕ И РОДИТЕЛЯХ.

Хочу сделать отступление и ещё раз вернуться в детство, чтобы подчеркнуть роль моих родителей не только в моём воспитании и становлении как личности, но и в прямом смысле в защите и сохранении моей жизни.

В детстве эту фотографию называли «Лёня – пам». «Пам» - это молоток, которым я забивал большой гвоздь в дырочку в табуретке, затем подлезал под неё, выбивал гвоздь и снова его забивал. Это было моё любимое занятие.

Где-то в 3-4 года я последовательно, с коротким промежутком времени переболел скарлатиной и дифтеритом.

Я уже писал, что папа мой работал бухгалтером в правлении Центрального парка культуры и отдыха им. Горького. В дни праздников практически все работники парка шли на демонстрацию, а детей собирали в кинотеатре ЦПКО (около Крымского моста), где нам показывали мультфильмы, организовывали самодеятельность и т.д., после чего вручали подарки.

На сей раз в сопровождении взрослых нас покатали в кузове грузовой автомашины на специальных сиденьях из досок. Дядечка, сидевший рядом со

мною и державший меня, в знак дружелюбия и хорошего праздничного настроения одел мне на голову свою фуражку.

Через несколько дней я заболел скарлатиной. Как впоследствии выяснилось, его сын в это время болел скарлатиной.

От меня буквально по всем ближайшим домам на Крымской набережной началась эпидемия скарлатины, а одна девочка, подруга моей старшей сестры, Варя, умерла.

Отболев скарлатиной, я заразился дифтеритом. Удивительно, но, спустя столько десятилетий я помню, как мама со мною на руках почти бежала через Крымский мост, а я задыхался, воздух почти не проходил через горло.

Вылечили меня в Филатовской детской больнице, но часть клеток носоглотки атрофировалась. В детстве и юности я как-то приспособился к постоянной сухости в горле, но когда начал работать и был командирован в Сталиногорск (ныне Новомосковск) на монтаж оборудования электростанции, работающей на высокосернистом подмосковном угле, мне пришлось вспомнить свой детский дифтерит. Загазованность на станции и в городе была такая, что я стал задыхаться. Еле отработав срок командировки, в Москве я обратился в поликлинику к отоларингологу. Врач на мой вопрос о перспективах облегчения моих страданий спокойно ответила, что новое горло мне никто не поставит и дальше может быть только хуже.

Обострение у меня было очень сильное, настроение хуже некуда. Не хотелось жить. Я давно писал стихи. На этот раз у меня выплеснулось такое:

ПЕЧАЛЬ ОРЛА

Орёл свой голос потерял:
Охотник ранил, не убил.
Лишь только горло прострелил
И голос литься перестал
У серокрылого орла!

Не стало боли наконец,
Снаружи вовсе не видать,
Покрылся пухом тот рубец,
Но как приходится страдать
тому несчастному орлу!

Бывало, крикнет на лету,
Свою подругу увидав, -
Прижмётся заяц-трус к кусту,
Ягнёнок в стаде, задрожав,
Забьётся в ноги пастуху.

В том крике радости порыв,
Любовь к подруге молодой,
В том крике ярости наплыв,
В нём смелый клич на смертный бой
И вестник смерти для врага.
Что жизнь без крика для орла?

С подругой верной на горе
 Сидит он гордо и молчит.
 Под ним, играя на заре,
 Речушка горная журчит,
 С орлом о чём-то говорит.

Забыл орёл про свой изъян,
 Ведь он же молод, не старик,
 Что он безгласен – то обман!
 Сейчас он крикнет... Но не крик
 До слуха долетел орла:

Как шелест сильного крыла
 Пронёсся шёпот с хрипотцой,
 А с ним надежда умерла,
 Надежда, бывшая мечтой,
 Оставив бедного орла
 С его безмерною тоской.

О, злая пуля, скверный путь
 Себе судьбой ты избрала,
 Взяла пониже бы чуть-чуть
 И унесла бы за собой
 Не только голос молодой,
 Но и могучего орла!

31. 01. 1949 г.

По обыкновению, я с мамой делился всеми своими радостями и печальями.

Свои творческие опусы я также показывал ей. Показал ей и это стихотворение.

Она очень взволновалась, хотела пойти к смотревшей меня докторше – отоларингологу и наговорить ей кучу «приятных слов» по поводу её профессионализма и отсутствия врачебной этики, что могло привести пациента к самоубийству. Потом она пошла по другому пути. Она показала меня своим коллегам – врачам, совместно определили методы лечения, в том числе народными методами. Я ежедневно по многу раз полоскал горло содой с солью и несколькими каплями йода, керосином (он, кстати, здорово помог), а главное – научился прижимая язык к нёбу резким вдохом через нос очищать гортань и обретать свободное дыхание.

Всё это получилось не вдруг, но жить стало лучше, и дурные мысли отошли в сторону. Горло, конечно, новое у меня не выросло, но я понял, что болячки в жизни у людей бывают и страшнее, но надо уметь с ними бороться по мере их появления, не падать духом и действовать по принципу героя романа В. Каверина «Два капитана»: «Бороться и искать, найти и не сдаваться!»

Сейчас мне уже идёт восьмидесятый год. В моей длинной жизни было много поводов для борьбы и физической, и морально-нравственной, и за

здоровье и благополучие своих родных и близких, за отстаивание своих убеждений и правильность технических решений по работе. Приходилось вести бесконечные поиски наиболее правильных решений, находить их, не сдаваться и не падать духом при возникновении новых трудных жизненных обстоятельств.

Итак, жизнь продолжалась.

РАБОТА И ЗАОЧНЫЙ ИНСТИТУТ

Как я уже писал, в 1946 году я окончил энергетический техникум, начал работать, а на следующий год поступил без отрыва от производства во Всесоюзный Заочный Политехнический институт.

Совмещать учёбу с работой мне было очень тяжело, т.к. меня постоянно посылали в командировки, а если это была работа в Москве, то она длилась с раннего утра до ночи, отнимала все силы. В послевоенные годы шло восстановление и развитие народного хозяйства, страна остро нуждалась в новых энергетических мощностях, и нам приходилось работать, буквально не думая о себе.

В советское время никакая рабочая загрузка и параллельная учёба не давали человеку права быть в стороне от общественной работы. Каждый член коллектива обязан был заниматься какой-либо общественной работой: заниматься в каком-нибудь политкружке, быть дружинником и ходить по графику на уличные дежурства и т.д., ну а если ты ещё являешься членом партии или комсомола, то обязанности твои возрастали многократно.

Меня, как активного молодого человека, избрали секретарём комсомольской организации нашего треста «Мосэнергомонтаж», так что спустя какое-то время у меня на лице остался один только нос. Именно на это и обратил внимание на одном из собраний наш управляющий Березин Яков Давыдович. Он так и сказал:

- Смотрите, у Фишкина на лице остался один нос, его совсем заездили, надо ему дать отдохнуть.

Профсоюз быстро отреагировал, и мне в августе 1948 года дали горящую путёвку в санаторий, в Ялту. Тогда на такую путёвку мог рассчитывать только солидный руководитель, а не молодой специалист, каковым я являлся. Но солидный руководитель заболел, осталось до начала срока путёвки всего два дня, и её отдали мне. А что мне с ней делать? Денег на дорогу у меня нет.

И здесь дирекция и профком пошли мне навстречу. Так как плацкартных билетов в железнодорожной кассе уже не было, мне купили билет в купе СВПС (спальном вагоне прямого сообщения) и дали ещё денег на обратную дорогу.

Надо сказать, что жили мы с родителями далеко не зажиточно, в детстве я ездил только в подмосковные пионерские лагеря, а здесь я оказался в купе на двоих человек с мягкими диванами, зеркала и прочими удобствами, что привело меня в телячий восторг.

По приезде в Симферополь, расположенный примерно в центре Крыма на равнинной местности, мы пересели в автобус, который повёз нас к югу по крымским горам. Взбирались вверх мы по серпантину (извилистой дороге), пока не достигли вершины – перевала.

Тут я увидел мираж: небо уходило куда-то вниз, и на нём был отчётливо виден корабль. Я в восторге закричал:

- Смотрите! Мираж! На небе корабль!

Но опытные попутчики снисходительно улыбнулись и сообщили мне, что это не мираж, а плывущий по морю корабль.

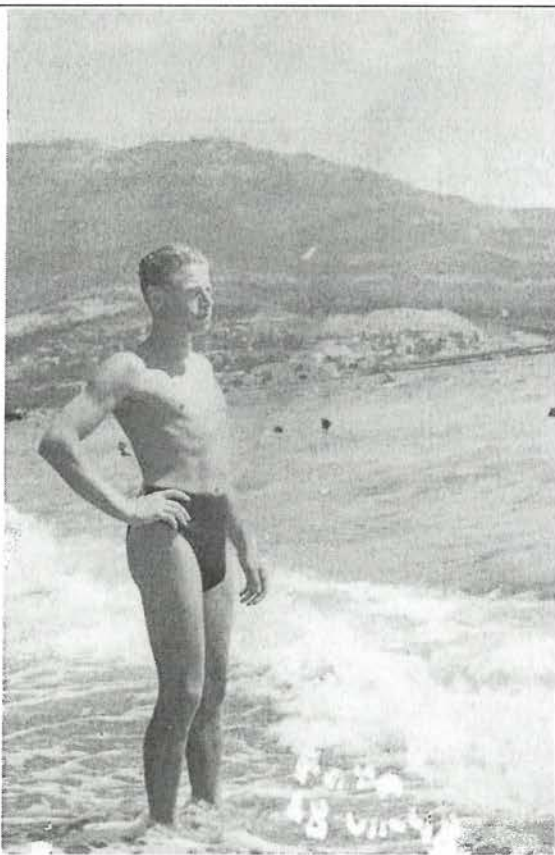
- А где же море?

- Так вот оно. По нему плывёт корабль.

- А где же начинается небо?

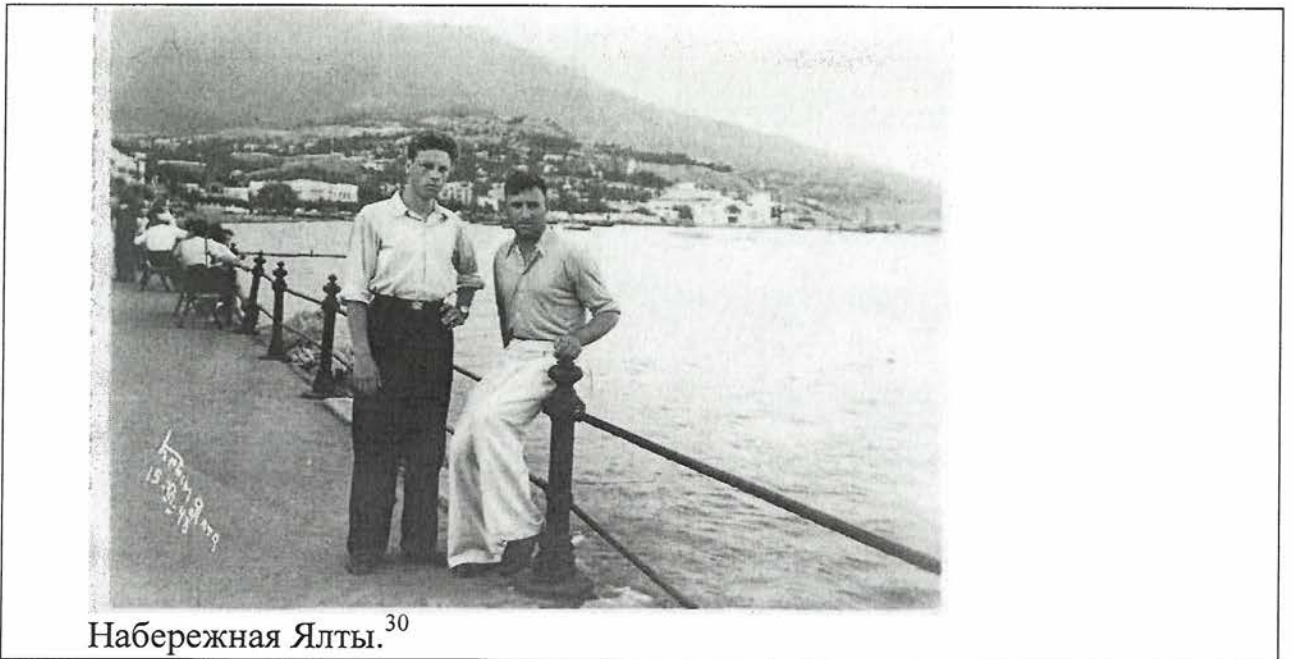
- Из-за одного голубого цвета его не видно!

Так вот оно какое оказалось Чёрное море – голубое! Моё восторженное состояние продолжалось и дальше, во время пребывания в санатории: пальмы, кипарисы, магнолии и, конечно, купание в море, игра в волейбол, вечерние танцы. Ну и, конечно, шикарное питание.

Ялта. Крым. Море.

Свой восторг я описал в нескольких стихотворениях, а одна подмеченная мною ситуация послужила поводом для рассказа.

Набережная Ялты.³⁰

МУХА

Ялта. Где-то совсем недалеко шумит морской прибой. В тени вековых кипарисов, утопая в зелени, стоит санаторий. Только что кончился обед и отдыхающие не спеша расходятся по своим палатам. Предстоит двухчасовой «мёртвый час».

На кровати возле двери лежит пожилой человек довольно тучной комплекции с лысиной во всю голову. Ему жарко. Он подмял под себя простыню и по-детски разметал руки на подушке.

Несмотря на обилие в воздухе солнечных лучей, тело его отликает матовой белизной. Толстяк спит и ему, вероятно, снится что-нибудь очень приятное. Лицо его во сне разрумянилось, углы губ еле заметно подёргиваются.

Вдруг он весь передёрнулся и сейчас же открыл глаза:

- Подлая! Опять здесь, проклятая тварь!

Кто бы мог подумать, что с уст этого человека могут срываться подобные восклицания.

- Опять она здесь! Нет, я умру, я не выдержу! Это какая-то пытка!

Он снова весь передёрнулся и, взмахнув рукой, сжал пальцы в кулак, но тут же беспомощно опустил руку на простыню.

Что же разбудило его? Страшный сон? Невероятно. Ведь до этого лицо его выражало полнейшее блаженство. Так к кому же относятся его слова? Ведь все кругом спят...

Все ли? А это кто на столе? Муха...

Надо заметить, что в Ялте почти нет мух и эта муха- своего рода редкость.

³⁰ Из домашнего архива.

И вот эта «редкость» уже третий день исправно посещала этого добродушного, на взгляд, человека.

В том, что прилетает каждый день одна и та же муха, он был более чем уверен.

Все его попытки изловить её увенчались полным провалом.

Муха обладала тонким чутьём. С завидной уверенностью она путешествовала по обширному, разморенному жарой, телу толстяка, но стоило ему сделать только едва заметное движение, она оказывалась на столе и делала вид, что усиленно работает над крошкой хлеба.

- Паскудница! Язва! – продолжал сыпать брань несчастный растревоженный человек. – Ползала бы вон по тому коричневому борову. Не всё ли равно, по ком ползать. А его кусай хоть собака, всё равно не проснётся.

Муха продолжала ползать по столу.

Поворчав ещё что-то неразборчивое, толстяк успокоился и, кажется, уснул.

Надолго ли?

Вот он снова передёрнулся и проворно сел на кровати.

- Несчастливая! – процедил он сквозь зубы.

Его трудно было узнать. Рот искривился, заметно дрожала нижняя челюсть, в глазах появился бешеный огонь.

- Гадина!

Толстяк поднялся и, вытянув руку, осторожно сдерживая дыхание, тронулся к столу, куда уже снова перебралась муха.

Вот он уже занёс руку, замахнулся...Раз!

- Ура! Она должна быть в кулаке.

Но увы...разжат уже последний палец, а мухи нет как нет. Где же она? Неужели улетела?

Как ни в чём не бывало, муха прохаживалась по подушке на его кровати.

Ещё одна попытка поймать её, ещё одна – и удручённый толстяк в бессильной злобе опускается на кровать. Он готов разрыдаться. Сон совершенно пропал, на глаза навёртываются слёзы. Чего только не делает с человеком муха, особенно если попадётся такая «способная»!

Нет, так оставить нельзя, нужно её как-то изловить. Иначе хоть уезжай с курорта!..

Но что же делать, как быть?

Сосед...Да ведь это идея! Молодой, ловкий, ему поймать её – раз плюнуть.

Но как его разбудить? Прямо разбудить – неудобно...

Толстяк начинает греметь чашкой в тумбочке, хлопать дверцей, громко кашлять. Всё напрасно! «Коричневый боров» и не думает шевелиться.

Толстяк беспомощно опускает руки. Но вот он, кажется, принял какое-то решение.

Короткий взмах и скользящий удар по плечу будит соседа.

- Вы что, отец?

- Ммм...Эээ...Вас это...эээ...как её...муха кусает...

- Ну и бог с ней. Пускай кусает.

Он снова поворачивается на бок. Сейчас он снова заснёт – и всё пропало.

- Ммм...Эээ...Молодой человек!

- Что, отец? Чего вы не спите?

- Слушайте, молодой человек, поймайте муху.

Парень удивлён. Он с интересом рассматривает толстяка.

- Муху?.. Какую муху?

- Вон ту, что на столе.

Парень начинает смотреть на толстяка с искренним любопытством.

- Поймайте, я Вас очень прошу...

«Гм...странное помешательство».

Парень усмехнулся и тронулся к столу. В следующий миг муха была уже у него в руке.

- Не давите! Умоляю Вас! Дайте её мне!

На соседних кроватях зашевелились.

- Кого там поймали? Эй, Борис, ты кого поймал?

- Муху.

- Муху? Я думал, крокодила. Спал бы лучше!

Скоро все опять заснули. И только удивлённый до крайности Борис был свидетелем забавной картины: толстяк, забравшись на кровать и утвердившись на подушке, с улыбкой полнейшего счастья, смакуя, истязал муху, отрывая у неё по одной ножке и держа за оставшееся одно крыло.

- Преступление...и наказание! – торжественно закончил свою казнь толстяк и, облегчённо вздохнув, растянулся во весь рост, покойно положив руки на белый, матовый живот.

У меня есть соседка. С каким наслаждением взял бы я её за нежные ручки и не спеша, со вкусом, вырвал бы её ножки: сперва одну, потом другую.

Вредна и назойлива – как муха!

Август 1948 г.

ВЕЛОСИПЕД

Поездка на отдых в Ялту была для меня незабываемым событием.

Но жизнь, к сожалению, состоит из будней, трудовых, учебных и т.д.

При распределении из техникума в 1946 году мне положили оклад в 600 рублей, что было весьма не густо. Приличный заработок в то время был порядка 1500-2000 рублей. Мне очень хотелось подработать, но не получалось.

И вот когда я стал работать в Проектном отделе нашего треста, и уже кое-что у меня стало получаться, Главный инженер одного из наших монтажных управлений предложил мне «халтуру»: переработать имеющийся у него проект реконструкции котлоагрегата с ручной заброской угля в топку на стокерное разбрасывание топлива из бункера при помощи струи пара. Не буду вдаваться в технические подробности, скажу только, что этот котлоагрегат находился в городе Анжеро-Судженске, о котором я не имел никакого понятия.

Я получил типовой проект реконструкции и чертежи котлоагрегата в Анжеро-Судженске. Нужно было разработать, скомплектовать и переплести новый проект в виде трёх комплектов рабочих чертежей с пояснительной запиской, сброшюровав их отдельными томами в твёрдом переплёте.

Помимо основной инженерной работы, которую я выполнял дома, мне потребовалось за отдельную плату привлечь копировщика рабочих чертежей, работницу по светокопированию и размножению калек, машинистку для печатания пояснительной записки и переплётчика, который на твёрдом переплёте сделал ещё золотое тиснение названия проекта. Для выполнения всех сопутствующих работ я привлёк работников нашего проектного отдела за плату по договорённости. Все с удовольствием приняли в этом участие.

С кем был связан этот главный инженер, кто ему предложил эту работу, сколько он получил за это – меня не интересовало. Я же спустя какое-то время получил от него 3000 рублей для меня лично и ещё какую-то сумму для того, чтобы рассчитаться с моими наёмными работниками.

Полученный мною «левый» заработок в конечном итоге изменил в положительную сторону всю мою дальнейшую жизнь.

Где-то в 1944 году муж моей старшей сестры подарил мне старенький велосипед, который я постоянно чинил и перегружал, катая на раме своих товарищей и перевоза урожай овощей и картофеля с огорода из Нескучного сада парка им. Горького. Однажды, когда я проезжал по булыжной мостовой от Калужской площади (ныне Октябрьской) в сторону Крымской набережной, с мешком картошки на заднем багажнике и сидящим на раме двенадцатилетним соседом по дому, в момент, когда за нами почти вплотную ехал грузовик, у меня соскочила цепь; я успел немного притормозить, крикнул Ване «Прыгай!», прыгнул на тротуар сам и перебросил через себя велосипед с картошкой. Грузовик, к счастью, нас не задел.

Но когда мы встали, и я поднял велосипед, у него как срезанные отвалились две трубки передней вилки, держащей переднее колесо. Отвалились они минутой назад, и я бы не писал сейчас эти строки. Не сложилась бы судьба и у моего товарища. Моя мечта была – иметь новый, хороший велосипед.

Получив свои честно заработанные деньги, я отправился в Ленинский универмаг на Серпуховской площади, где я уже раньше присмотрел себе полученный по репарациям из Германии шикарный велосипед «Диамант», что в переводе означает «Бриллиант», и купил его.

Он был такой мощный и красивый, что когда я катался на нём, прохожие останавливались и смотрели вслед, а когда я останавливался, собиралась группа восторженных людей.

О качестве этого велосипеда можно судить по тому, что сейчас, шестьдесят лет спустя, он в рабочем состоянии находится у меня на даче, и я ежегодно летом на нём катаюсь, а в молодости в свободное время я не слезал с его седла. К сожалению, в начале 60-х годов я хранил его на балконе полученной мною квартиры под полиэтиленовой плёнкой и у него проржавели спицы и крылья, поблекла раскраска, но прочности он не утратил.

О том, какую роль сыграл мой велосипед в моей жизни, я расскажу позднее.

Расскажу ещё об одном эпизоде, связанном с моей работой в Проектном отделе. Отдел выполнял работы по заказам наших Монтажных управлений, которых в нашем тресте в Москве и ближайших областях было десять.

Механизация управлений была на уровне тех лет: в основном ручные и частично электрические лебёдки. Было несколько маленьких автокранов.

Одному московскому управлению повезло получить небольшой башенный кран, они его перевезли по частям на строительную площадку, но смонтировать на всю высоту имевшийся кран с короткой стрелой его не смог.

Решать этот вопрос руководство Проектного отдела поручило мне.

Используя новейшие технологические методы, я решил собрать башенный кран на рельсах в горизонтальном положении и при помощи «падающей» стрелы поднять его в вертикальное положение.

Падающая стрела представляла собою трубу, нижний конец которой имел шарнир, вокруг которого она могла вращаться в вертикальной плоскости. Верхний конец трубы имел два уха. Одно ухо связывалось тросом с башенным краном, а второе через систему многороликовых блоков и тросов (полиспастов) соединялось с электрической лебёдкой. Мачта ставилась первоначально в наклонном положении, головой к башенному крану, с тем, чтобы после подтягивания лебёдкой она повернулась вокруг нижнего шарнира, увлекла за собою башенный кран и поставила бы его в вертикальное положение. Для того, чтобы башенный кран не сползал по рельсам, а крутился вокруг двух нижних колёс, к рельсам были приварены специальные упоры, а для придерживания его против опрокидывания и плавной установки второй пары колёс на рельсы, верхняя часть башенного крана была закреплена (расчалена) к двум ручным лебёdkам, которые, постепенно стравливая тросы, должны были позволить крану плавно встать всеми четырьмя колёсами на рельсы.

Вся работа по изготовлению мачты по моим чертежам и полная подготовка к подъёму была проделана с моим участием, после чего мы попробовали оторвать кран от земли, проверить все механизмы и собрались с мастером управления и бригадой в вагончике для перекусона.

На площадке никого не было.

Вдруг в тишине мы услышали работу электрической лебёдки. Выскочив из вагончика, мы увидели, что штурвал включения контроллера лебёдки крутят ради игры два паренька лет двенадцати – тринадцати.

Кран уже пошёл на подъём. Мы вскачь бросились к лебёдке, нашкодившие ребята от нас врассыпную. Ещё минута – две, и кран встал бы на рельсы, после чего опрокинулся.

Думаю, что не только я, но и все участники этого подъёма крана на всю жизнь запомнили полученный стресс.

Успокоившись, кран мы подняли. Кстати, о таком методе подъёма башенных кранов мне больше не приходилось слышать. Да и техника шагнула далеко вперёд.

От Проектного отдела я был прикомандирован к Монтажному управлению №2, которое возглавлял Голофтеев Константин Григорьевич. Это был симпатичный мужчина лет 45-48, очень энергичный, волевой, но не имевший не только специального, но и мало-мальски общего образования, но сумевший самоучкой от рядового рабочего добиться права на руководство большим коллективом ИТР, рабочих и служащих. Он хорошо разбирался не только в технике, но и в людях. Себя он с улыбкой называл «самородок» и, пожалуй, он был прав. Таких самородков у нас в руководстве было много, и в подавляющем большинстве они достойно занимали свою должность. Главным инженером при таком начальнике, как правило, был дипломированный инженер или, на худой конец, техник.

Моя задача как проектировщика заключалась в подготовке всей необходимой документации по производству монтажных работ.

В Проектном отделе я входил в группу старшего инженера Мацко Татьяны Фёдоровны. Это была очень темпераментная женщина, в возрасте примерно 32-34 лет, недавно ставшая вдовой. У неё был сын 10-12 лет.

При отсутствии в её поле зрения подходящих мужчин, она положила глаз на меня, а я в то время был увлечён копировщицей Валеё Трошиной. Не встретив с моей стороны понимания, она стала мне мстить, создавая у руководства отдела мнение обо мне как о никудышном, бездарном работнике, не способном на самостоятельную серьёзную работу. Я это чувствовал по отношению ко мне руководства отдела.

Начальник отдела позвонил Голофтееву К.Г. и сказал, что, к сожалению, все работники отдела заняты на серьёзных работах, и поэтому в настоящий момент он не может меня заменить, на что начальник Монтажного управления ему ответил, что Фишкин Лёня его вполне устраивает по всем параметрам и никакой замены ему не требуется.

Это было откровением для руководства отделом, а мне Голофтеев рассказал об этом разговоре и был очень удивлён его содержанием.

Зная, откуда дует ветер, я разразился экспромтом.

ПРОЧЬ СТУПАЙ!

Не терзайся так жестоко
И так низко мне не мсти:
Просто нет во мне порока,
Т.е. нет к тебе любви.

Ты истрёпана годами,
А, быть может, и людьми.
Что же общего меж нами?
Хорошенечко пойми.

Я же молод, полон силы
и мне чужд людской разврат.
Поцелуй ищу я милой,
А не твой блудливый взгляд.

Не хитри, не улыбайся
и меня не увлекай.
Поскорее убирайся.
Не понятно? Прочь ступай!

14 марта 1948 г.

С годами я понял, что отвергнутая женщина способна на многое, но я был в свои двадцать лет ещё полон юношеского максимализма и негодования.

Между тем моя работа проектировщика по организации работ в Монтажном управлении принимала всё более сложный характер. Я находился на ТЭЦ №9 (теплоэлектроцентраль), расположенной напротив Автозавода им. Сталина. После смерти Сталина и развенчания его культа, заводу было присвоено имя его бывшего директора Лихачёва (ЗИЛ).

На территории ТЭЦ №9 находилась ТЭЦ ВТИ – Всесоюзного Теплотехнического научно-исследовательского института, который также со своими лабораториями располагался на территории ТЭЦ №9.

Наше Монтажное управление на ТЭЦ ВТИ монтировало экспериментальный котлоагрегат на сверхкритические параметры пара: 300 атмосфер и 600 градусов Цельсия. Для сравнения скажу, что действующие сейчас промышленные электростанции работают на паре в 140 атмосфер и 550 градусов, при этом толстостенная труба, по которой несётся пар, раскаляется до красного цвета (это можно увидеть, только если снять теплоизоляцию, покрывающую трубы).

Сложность моей работы проектанта заключалась в том, что, разрабатывая проект производства работ, я мог располагать только теми механизмами и ресурсами, которые имелись в наличии в Монтажном

управлении, а в 1948-49 годах это были ручные и несколько электрических лебёдок. Все остальные приспособления я должен был проектировать сам, при этом использовать те материалы, которые были в наличии.

Всё это я описываю для того, чтобы понять, в какой обстановке мне приходилось крутиться со своими техническими идеями.

Хочу рассказать только об одном эпизоде.

После сборки конструкций котлоагрегата нужно было на нём установить металлическую дымовую трубу высотой 30 м и диаметром 2 м.

Сложность заключалась в том, что рядом находилось открытое электрическое распределительное устройство ТЭЦ №9. Лебёдки располагались и крепились в непосредственной близости к действующему электрооборудованию. Подъём трубы я задумал по частям, поднимая одну царгу (часть трубы) и подводя снизу другую часть.

Для подъёма были запроектированы две мачты из труб диаметром примерно 300 мм, которые по расчёту должны были при максимальном грузе прогибаться в вертикальной плоскости, но не разрушаться. Более крупных труб для мачт в управлении не было.

От лебёдок через систему отводных блоков тросы шли к верхушке мачт, где были подвешены многороликовые блоки, соединённые с нижними многороликовыми блоками тросом, образуя так называемые полиспасты, которыми и поднималась дымовая труба.

По мере наращивания дымовой трубы груз становился всё весомее, и мои мачты начали гнуться.

Начальник управления Голофтьев понимал, конечно, лучше меня, что может быть, если дымовая труба вместе с мачтами рухнет на распределительное устройство ТЭЦ.

Здесь одной тюрьмой не отделаешься.

Он спросил меня, выдержит ли моя система подъёма. Я свято верил в правильность своих расчётов. Тогда он мне скомандовал:

- Лёня, под трубу!!!

И во время подъёма максимального груза я стоял под дымовой трубой.

Забегая вперёд, скажу, что спустя несколько лет я работал у Голофтьева начальником турбинного цеха, затем главным инженером управления.

КОМСОМОЛ

В Московский энергетический техникум я поступил во время войны – в 1942 году. Я был обычным мальчишкой, но ощущал в себе комплекс неполноценности, в компании чувствовал себя зажато, когда хотел что-то рассказать или оказывался в центре внимания, быстро краснел и тушевался. Товарищи понимали моё состояние и обращались со мною очень тактично.

Я был самым маленьким среди ребят, цвет лица у меня был нежно-розовый, поэтому девочкам доставляло удовольствие приводить меня в смущение. Они окружали меня и говорили:

- Ну-ка, покрасней немедленно!

И я краснел, к их удовольствию, не в силах совладать с собою, чувствуя на себе их восторженно-снисходительные взгляды.

Мне очень хотелось преодолеть свои комплексы, стать более раскованным, не теряться и не зажиматься во время общения с людьми.

Мама понимала меня и рекомендовала участвовать в общественной жизни техникума.

В 1943 году на общем собрании комсомольской организации техникума меня приняли в комсомол.

До окончания техникума в 1946 году я участвовал в различных секциях комсомольской организации и профкома.

После распределения в трест «Мосэнергомонтаж» я встал на учёт в комсомольской организации треста, где участвовал в выпуске стенгазеты, выступал по различным вопросам текущей работы и политической жизни страны.

Практическая деятельность на производстве и в Проектном отделе в сочетании с общественной работой постепенно начали устранять мои комплексы, я стал более раскованным, убедительным в своих суждениях, решительным в своих поступках.

В 1949 году меня избрали секретарём комсомольской организации треста, разумеется, без отрыва от производства.

СТАРШИЙ ПИОНЕРВОЖАТЫЙ

В 1950 году меня приняли кандидатом в члены партии, и в качестве партийного поручения предложили на летний период 1951 года стать старшим пионервожатым в пионерском лагере треста «Мосэнергострой», в состав которого входил наш монтажный трест.

До войны, с тех пор, когда я начал учиться в школе, после окончания первого класса в 1936 году, я ездил в пионерлагеря от папиной работы в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького. Последний раз я был в лагере после начала войны в 1941 году. Порядки и все церемониалы в пионерлагерях мне были знакомы, но я был рядовым пионером, а здесь мне предлагали стать старшим пионервожатым, заместителем начальника лагеря по воспитательной работе, руководителем примерно 150-ти пионеров, десятка пионервожатых и такого же количества воспитателей – педагогов.

Мне необходимо было получить консультацию и перенять опыт работы у какого-нибудь пионервожатого, и я нашёл такого: подруга моей сестры, наша соседка по дому Дурнина Мария Сергеевна много лет подряд была старшей пионервожатой и очень много мне рассказала об этой специфической работе, за что я ей был очень благодарен. Она была красивая, стройная девушка, пользовалась большим вниманием у молодых людей, была общительна и раскованна.

Помимо этого перед открытием пионерлагеря профсоюз треста «Мосэнергострой» направил меня на районные сборы старших пионервожатых

Наш пионерлагерь располагался в Тучково по Белорусской дороге. Я заранее ознакомился с его территорией и предложил профкому поставить в нескольких местах щиты с выдержками из популярных пионерских песен.

Первое боевое крещение было у меня на площади Белорусского вокзала, куда родители в день отъезда в лагерь привезли своих детей. С пионервожатыми и воспитателями я познакомился раньше во время приёма их на временную летнюю работу и распределил по отрядам, поэтому первую организационную работу по «отделению» ребят от родителей пришлось выполнять им.

Ведя весь лагерь к платформе, я мужественно запел во весь голос:

- «Это чей там смех весёлый, чьи глаза огнём горят?»

Я рассчитывал, что ребята меня поддержат и не ошибся:

- «Это смена комсомола, юных ленинцев отряд!

Пионер, не теряй ни минуты, никогда, никогда не скучай,

Пионерским салютом утром солнце встречай.

Ты всегда пионерским салютом утро Родины встречай!»

Старшим пионервожатым я работал два лета подряд в 1951 и 1952 годах. Много разных событий произошло в эти два лагерных лета. Некоторые запомнились очень отчётливо.

Примерно в километре от лагеря протекала Москва-река. Туда в хорошие дни мы всем лагерем ходили купаться.

Дорога к месту купания проходила по краю высокого обрывистого берега.

Однажды, когда мы возвращались с купания, нам повстречались два подвыпивших взрослых местных жителя. Увидев впереди шагавших девочек из первого отряда, они стали распускать руки, выражая свой восторг милыми созданиями.

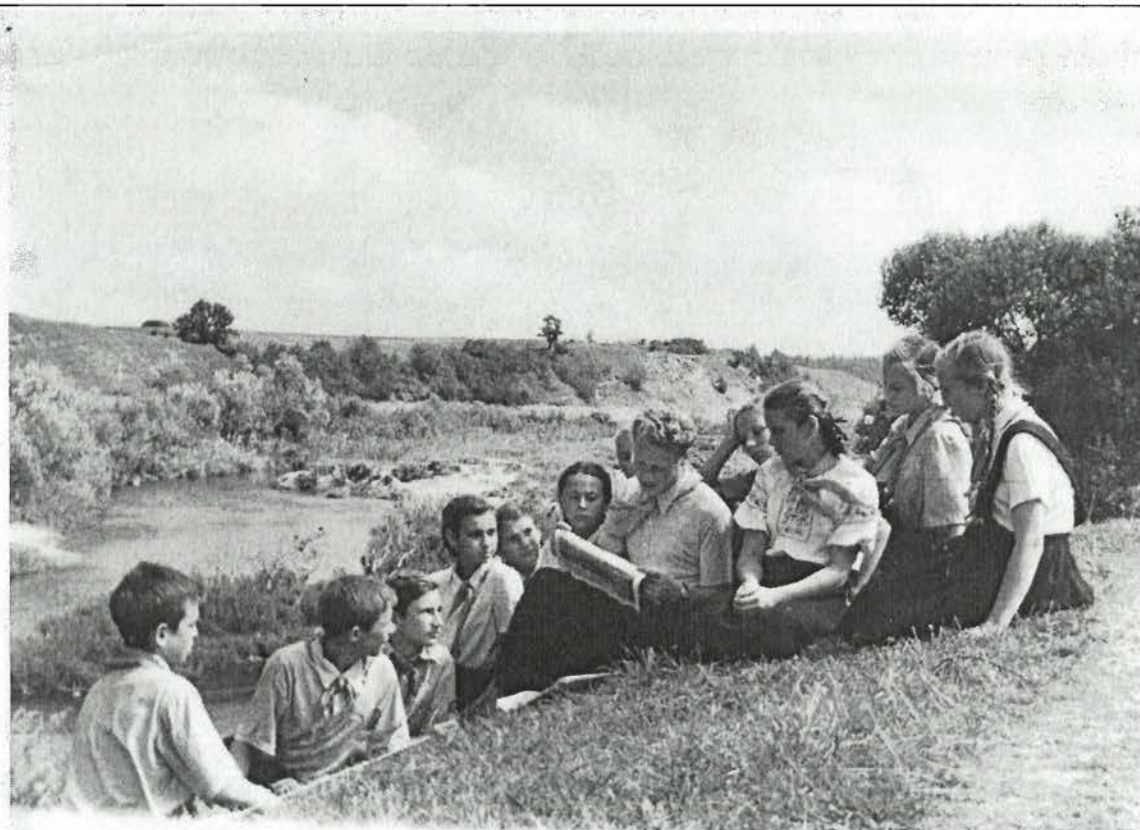
Я, в широкополой соломенной шляпе и в трусах (мои мокрые плавки бережно несла моя черноглазая любимица младшего шестого отряда Лия Бержанская) шагал позади всей колонны. Увидев возмущённую реакцию девочек на пьяные выходки «кавалеров», я шагнул левее и постарался привлечь их внимание к себе.

Увидев меня, с криками «О, шляпа!», они побежали в мою сторону.

Как только первый из них поравнялся со мной, я схватил его и сбросил с пологого обрыва к реке и здесь же схватил другого, намереваясь отправить его туда же. К моему удивлению, он закричал:

- Леонид Романович, не надо, мы пошутили!

Откуда он знал, как меня зовут – осталось для меня загадкой. Пионервожатые, шедшие со своими отрядами, были студентами техникума и практически мало чем отличались от ребят старшего возраста из первого отряда.

1951 год. Тучково. Старший пионервожатый.

Военная игра.

На Москва – реке.³¹

Ребят из первого отряда вечером очень сложно было после отбоя загнать в спальные корпуса. В отдельных случаях я использовал в качестве помощника маленького сынишку нашей медсестры Лёшу. Ему было примерно два с половиной года. Его бабушка, как выяснилось позднее, очень любила петь старинные романсы. Об этом я узнал, когда услышал от сидевшего на руках у мамы Лёши:

-Жизнь разбита!..

Он печально напевал романс.

В другой раз я был свидетелем его разговора с мамой:

- Нет, так жить нельзя, давай пожалеемся!

Как видно, она его за что-то наказала.

Так вот, этого любителя старинных романсов я и использовал для «загона в стойло» непокорных подростков. Я давал ему в руки прутик и начинал с ним игру в пастуха, где парнокопытным молодняком были девочки и мальчики. Он стегал их по ногам и обращал в бегство.

Наиболее крупным парнем в первом отряде был Лёня Гурвич. Это был симпатичный высокий мальчик неполных пятнадцати лет.

Однажды, когда с группой старших мальчиков и девочек мы были в походе, устроили на поляне в лесу привал. Я дал Лёне Гурвичу топор и попросил с ребятами натаскать хвороста для костра.

Спустя какое-то время я увидел бегущего из леса в мою сторону с искажённым от страха лицом Лёню, за которым гнался с топором в руках мужик в рубахе навыпуск и с безумным взглядом оловянных глаз.

Лёня нырнул за мою спину. У меня в руках ничего не было.

³¹ Из домашнего архива.

Бежавшего ко мне с топором «лешего» я остановил, резко протянув руку для пожатия:

- Здорово! Чего пугаешь детей?

Он резко остановился, осклабился гнилыми зубами и удовлетворённо хмыкнул:

- А чего они пугаются?

Немного успокоившись, я забрал у него наш топор.

Это оказался местный лесник, который вполне мог сойти за лешего. Перед Лёней в лесу он оказался внезапно, выхватил из рук топор и погнался за ним.

Я думаю, этот случай ему запомнился на всю жизнь, как и мне

У меня «под галстуком» сидит мой черноглазый ординарец Лия Бержанская.

С группой вожатых и воспитателей.

Рядом со мной маленький Лёша с мамой.

Справа директор лагеря, слева – врач.³²

Дети в лагере были самыми разными: и по интересам, и по воспитанию, и соответственно по поведению.

Особенно внимание вожатых и воспитателей привлекали к себе дети руководителей разного ранга.

Управляющим трестом «Мосэнергострой» был Дмитрий Иванович Ачкасов. Это был высокий красивый мужчина, очень стройный, с

³² Из домашнего архива.

постоянной трубкой во рту, с хорошей шевелюрой и небольшим с горбинкой носом. Голос у него был грудной, низкий. Он был прекрасным руководителем, его очень уважали, женщины на него смотрели влюблёнными глазами.

Его сын был одним из старших в первом отряде и являл собою полную противоположность отца. Внешне он пошёл в отца, но своим характером надменного отпрыска «голубых кровей» доставлял массу неприятных моментов как ребятам, так и воспитателям.

Наоборот, скромными и воспитанными ребятами были дети главного инженера треста «Мосэнергострой» Гробокопателя Самуила Борисовича и руководителя треста «Мосэнергомонтаж» Березина Якова Давыдовича.

Со всеми этими руководящими работниками мне пришлось в дальнейшем много раз общаться, будучи начальником турбинного цеха и главным инженером монтажного управления.

Хочу отметить ещё один эпизод из жизни лагеря.

По окончании первой смены в 1951 году, у нас произошло ЧП: пропало много настольных игр – шахматы, шашки и т.д. Спустя какое-то время через ребят удалось узнать и отыскать в лесу пропажу, которую собирался после отъезда ребят забрать один из пионеров, сын председателя профкома «Мосэнергостроя» Алексеева. На вечерней линейке я спросил у ребят: как поступим с воришкой?

Ребята в один голос заявили, что нужно его отчислить из лагеря и на вторую смену не брать.

Узнав об этом инциденте, его отец развёл бурную деятельность. Приехав в лагерь, он стал расспрашивать воспитателей, поваров, начальника лагеря и других работников обо мне, раскрывая им глаза на то, что я еврей, искал на меня компромат. Люди относились ко мне очень хорошо и сообщили о его намерениях.

Я пригласил его в лес побеседовать, там взял его «за грудки» и пообещал набить морду, если он и впредь захочет наезжать на меня. Сына его на вторую смену мы не взяли.

П А Р Т И Я

В апреле 1951 года меня приняли в члены партии. На партийном собрании в тресте приём прошёл спокойно, меня знали, и вопросов особых не было.

В райкоме партии, где должны были утвердить решение первичной парторганизации, нас с моим товарищем Толей Пантелеевым представлял по очереди наш парторг Кулагин Василий Ильич.

Толя шёл первым и, к сожалению, вышел оттуда расстроенным – его не утвердили.

Когда я зашёл следующим, за длинным столом сидело много членов Райкома.

Василий Ильич представил мои биографические данные, охарактеризовал положительно и сказал, что первичная организация просит утвердить её решение.

Мне был задан первый вопрос: О чём сегодня говорится в передовой статье газеты «Правда»?

Я ответил, что не читал её.

И тут началось.

- А вы вообще газеты читаете?

- А какие газеты вы выписываете? и т.д.

Я ответил, что выписываю газеты «Правда» и «Комсомольская правда», но сейчас утро, а читать газеты во время работы у меня нет возможности, поэтому я их читаю дома после работы.

Мои оппоненты потупили взоры и задавать другие вопросы им расхотелось. Единогласно они проголосовали за принятие меня в члены партии.

НАЧАЛЬНИК ТУРБИННОГО ЦЕХА

Моя работа в Проектном отделе закончилась тем, что меня перевели в Производственный отдел треста, где я сначала периодически, а затем на постоянную работу был переведён на монтаж оборудования тепловых электростанций.

Работа на монтаже была не нормированная, приезжал я на работу к 8 утра, а заканчивал когда в 10 вечера, когда в 12 ночи, а то и сутками не возвращался домой.

В Монтажном управлении №4, куда меня направили прорабом в турбинный цех, начальником цеха работала очень энергичная, грамотная женщина Иткина Тамара Самойловна. Довольно миниатюрная брюнетка, она могла по-приятельски разговаривать с мастером или бригадиром, но если кто-либо провинился, начинала метать такие громы и молнии, так распекать, что человек готов был провалиться сквозь землю. У неё был очень громкий голос; когда она негодовала или когда ей требовался какой-либо работник, то, не выходя из кабинета она могла так крикнуть, что человек слышал её голос на другом конце цеха, несмотря на шум от работы действующих турбин и других шумов и стуков, сопровождающих монтажные работы. Её очень уважали рабочие и инженерно-технические работники. Она не была злопамятна, старалась людям сделать добро.

Замужем она никогда не была, хотя имела дочь от одного молодого, красивого, женатого шеф-инженера Ленинградского металлического завода, контролировавшего соблюдение технологии и качества работ во время монтажа турбины.

Свою дочь она боготворила, но запрещала отцу видиться с ней. Узнав от инструментальщицы Ани Коробовой, что он просил её достать фотографию дочери, она пообещала стереть её в порошок, если та это сделает. Аня была

милая деревенская девушка, очень обязанная Тамаре Самуиловне и любившая её, поэтому об её предательстве не могло быть и речи.

Работа начальника цеха – это сплошное недосыпание, стрессы, несчастные случаи, план любой ценой, сплошные нервы при подписании у Заказчика процентов за выполненные работы, невозможность нормально расплатиться с рабочими за адскую работу при двенадцатичасовом рабочем дне из-за ограниченного фонда заработной платы, планёрки у начальника управления, посещения руководящих работников главка и министерства и т.д. и т.д., поэтому не удивительно, что такая интересная и активная женщина не смогла создать свою полноценную семью. У неё были подруги – кандидаты и доктора наук из Всесоюзного научно-исследовательского ^{теплотехнического} института (ВТИ), она была им интересна, но, к сожалению, судьба сложилась именно так. Это были послевоенные годы, пятилетки восстановления народного хозяйства, бурно развивалась промышленность, всюду требовались тепло и электроэнергия.

Это был передовой фронт, и оказаться на этой передовой женщине было не легко.

Ко мне она относилась с пониманием. Я старался добросовестно выполнять свою работу. Она знала, что после техникума в 1947 году я поступил во Всесоюзный Заочный Политехнический институт, за пять лет при такой работе смог осилить только два курса, но помочь мне в смысле использования вечернего времени для занятий не могла - работа есть работа.

После ввода в эксплуатацию очередной турбоустановки весь коллектив перевели на ТЭЦ №8 в районе Волгоградского проспекта, где нужно было в авральном порядке смонтировать турбоустановку. Тамара Самуиловна взмолилась:

- Всё, больше не могу. Я смертельно устала, мне нужно отдохнуть, видимо, я не железная.

У руководства треста встал вопрос: кем заменить Иткину?

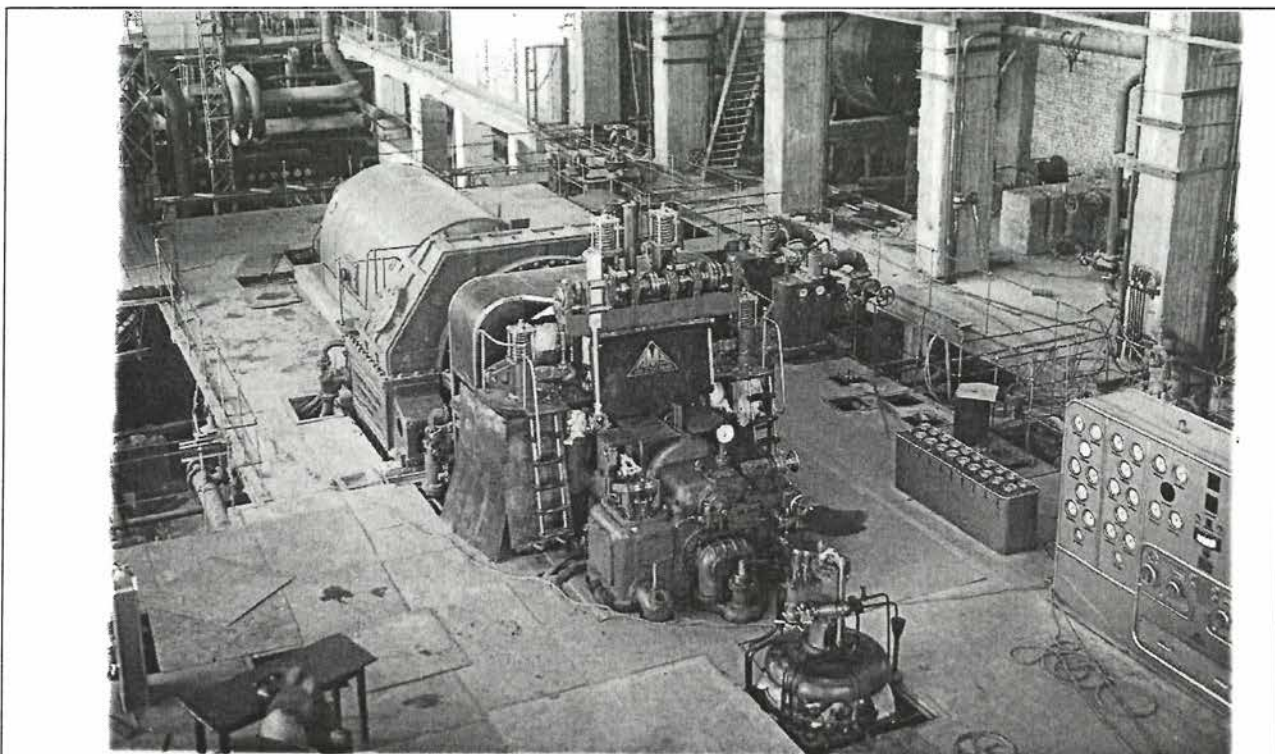
Остановились на мне. Так в 1953 году в возрасте 25 лет я стал начальником турбинного цеха. Этот год мне запомнился основательно.

Начальник турбинного цеха Монтажного управления №4 Треста «Мосэнерго-монтаж».

Монтаж турбоагрегата на ТЭЦ №20 Мосэнерго.

Скоро начнутся пусконаладочные работы.³³

1953 ГОД

5 марта 1953 года умер Сталин.

Кем был Сталин для советских людей в пору его жизни, могут объяснить только его современники, к которым отношусь и я.

О том, что существует парадная часть жизни и о наличии её второй, теневой части, можно было только догадываться, и то только наедине с самим собой.

Обсуждать эту тему с кем-либо мало кто рисковал, потому что это могло плохо кончиться.

Летом 1952 года я был в командировке в г. Иваново. У нас был в гостинице номер на двоих с инженером из нашего треста Сегалом Юрием Михайловичем, который был старше меня на 27 лет.

Это был грамотный, эрудированный инженер, хорошо знавший турбинное дело, нам было о чём поговорить, но на политические темы, о текущей жизни и многих вопросах, возникающих при её осмысливании, мы боялись говорить. Боялись друг друга.

В этой связи мне вспоминается эпизод из книги, по моему, «Суд идёт», которую я прочитал много лет спустя. Там описывается такой эпизод периода сталинской эпохи. Два попутчика в купе поезда тихо беседуют за рюмкой чая, при этом один много рассказывает о себе, а другой в основном только слушает. Первый начинает возмущаться, что тот только отмалчивается. Тогда второй ему сообщает, что только сейчас его освободили после десятилетнего заключения

³³ Из домашнего архива.

- За что ты попал в колонию?
- Только по причине собственной лени.
- ??

И рассказал, что вот так же в своё время вечером на завалинке сидел со свояком и мирно беседовал. «Потом мы пошли по домам. Мне бы надо было сразу пойти и донести на свояка, да поленился. А он не поленился».

Мой коллега по номеру в гостинице был намного опытнее и мудрее меня, и прошло несколько вечеров, прежде чем мы позволили себе убедиться в возможности доверия друг другу.

Скажу только, что мы были дружны с ним до 1998 года, до дня его смерти. Он был ровесником века и умер в 98 лет, в день своего рождения.

Парадная часть жизни была накрепко связана с именем Сталина. Всё, что было позитивного в жизни, было связано со Сталиным:

«Сталин – наша слава боевая!
 Сталин – нашей юности полёт!
 С песнями, борясь и побеждая,
 Наш народ за Сталиным идёт!»

Сталин был всюду. В виде монументов, плакатов, в книгах, газетах, в радиопостановках, в театральных спектаклях, в кинофильмах, на политзанятиях и т.д. Сталин выиграл войну; Сталин - вождь мирового пролетариата; Сталин - лучший друг молодёжи; Сталин - светоч коммунизма; Сталин - великий учёный и т.д. и т.д.

Пропаганда работала так основательно, что люди не мыслили своей жизни без товарища Сталина.

И вдруг он умер.

Сначала, при первых намёках по радио, что Сталин заболел и находится в критическом состоянии, народ оцепенел. Но когда сообщили, что он скончался, люди буквально растерялись: как это Сталин умер, а как жить без Сталина, как можно жить без Сталина, что теперь будет?

На траурных митингах и собраниях люди искренне плакали и сокрушались. Проститься с ним и посмотреть на Сталина в гробу, выставленном в Колонном зале Дома Союзов, пошли сотни тысяч людей.

Шли организованно, в составе своих предприятий и организаций, но по мере приближения к цели похода все люди смешивались в одну чудовищную массу, которая была одержима только одной целью – увидеть ЕГО. Толпа людей постоянно прибывала. Пронёсся слух, что скоро Колонный зал закроют, и доступ к телу прекратится. Это вызвало новый неистовый натиск публики.

Я оказался на Тверском бульваре, около Пушкинской площади.

Площадь была пуста, толпу с Тверского бульвара сдерживал заслон конной милиции. Народ продолжал прибывать, пробивая себе путь по кузовам и крышам кабин стоявших у тротуаров автомобилей.

В какой-то момент натиск толпы достиг критического предела, и заслон конной милиции был сметён. Толпа ринулась через площадь в сторону улицы

Пушкина (Большая Дмитровка), в конце которой был заветный Колонный зал Дома Союзов.

Вместе с толпой я устремился бегом вперёд, но в этот момент передо мною споткнулась какая-то девушка лет шестнадцати, и я должен был наступить на неё или тоже упасть. Это было бы трагедией для нас обоих – нас бы просто затоптали или же мы оказались внизу кучи человеческих тел. На бегу мне удалось схватить девушку и продолжать бег, держа её чуть ли не на вытянутых руках.

К счастью поток людей вдруг резко остановился, упершись в такую же толпу, находившуюся за площадью.

Дальше началась давка. Люди стояли сплошной массой, сдавленные со всех сторон, раздавались только крики и стоны.

Мне удалось поставить девушку на ноги, она тихо всхлипывала, почти вдавленная в меня. Среди людей оказались и кони. От отчаяния их кто-то бил по мордам. Сидевшие на них милиционеры были не в лучшем положении, чем пеший народ. Но вся эта сжатая масса людей не стояла на месте. Она в каком-то броуновском движении медленно крутилась, ползла в стороны. В какой-то миг ноги отрывались от асфальта, и никакое сопротивление уже было невозможно.

Был поздний вечер. Понемногу становились слышны эпицентры криков и стонов. Это были места, где стояли столбы уличного освещения, оформленные внизу мощными литыми цоколями квадратного сечения. Людей, оказывавшихся рядом с ними, буквально перетирало рёбрами этих чугунных мельниц.

Крутились мы около одного из фонарей несколько часов подряд. Из всех сил я старался оттеснить себя и прижавшуюся ко мне девушку от этого страшного места. В какой-то момент напор толпы стал немного ослабевать. Двери Колонного зала закрыли, и люди постепенно начали уходить. Появилась возможность немного пошевелить плечами и руками, а спустя некоторое время уже можно было немного двигаться не по воле толпы, а осознанно.

В этот миг раздался истошный женский крик «Наташа!!!», моя девушка отринулась от меня и бросилась, видимо, к маме. На этом наша Одиссея закончилась. Я даже не рассмотрел её, как, видимо, и она меня, своего спасителя.

Мне после этих похорон ещё много месяцев болела спина.

Но отделался я, можно сказать, легко. В этот день сотни людей не вернулись домой, раздавленные толпой. Особенно много жертв было на Трубной площади, где от напора людей не выдержали чугунные ограждения бульвара. Люди свалились друг на друга и погибли в этой свалке.

Второе событие, связанное с 1953 годом, относилось к моей работе начальника турбинного цеха на монтаже турбогенератора на ТЭЦ №8 Мосэнерго (сейчас это Волгоградский проспект, напротив автозавода АЗЛК). Как обычно, пуск нового турбоагрегата проходил в условиях цейтнота.

Кончался третий квартал, по плану в конце сентября мы должны были включить в сеть вводимый объект и проработать под нагрузкой 72 часа. К этому моменту я уже несколько суток не спал, еле стоял на ногах, практически ничего не ел.

Когда, наконец, включили в сеть турбогенератор, я дал кому-то из рабочих денег и попросил купить что-нибудь из еды.

Принесли мне батон, полкруга колбасы и большой арбуз. Время уже было ночное, когда я наконец приступил к трапезе, наворачив с голодухи всё съестное.

Была возможность немного передохнуть, и я блаженно растянулся в своём кабинете на стульях. Проснулся я рано утром. Болела голова, началась рвота, состояние было ужасное. Договорившись с заместителем, я отправился домой, куда надо было добираться несколькими трамваями и частично пешком.

Ещё не было восьми часов утра, когда я появился дома.

Мама ещё не ушла на работу. Она велела мне лечь на спину, освободить живот от одежды и пальцами рук стала вжимать низ живота в районе левого паха, затем правого, медленно поднимая пальцы. В какой-то момент она нажала и резко подняла пальцы. Я вскрикнул от боли.

- У тебя острый аппендицит, нужно срочно делать операцию,- сказала она.

Представив, что меня будут резать, я сказал, что не хочу операции.

- Тогда ты умрёшь!

В серьёзные моменты мама умела быть твёрдой и выражала своё мнение без излишних сантиментов, за что я ей очень благодарен.

Операцию по удалению аппендикса в Первой Городской больнице мне делал молодой крепкий грузин, который мне потом сообщил, что ещё бы час-два – и было бы поздно, аппендикс бы лопнул и гной вытек в брюшную полость. В очередной раз мама и хорошие руки хирурга спасли меня.

Как выяснилось, острое воспаление аппендикса было спровоцировано попаданием в него арбузной семечки. Семечки я заглатывал с голодухи вместе с арбузной мякотью.

Интересна была реэволюция моего состояния после операции. Сначала я еле передвигал ноги, прижимая рану в правом паху. Но уже на второй день стал выходить на улицу, вернее, во двор, который имел связь с территорией Парка культуры имени Горького. Выписали меня где-то на четвёртый-пятый день, а уже к концу недели я ездил на своём любимом велосипеде. В 1953 году произошло ещё одно событие, которое могло изменить мою жизнь и, вероятно, не в лучшую сторону.

Э Л Л А

Мы жили рядом с Парком культуры и отдыха им. Горького, поэтому часто в свободное время гуляли по его замечательным аллеям. Однажды мы с Лёвкой познакомились с группой девушек. Это было где-то в 1951 году. С

двумя девушками, Эллой и Эммой, мы провели несколько вечеров в парке, но потом Лёвка откололся, я ещё некоторое время встречался с Эллой, но вскоре у нас обоих пропал интерес, и встречи прекратились.

Встретились мы вновь спустя два года. Я усталый поздним вечером шёл домой. Около дома обогнал двух девушек. Неожиданно одна из них окликнула меня по имени. Это была Элла. Второй была её подруга Люся.

Поговорив для приличия несколько минут, я хотел откланяться и пойти домой, но девушки попросили их проводить. Они жили на другой стороне Москвы-реки: Элла в Зачатьевском переулке около Кропоткинской (ныне Пречистенской) набережной, а Люся на Метростроевской улице (ныне Остоженке). Разговаривая, мы дошли до лестницы, спускающейся с Крымского моста на другой стороне реки.

Здесь девушки стали великодушно уступать друг другу возможность первой попасть домой: если пойти по набережной, то у своего дома окажется Элла, а Люсю я довожу до дома потом. И наоборот: если идти по Метростроевской, то первой отпочковывается Люся, а с Эллой мы до её дома остаёмся один на один.

Видя упорство девушек и ощущая невероятную усталость, я предложил Соломоново решение: разойтись всем поодиночке по домам каждому по своему направлению. К моему удовольствию и нескрываемому злорадству обеих девушек по отношению друг к другу, решение было принято, и мы разошлись в разные стороны.

Перед тем как описать последующие события, я хочу остановиться на ситуации, в которой я находился последние месяцы.

Мне шёл двадцать шестой год, мои товарищи и большинство сверстников были женаты, у кого-то уже были дети, а у меня даже не было девушки, которая бы мне нравилась, а серьёзная, тяжёлая работа, да ещё заочная учёба в институте лишали меня возможности найти такую девушку.

Через 2-3 дня после нашей встречи с Эллой и Люсей я получаю письмо от Эллы. Это было письмо Татьяны к Онегину: тоска, одиночество, как молния поразившая её любовь, потеря покоя, сна, жажда видеться вновь и вновь и т.д. и т.д...

Надо сказать, письмо меня озадачило. Я понимал, что ей не сладко, после окончания педагогического института её направили на работу в Башкирию преподавателем русского языка и литературы в какой-то сельской школе. Дети относились к ней хорошо, но среди населения свирепствовала болезнь глаз трахома, да и после Москвы попасть в Башкирское село было далеко не сладко.

Мы встретились; она была смущена, но объяснила, что ничего не может поделать с овладевшим ею чувством.

Она приехала на летние каникулы в Москву, выглядела неплохо, но у меня она не вызвала ответных эмоций. Банальная фраза: сердцу не прикажешь - в этом случае подходила как нельзя лучше.

Мы встречались несколько раз, был у неё дома, познакомился с её родителями и младшим братом, но время каникул прошло, она уехала, взяв с меня слово, что я буду отвечать на её письма.

Письма были настолько тёплые, ласковые, что я постепенно начал себя уговаривать, что, видимо, это как раз то, что мне нужно. А здесь ещё мама... Она меня убеждала, что нельзя отвергать такую любовь, девушка хорошая, достойная...

Короче, к новогодним каникулам я купил билетов в театры и приготовился к торжественной встрече с Эллой. Но...

Она была вся положительная, но не моя. Я видел, к сожалению, одни недостатки даже в том, что для другого, может быть, было бы только плюсом.

Окончились зимние каникулы, и опять пошла переписка.

Я отвечал, старался писать как можно теплее, и продолжал себя убеждать в наличии каких-то чувств.

После встречи в летние каникулы 1954 года я сделал её предложение, и мы подали заявку в ЗАГС.

Мама была очень довольна, родители Эллы, по её словам, плакали от счастья, но я ходил сам не свой. Мама меня «пилила», но папа одёргивал её

- Дай ему самому разобраться в себе, не жми на него!

Р А Я

Меня угнетали мрачные мысли. Видимо, жизнь не удалась, мне не суждено встретить ту единственную, любимую. С этим настроением я сел на велосипед и поехал к Элле обсудить некоторые детали подготовки к свадьбе.

Как Вы помните, жил я на Крымской набережной, там, где сейчас находится филиал Третьяковской галереи – Дом художника, а Элла жила в Зачатьевском переулке, рядом с Кропоткинской набережной, на другом берегу Москвы-реки.

Проезжая по Крымскому мосту, возле лесенки, спускающейся к Крымской набережной, я увидел двух прогуливавшихся девушек. Одна из них во многом отвечала моим представлениям о той, единственной...

Я остановился, поставил ногу на бордюрный камень тротуара и с тоской стал смотреть на эту девушку. Девушки недоумённо взглянули на меня и проследовали дальше, в сторону Парка культуры.

Я подумал: вот сейчас я женюсь, а потом мне будут встречаться девушки моей мечты, но будет уже поздно.

Место на Крымском мосту, где я впервые увидел Раю с её подругой.³⁴

Но как проверить: действительно ли это то, что я искал, или это всё мои фантазии?

Решил набраться наглости и попробовать самым примитивным способом познакомиться. Не забывайте, что это был 1954 год, а не 2007. Держа в руках велосипед, я нагнал их и шутливо предложил познакомиться.

Заинтересовавшая меня девушка перешла и встала за подругой. Так, разговаривая, мы перешли на другую сторону метро «Парк культуры».

Около здания Провиантских складов «моя» девушка встретила знакомую и остановилась с ней, а я представился подруге и попросил её познакомить меня со своей спутницей. Подруга выполнила мою просьбу, мы познакомились, после чего моя знакомая быстро попрощалась, вбежала в подошедший троллейбус и уехала.

Я вскочил на велосипед, кивнул ошарашенной подруге и помчался за троллейбусом.

На следующей остановке девушка не вышла, и я продолжил свой путь на велосипеде. Через несколько остановок, после Смоленской площади, наконец, девушка вышла.

Увидев меня, она негодуя потребовала прекратить её преследование и быстро направилась к дому. Я преградил ей путь велосипедом, попытался её успокоить и очень просил немного пройтись. Постарался как можно больше рассказать о себе, успокоить её.

³⁴ <http://photo.mnc.ru/viewwp.php?dir=bridge&image=17>

Пройдя несколько кругов вокруг квартала, мне удалось добиться от неё согласия встретиться ещё раз. Она, наконец, согласилась, но с условием, что придёт с подругой. Я ответил: хоть с мамой...

В тот же вечер я доехал на велосипеде до своей невесты Эллы, сообщил ей, что, к сожалению, нам не суждено быть вместе, просил меня простить...

Я понимал, что сделал ей очень больно, но в дальнейшем могло быть ещё больней, притом для нас обоих.

От неё приходили гонцы – подруга и брат, уговаривали меня не рвать с ней, рассказывали, как она плачет и переживает, но...

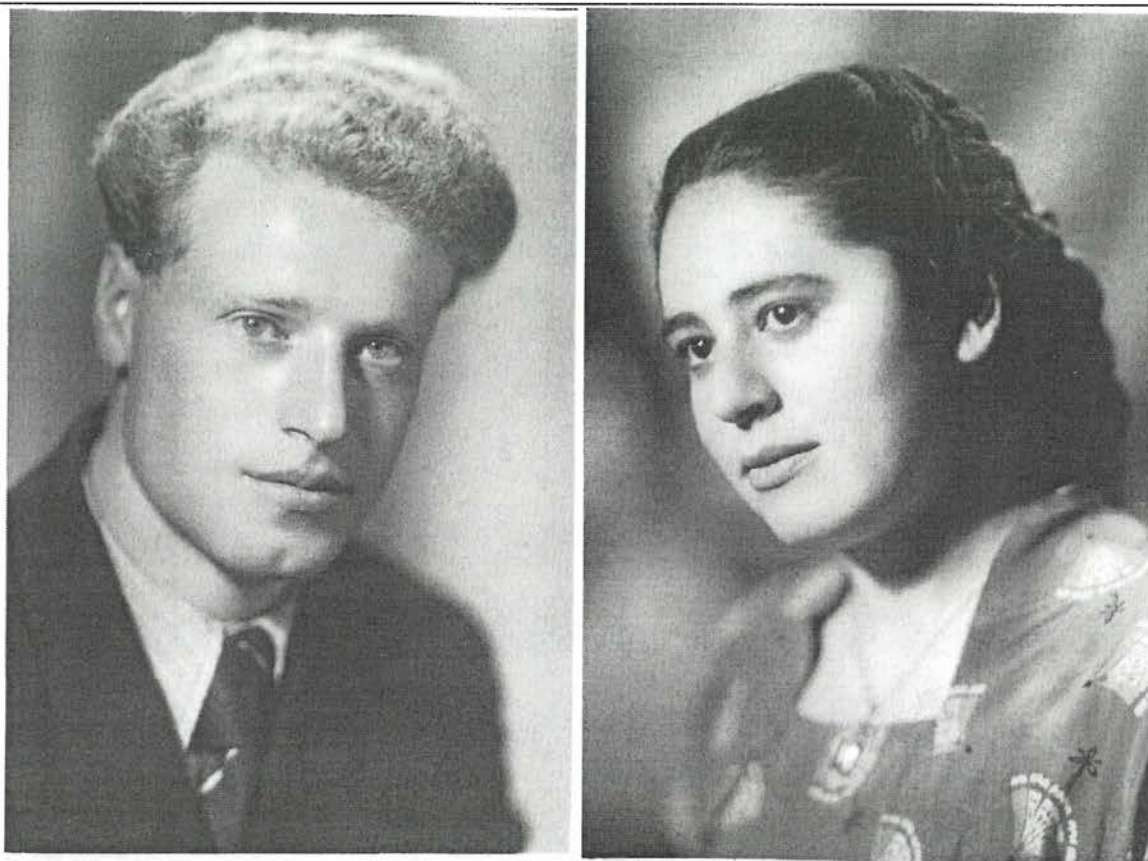
Однажды она встретила меня после работы около дома и очень просила пройтись. Мы дошли до парка и, разговаривая, оказались вблизи каких-то кустов.

Она легла на траву и потянула меня к себе. Это был жест отчаяния. Я не сомневался в её невинности и понимал, что она поставила на карту, взяв в заложники мою порядочность. Я поднял её за руку, сказал, что этого не надо делать и проводил до дома. Больше ни о ней, ни об её дальнейшей судьбе мне ничего не известно.

Рая (так звали мою новую знакомую) на первое наше свидание действительно пришла с подругой. В дальнейшем мы встречались много раз, прежде чем она решила представить меня своим родителям. С моими родителями она знакомиться стеснялась, поэтому я взял билеты в кинотеатр «Авангард», который раньше был на Октябрьской площади, для нас, родителей и сестры, но не сказал ей об этом.

Очень быстро Рая почувствовала подвох, поняла, что ей устроили смотрины, и по окончании фильма быстро направилась к выходу.

Познакомилась Рая с моими родственниками только после того, как мы подали заявку в ЗАГС. Я много раз предлагал ей руку и сердце, но она сначала говорила, что в лучшем случае согласится только после окончания института (когда мы встретились, она сдавала экзамены за второй курс Института иностранных языков). В дальнейшем этот срок понемножку стал приближаться, и по окончании третьего курса, 20 августа 1955 года, мы, наконец, расписались.

Свадебных фотографий у нас не было, но эти снимки примерно того времени.³⁵

Дни нашей встречи, 14 июня 1954 года, и свадьбы, 20 августа 1955 года, у нас отмечаются как семейные праздники.

Проезжая по Крымскому мосту или приходя к месту встречи на нём, мы с Раей благодарим судьбу за тот вечер, который нас соединил.

Забегая вперёд, скажу, что 20 августа 2005 года мы с Раей отпраздновали свой золотой юбилей. У нас две дочери, два зятя, две внучки и внук. Наша любовь не ржавеет.

А мой немецкий велосипед «диамант», который я купил в 1948 году, до сих пор в рабочем состоянии, и я с удовольствием катаюсь на нём на даче.

Но верну моё повествование в 1954 год.

Познакомившись с понравившейся мне девушкой и думая о будущей роли мужа, я стал оценивать свои шансы с точки зрения образования. У неё на тот момент было несколько поклонников с высшим образованием, а я, хоть и занимал инженерную должность начальника цеха, имел за плечами только техникум и три курса института.

³⁵ Из домашнего архива.

ОКОНЧАНИЕ ИНСТИТУТА

Я уже писал, что поступил во Всесоюзный Заочный Политехнический институт в 1947 году, и за семь лет из-за напряжённой работы смог одолеть только три курса.

А предстояло ещё пройти два с половиной курса и защитить дипломную работу. Продолжая учиться в таком же темпе, можно было бы быть студентом ещё 7-8 лет, образно выражаясь, до седых волос.

Встал вопрос: что делать, как быть?

Я переговорил с руководством, объяснил ситуацию; меня поняли и обещали в ближайший год не посылать в командировки и, по возможности, не загружать сверхурочной работой.

Я разработал тактику занятий. Так как я практически не ходил на лекции, а занимался самостоятельно по учебникам, я проанализировал все оставшиеся предметы, определил, сколько времени нужно потратить на каждый из них и, приступая к очередному предмету, составлял график, где по горизонтали отмечались календарные дни, а по вертикали количество страниц в учебнике.

В конце добавились три дня на выполнение контрольных работ и три дня на сдачу экзамена.

График чертил на миллиметровке, получалась довольно круто поднимающаяся прямая линия от начала координат до конечного дня, когда надо было одолеть всё количество страниц. График вешал над кроватью и очень строго стремился его выполнять, хотя и не всегда это получалось.

Часто бывало так, что фактическая кривая начинала просто двигаться по горизонтали, если дни шли, а ни одной страницы не было проштудировано. Приходилось вводить интенсификацию и в очередной вечер и часть ночи фактическую кривую поднимать вверх.

Хочу ещё отметить, что заниматься дома было очень сложно: кроме меня в нашей квартире жили ещё папа с мамой, старшая сестра с дочкой и старший брат с женой и дочкой.

Мама предложила мне заниматься у неё в кабинете, который в вечернее время был свободен. Это был прекрасный выход из положения, хотя там были свои помехи.

Здравпункт фабрики «Красные текстильщики» находился напротив стрелки, разделяющей Москву-реку на основной рукав, направляющийся в сторону Большого Каменного моста и к Кремлю, и на водоотводной канал. Сейчас в этом месте на реке установлен памятник Зураба Церетели Петру Первому, а в то время здесь была спортивная водная база, отсюда отчаливали спортсмены на челноках и байдарках, постоянно звучала задорная музыка, которая, конечно, не очень способствовала изучению серьёзных дисциплин. Я был молодой, спортивный и очень завидовал той молодёжи, которая занималась гребным спортом, но приходилось держать себя в руках.

На экзамен по очередной дисциплине я приходил в дни и часы приёма экзаменов преподавателем, которого я, как правило, никогда раньше не

видел, рядом за столиками рассаживались по двое незнакомые мне студенты, мы брали билеты и начинали готовиться.

Проходили экзамены по-разному. Хочу привести два примера.

На первом курсе камнем преткновения для студентов был предмет «Начертательная геометрия». Он требовал хорошего пространственного воображения, знания обычной геометрии, навыков черчения. На экзамене было в аудитории много студентов. Всем выдали большие листки с десятью задачами.

Поочерёдно преподаватель приглашал к себе экзаменуемого и вслух оповещал результаты по решению каждой задачи: неверно, неверно, верно, неверно и т.д. Студент забирал свою зачётку и выходил из аудитории. До меня ушли несколько студентов.

Дошла очередь до меня. У преподавателя было кислое настроение, он вяло взял мой листочек и постным голосом промолвил: «правильно». Затем посмотрел на решение второй задачи и снова сказал: «правильно». К третьей задаче он начал оживляться и радостно опять сказал: «правильно». В дальнейшем он впал в настоящий экстаз и энергично - удивлённо продолжал восклицать:

- Правильно, правильно, правильно!..

Закончил он возгласом:

- Пять! Пять! Пять!

Он трижды повторил оценку моей работы и внёс в зачётку оценку «отлично». С удивлением посмотрел на меня и даже протянул свою руку для пожатия.

Я вышел из аудитории, за мною следом попросились в туалет двое студентов, которые оповестили стоящего у дверей о моём триумфе и попросили быстренько помочь им в решении задач

Второй случай был сопряжён с казусом.

Я сдавал теоретическую механику, по-моему, на третьем курсе. За столом со мною сел незнакомый мне студент. Экзамены принимал профессор Мудров (фамилию запомнил). Это был крепкий мужчина с большими надбровными выпуклостями и тяжёлым взглядом.

Я взял билет и сосредоточенно начал готовиться, делая записи в листочке.

Неожиданно я услышал слова:

- Надеюсь, Вы не будете сдавать экзамен?

Я не сразу понял, к кому обращены эти слова.

Передо мной стоял преподаватель.

- Вы мне говорите?

- Разумеется. Нельзя же так беспардонно списывать с учебника!

Тут только я увидел слева от себя раскрытый учебник.

- Это не мой учебник. Я ничего не списывал, мне это не нужно.

- Так вы всё-таки настаиваете на сдаче экзамена? Вы понимаете, как я Вас буду спрашивать?!

- Ну, если Вы так настроены против меня, тогда мне действительно не стоит сдавать экзамен.

Поняв мои слова как желание увильнуть и при этом изобразить оскорблённую невинность, он жёстко сказал:

- Нет, Вы будете сдавать! Прошу к столу!

Гонял он меня действительно по всему курсу, но постепенно успокаивался и под конец подытожил:

- Вот видите, как нужно быть внимательным, чтобы не навлекать на себя напрасных подозрений. Вы хорошо знаете предмет, но «отлично» я Вам всё же поставить не могу из-за этого инцидента.

В зачётке он поставил оценку «хорошо».

Если за период с 1947 по июнь 1954 года, то есть за семь лет, я одолел всего три курса, то благодаря толчку от знакомства с Раей, стремлению строго выполнять графики по каждому предмету, я за один год одолел четвёртый, пятый, половину шестого курса, выполнил дипломный проект и защитил его точно в годовщину нашего знакомства – 14 июня 1955 года. При этом от работы меня никто не освобождал.

К этому моменту Рая заканчивала третий курс института, и на очередное моё предложение ответила согласием.

СВАДЬБА. ОЧАКОВО

В ЗАГСе нам назначили дату 20 августа 1955 года. Передо мною встала очередная задача: где будем жить?

О том, чтобы жить у нас, не могло быть и речи, у Раи – тоже. В небольшой квартирке на Смоленской площади кроме неё жили отец с матерью и сестра с мужем и маленькой дочкой.

В Библии говорится: «Толците и отверзнется вам».

Я начал «толщить» руководство, партийную и профсоюзную организации «Мосэнергомонтажа», и в результате мне «отверзлось»: мне предложили комнату 12 квадратных метров в трёхкомнатной квартире двухэтажного здания барачного типа в Очаково.

По тем временам, когда жильё для простых людей практически не строилось (строились только высотные здания МГУ, МИДа и прочие, а также шикарные дома на улице Горького с мраморными цоколями для выдающихся руководителей, народных артистов, больших учёных и т.д.), эта комнатка была богатым подарком для молодожёнов.

Ещё до нашей свадьбы я привёз туда шкаф и письменный стол, родители Раи привезли деревянную кровать, диван, а Раин дядя подарил очень красивый буфет, который до сих пор стоит в нашей квартире на Мичуринском проспекте.

Из «очаковских» вещей к нам перекочевали и настенные часы с боем, которые работают уже более полувека. Остальная мебель в большинстве оказалась на даче.

Ещё до свадьбы мы с Раей устроили в нашей комнатке в Очаково новоселье, где были в основном мои сослуживцы и Раины подруги.

Свадьба у нас состоялась в посёлке Удельная по Казанской ж.д., где в это время Раина семья снимала дачу.

На следующий день после свадьбы один из друзей семьи на такси довёз нас с Раей через Москву до Очаково. Путь был не близкий, Раю укачало, но тем не менее, счастливые, мы прибыли в своё гнёздышко, где прошёл наш медовый месяц и где 1 января 1958 года у нас родилась наша старшая дочь Люба.

Я не оговорился, когда написал, что нас через Москву привезли в Очаково. Дело в том, что в 1955 году Очаково относилось к Московской области и, прописавшись в Очаково, мы, коренные москвичи, перестали быть москвичами. На первых порах, пока Рая училась в институте, этот момент в нашем статусе особенно нами не ощущался, но по окончании института, получив свободное распределение, Рая столкнулась с большими трудностями, т. к. на многие хорошие рабочие места в Москве брали только москвичей. В сочетании с пятым пунктом анкеты это был уже непроходимый барьер. Рае светило уже место в высотном здании МИДа, но ей было «к сожалению» отказано, т. к. она не была москвичкой.

С большими трудностями она устроилась библиотекарем на ЗИЛе.

ГРОБОКОПАТЕЛЬ

Это всё было потом, но пока, после свадьбы, мы были счастливы; я работал начальником турбинного цеха строящейся Калужской ТЭЦ №20 (недалеко от площади Гагарина) в Москве. Нам предстояло до конца года ввести в эксплуатацию два энергоблока по 25 мегаватт – один в сентябре, другой в декабре.

Я отдавал все силы работе, но мысли мои летели в Очаково, к моей любимой Раечке. Как всегда, работа у нас была не нормированная, я пропадал и вечерами, и ночами, телефона не было, поэтому иногда я оставлял цех на заместителя и мчался на нескольких видах городского транспорта и на электричке в Очаково.

Результат не заставил себя ждать.

Утром в один из последних дней сентября в турбинном цехе появился главный инженер треста «Мосэнергострой» («Мосэнергомонтаж» тогда входил в состав этого треста) Самуил Борисович Гробокопатель и, понимая, что в сентябре турбина не будет пущена, начал мне громогласно задавать вопросы:

- Доложите, что Вы делали в час ночи, что Вы делали в два часа ночи и т.д.

Гробокопатель немного был похож на Троцкого, очень энергичный и умный, с сарказмом мог вывернуть человека наизнанку и превратить его в ничтожество. Его уважали и в то же время очень боялись.

Отработав без сна более суток, я уже еле держался на ногах, голова гудела...

- А что Вы на меня орёте?

Он явно опешил:

- Я не ору, у меня такой громкий голос.

Затем он быстро пришёл в себя и продолжил:

- У Вас что – нежные уши, Вы не переносите громких разговоров? Вы сорвали плановый срок ввода мощности и ещё строите из себя оскорблённую невинность?! Вы не будете больше начальником цеха, я отстраняю Вас от этой должности!

- Сделайте одолжение!

Я пошёл в сторону почти в полуобморочном состоянии. Находившийся при этом разговоре наш управляющий Василий Михайлович Габриелов только и промолвил:

- Да, не вовремя ты, Лёня, женился.

Моя работа была из тех, когда не вовремя не только женятся, но и умирают, что часто случалось с нашими сослуживцами.

Меня отстранили от должности, перевели в старшие прорабы, назначили начальником цеха Алексея Илларионовича Емельянова.

Турбину мы ввели в эксплуатацию только 16 октября, а вторую успели пустить до 31 декабря 1955 года. Так закончился для меня тот во многих отношениях знаменательный год.

Перед тем, как продолжить моё повествование, связанное в основном с моей нелёгкой работой, хочу немного отвлечься на один трагикомический случай, о котором до сих пор вспоминает моя жена.

Со времён войны, когда огород в Нескучном саду ЦПКО им. Горького в какой-то степени спас нашу семью от голода, я в душе стал колхозником, т.е. любителем сельхозработ и выращивания всевозможных растений.

Начав жить с Раей в Очаково на первом этаже двухэтажного барачного здания, я обратил внимание на «приусадебный участок» под окном – лоскут земли примерно полтора на два метра. Душа крестьянина не могла с этим смириться, и в ближайшее воскресенье мы с Раей поехали на Дорогомиловский рынок за посадочным материалом. Купив пару кустиков смородины, я положил их на плечо, и так как Рая своей семенящей походкой немного отстала, я обернулся всем корпусом и с размаху хлестнул по лицу ветками оказавшегося за мною мужчину. Он шёл с женою, но я их не видел.

Мужчина взревел благим матом, назвал меня хулиганом и стал требовать, чтобы мы вместе пошли в милицию при рынке. Я извинился, объяснил, что ударил его нечаянно, без всякого злого умысла, но он разошёлся вовсю.

Я выругался, и все трое, с его женой, мы зашли в помещение милицейского участка. Там я объяснил всё случившееся, сказал, что работаю

начальником турбинного цеха Монтажного управления, член партии, ещё раз извинился перед пострадавшим. Меня отпустили.

Всё это время Рая стояла на улице перед милицейским участком и терзалась мыслями, что вот сейчас меня арестуют, и что ей делать?..

Для неё это был стресс. Она долго после этого не могла успокоиться.

А я в связи с этим вспомнил более серьёзный случай, который произошёл со мной во время войны, в начале 1943 года.

Выпал снег и мы с Лёвкой вышли вечером на набережную покидаться снежками. Со стороны Крымского моста в это время шёл посередине мостовой какой-то пьяненький мужик. Один из снежков попал в него. Мужик расвирепел, вытащил из голенища сапога довольно внушительный нож и с угрозами двинулся в мою сторону. Лёвка оказался ближе к гранитному парапету набережной, а я был ближе к дому, но между мной и домом оказался пьяный мужик с ножом. Он двигался в сторону моста, и проскочить мимо него в сторону дома было рискованно: спяну мог бы и пырнуть ножом.

Я стал потихоньку двигаться к мосту. Он – за мной. Так мы оказались почти под мостом, а во время войны все мосты охраняла милиция.

Увидев милиционера, мой преследователь крикнул ему:

- Держи грабителя!

Милиционер выхватил револьвер, подбежал ко мне и схватил меня за правую руку выше локтя. Подбежала ещё женщина-милиционер, дежурившая вместе с мужчиной. Я пытался объяснить милиционеру, что бежал от пьяного мужика, потому что у него в руке нож, но пьяный уже куда-то дел его, и мне не поверили.

Милиционер велел напарнице оставаться на посту, мужику- следовать за нами, а сам повёл меня в отделение милиции на Калужской площади (сейчас это Октябрьская).

По дороге я просил его не держать меня за руку, т.к. меня здесь многие знают, и мне не хотелось бы в таком положении встретить знакомых. В одном месте я поскользнулся, он решил, что я хочу вырваться и сбежать, и чуть не пустил в ход свой револьвер, который продолжал держать в правой руке.

- От меня не убежишь! Не таких ловил!

В милиции разобрались, приняли во внимание, что я студент техникума, комсомолец, а мужик оказался с головою, нож по дороге выкинул, немного протрезвел и всё повторял про себя:

- И что я за ним погнался?

Короче, нас отпустили, сказали, чтобы мы шли домой разными путями. Всё закончилось хорошо, но могло быть и весьма плохо.

Пишу от случая к случаю, и незаметно доехал до своего юбилея – сегодня, 27 декабря 2007 года, мне исполнилось 80 лет. Сначала моей

заветной планкой было достижение 70-летнего возраста. Потом хотелось дожить до Миллениума – смены столетий в 2000 году. А теперь вот и 80-летний юбилей пришёл. Дальше загадывать не буду, но жить мне очень интересно, волнуют события и семейные, и в стране, и в мире.

А вот чего жду как ближайшего периода полноценной жизни, так это прихода весны и лета, дачного периода, где я кручусь с утра до вечера в полное своё удовольствие.

Однако воспоминания о прожитых днях и событиях требуют вновь взяться за «перо».

Прошёл год со дня нашей свадьбы, меня перевели на другой объект и вновь сделали начальником цеха. Шёл июнь 1956 года. Нам с Раей очень хотелось съездить на юг, искупаться в море, но это можно было выполнить только после ввода в эксплуатацию турбины №3 на ТЭЦ №12 Мосэнерго, на которой проводилась замена отработавшего свой срок генератора.

Работа, которая вроде не обещала стать каким-то особым событием в моей жизни, чуть было не стала роковой для меня. По свежим следам я тогда же написал рассказ, в котором назвал себя Озерцовым.

НАСТОЯЩЕЕ СЧАСТЬЕ

(рассказ)

Работы по замене генератора третьей паровой турбины в Москве на ТЭЦ №12 Мосэнерго шли полным ходом.

Уже демонтировали старый генератор, переделали фундамент для установки нового. Предстояла ответственная операция – подъём с железнодорожных путей на высоту свыше 10 метров самой тяжёлой части генератора – статора – и установка его на фундаменте.

К подъёму статора готовились основательно. Для подъёма этого стотонного агрегата был разработан проект, изготовлена специальная траверса.

Большой крюк мостового крана машинного зала был рассчитан на 75 тонн, поэтому на кране установили дополнительно ещё две электрические лебёдки с полиспастами. Крюком мостового крана и двумя полиспастами должна была подниматься траверса и подвешенный к ней статор генератора. Обе лебёдки с полиспастами при помощи дополнительного перепускного блока были объединены в одну систему, позволяющую производить подъём одной лебёдкой, если другая внезапно выйдет из строя.

И молодой, недавно окончивший заочный институт начальник цеха Озерцов, и опытный практик прораб Щербак, и бригадиры Теплов и Москаев, первый молодой, но грузный, второй уже пожилой, степенный, не раз обсуждали все подробности предстоящего подъёма, облазили все узкие места, просмотрели и перещупали руками все ответственные узлы конструкций и креплений.

Опробовав работу всех механизмов и убедившись в их безотказности, собрались в конторке у Озерцова. Как и на всяком другом монтаже, конторка была наспех построена в свободном углу машзала. На этот раз конторку сварили из старого листового железа с шахматно расположенными по всей поверхности отверстиями размером с пятак.

- Конторка с вентиляцией,- шутили рабочие,- чтобы у начальства мысли свежее были!

Шум работающих турбин и грохот монтажников гулко раздавались в конторке.

- Ну что ж, друзья, после обеда надо готовиться к подъёму. Неожиданностей, вроде, быть не должно. Как вы считаете?

Озерцов хотел услышать мнение каждого из собравшихся.

- Леонид Романович, вы не горячитесь, не торопитесь. Ведь дело серьёзное. – Сухощавый Василий Фёдорович Щербак, один из опытнейших турбинистов Монтажного управления, за монтаж турбин в Челябинске в годы войны награждённый орденом Ленина, работяга, влюблённый в свою профессию, говорил спокойно, но прочувствованно и с оттенком досады, подчёркивая свои слова характерными жестами. – В таком деле ошибки быть не должно. Ведь статор придётся везти над работающей четвёртой турбиной. Здесь можно таких дров наломать, что и жить не захочешь. Надо сначала посмотреть, как будет подниматься одна траверса, без статора. Потренируемся на траверсе, посмотрим, как будут слушать команду крановщица и моторист на лебёдках, смогут ли они равномерно поднимать траверсу за оба конца...

- У крюка и полиспастов скорости разные, нужно приспособиться,- вставил Москаев.

- Правильно, Дмитрий Васильевич,- подхватил Щербак,- здесь нужно основательно потренироваться!

- А кто будет командовать подъёмом? – спросил Теплов.

Он сидел, сутулясь на табурете, усиленно о чём-то думая и, глубоко затягиваясь папироской, медленно, тоненькой струйкой выпускал дым изо рта. На скулах его широкого лица с глубоко запрятанными глазами и мохнатыми светлыми бровями играли желваки. Его уважали и слушались рабочие, он умел метко подшутить над кем-нибудь, подтронуть, а когда нужно, и резко, глядя в глаза человеку, выразить ему своё мнение о нём и о его поступках. Но иногда он замыкался в себе, взгляд его становился непроницаемым, и нельзя было понять, о чём он в это время думает. При случае он мог и словчить, но уличить его в этом было трудно, да и не у всякого возникало желание. В таких случаях он не тушевался, быстро переходил сам в нападение и резкими высказываниями отбивал охоту у человека продолжать разговор.

- А чего ты спрашиваешь, Виктор? – удивился Щербак. – Ты ведущий бригадир по монтажу генератора, тебе монтировать статор на фундаменте, тебе его и поднимать. Никто у тебя этого права не отнимает. Дмитрий Васильевич своё дело сделал – построил такелаж, ты тоже принимал в этом

участие, полностью в курсе дела, как производить подъём. Чего же ты спрашиваешь?

- Уточнить никогда не мешает, - уклончиво ответил Теплов и сдул на пол пепел папироски.

- Что ж, Василий Фёдорович, я с тобой согласен, - сказал Озерцов, - лишний раз убедиться в надёжности схемы подъёма действительно не вредно. Если других мнений нет, то после обеда этим и займёмся.

- Так-то оно верней,- поднимаясь, заговорил Москаев. Он говорил, как и всё делал, очень спокойно, вдумываясь в свою речь. Это был старый такелажник, по опыту и по годам. На голове у него уже преобладала седина, но глаза светились какой-то детской чистотой и привлекательностью. Тон его был мягок, даже, можно сказать, отечески мягок. – Вы ещё молоды, Леонид Романович, подходите к делу горячо, а здесь горячиться не надо. Василий Фёдорович прав: лучше поднять статор на день-два позже, чем наделать беду.

- Ну правильно, Дмитрий Васильевич, - так же тепло ответил ему Озерцов, - я ж ничего не говорю, я полностью с вами согласен. Здесь день роли не играет...

После обеда расставили людей по местам. Крановщица Полина, полная, немолодая, приветливая женщина, смотрела из люльки крана и ждала сигнала. Ждал команды и моторист на лебёдках.

Правая рука Теплова относилась к Полине, левая - к мотористу.

Виктор поднял сразу обе руки вверх с вытянутыми указательными пальцами:

- Вира!

Несколько мгновений натягивались троса, затем пятитонная траверса легко закачалась в воздухе и пошла вверх. Однако вскоре левый конец её, закреплённый к полиспадам, начал задираться выше правого: при работе одновременно обеих лебёдок полиспасты поднимали траверсу быстрее, чем крюк мостового крана.

Попробовали работать одной лебёдкой. Теперь левый конец не успевал за правым.

Стало ясно: для равномерного подъёма траверсы нужно периодически останавливать лебёдки или крюк.

Теплов несколько раз поднимал и опускал траверсу, сигналил руками, приговаривая: «Дай майна! Ещё... ещё... хорош! Дай вира!» - хотя слышать его никто, конечно, не мог.

- Здорово работает! – Коля Хромов из бригады Теплова, задрал голову, вместе со всеми смотревший то на Виктора, то на траверсу, то на крановщицу или моториста, выражал на лице полное удовольствие. – Занятно, ничего не скажешь. Универсально!

Он любил в разговоре щегольнуть красивым словом, смысл которого зачастую ему был непонятен.

Коля был предметом шуток для всех ребят, но подтрунивали над ним добродушно, ради смеха.

- Ты, Коля, пойдй помоги Виктору. Он, бедняга, устал уж, наверно, руками махать. Понимать надо: бригадир работает, а ты как в кино сидишь!

Стоявшие рядом с Тепловым Озерцов, Щербак и Москаев также наблюдали за подъёмом и опусканием траверсы, изредка обмениваясь репликами.

- Я думаю, хватит, Леонид Романович,- сказал Теплов,- можно вязать статор.

- Да, хватит, поигрались – и достаточно,- за Озерцова ответил Щербак.

- Будем привязывать,- решительно сказал Озерцов.- Давай, Виктор, ставь людей, строи статор. Троса тяжёлые, сегодня увязаться едва ли успеете, а завтра суббота – короткий день. Надо будет успеть завтра поднять, чтобы не задерживать людей после работы. На улице жара, все заждались субботы. Я и сам думаю завтра обязательно искупаться.

- Да, Виктор, давай поднажмём,- поддержал Щербак.- Ты с одной стороны строи, а Дмитрий Васильевич со своими ребятами – с другой. Так будет скорее.

Щербак и Москаев отправились к бригадам.

- Подъём!- послышалось оттуда.- Коля, хватай трос в зубы, лезь на статор.

Крепление статора к траверсе закончили только на завтра к десяти утра.

Озерцов позвонил главному инженеру Монтажного управления Шевченко, тот - главному инженеру электростанции Алексеву, и вскоре они оба появились в цехе.

- Ну что, Леонид Романович, коль всё готово, то поднимай,- пожимая руку Озерцову, сказал Шевченко.

- Да, всё в порядке. Ждал только вас: вы просили без вас не поднимать.

Озерцов подошёл к Теплову и ещё раз договорился с ним, чтобы тот сразу высоко не поднимал статор и ещё раз опробовал работу всех механизмов вместе с висящим статором.

Полина и моторист напряжённо ждали сигнала.

Договорившись обо всём, Озерцов взял Теплова за локоть и, слегка пожав его, спокойно сказал:

- Давай, Виктор, действуй!

Виктор широко расставил ноги, и вся его массивная фигура как бы приросла к цементному полу. Последний раз затянулся папироской, с силой потушил её об стойку перил, сделал плевательное движение губами, поднял сразу обе руки кверху и затряс вытянутыми указательными пальцами.

- Дай вира!

Чувствовалось, что он крепко волнуется.

Троса натягивались всё сильнее, от натуги они покрылись чёрными капельками «пота» - между прядей выдавилась смазка. Наконец, статор тяжело оторвался сначала одним, затем другим боком и медленно, внушительно пополз вверх. На шпальной выкладке, лежавшей под статором, остались глубокие резкие вмятины.

Виктор остановил подъём. Статор поднялся не выше ста миллиметров над шпальной выкладкой. Помедлив немного, как бы переводя дух, Виктор снова скомандовал подъём.

На этот раз статор поднялся почти на полтора метра.

Виктор вытянул правую руку перед собой, мельком взглянул вверх в сторону Полины:

- Дай немного вперёд!

Мостовой кран толкнулся и поехал вдоль машинного зала, а статор, вследствие своей инерции, на какой-то миг задержался на месте, затем вместе с траверсой стал медленно наклоняться на один бок.

- Майна!

На этот раз сигнал Виктора не только увидели, но и услышали.

Но прежде чем статор стал опускаться, он уже упёрся конусом в шпальную выкладку. Большой крюк крана, зажатый траверсой, перекосясь вместе с нею, троса уже начали съезжать с реборд блоков, но другой бок статора продолжал оседать, и вскоре всё выровнялось. Троса ослабли, статор лёг на шпальную выкладку.

Всё это произошло так быстро и неожиданно, что не все сразу смогли полностью оценить грозившую опасность.

Виктор стоял бледный как полотно, обеими руками держась за перила.

Все, следившие за подъёмом, сгрудились около него.

- Да, Леонид Романович,- медленно заговорил Виктор, обращаясь к Озерцову,- был бы статор повыше – сейчас лежал бы он кверху тормашками, а траверса вместе с крюком – на нём сверху. А если бы над четвёртой турбиной ему вздумалось падать, дела были бы ещё похлеще!

Теперь заговорили все сразу, каждый по-своему объяснял причину перекося статора.

- Причина ясна, всё дело в перепускном блоке у полиспастов.- Щербак в такт словам резал ладонью воздух.- Я ещё раньше настаивал, чтобы не ставили этот блок. Меня не послушались. Каждый полиспаств должен работать отдельно, а здесь- маленький небаланс, достаточно одному боку статора быть немного тяжелее, и от малейшего толчка один полиспаств начнёт удлиняться, другой укорачиваться. Вот вам и авария. Я этих конструкторов собрал бы в один мешок, да в отхожее место. Люди учились, оканчивали институты, и на тебе - сконструировали: прежде чем поднимешь, трижды сменишь труссы.

- Перепускной блок здесь не основной виновник, Василий Фёдорович,- успокаивающе начал Озерцов,- без него могло быть ещё хуже. Так нагрузка распределяется поровну на оба полиспаства, а то мог бы работать только один. Здесь нужно в чём-то другом искать основную причину.

- Так или иначе, но конструкция ерундовая,- вмешался главный инженер станции,- и я ею поднимать статор больше не дам! Пойдёмте, Виктор Николаевич, - обратился он к главному инженеру монтажного управления,- позвоним проектировщикам, обрадуем их. Пусть завтра, в воскресенье, проведут хорошо день, поразмыслят над своим проектом. А я дежурному

инженеру прикажу снять напряжение с мостового крана и без моего указания его не давать.

- Да, самое время,- поддержал Шевченко,- надо звонить скорее, а то проектировщики скоро исчезнут. Сегодня суббота. А конструкцию действительно нужно дорабатывать, а может быть, и вообще заменить новой. Жалко времени и затраченного труда, но другого выхода нет. Вы, Леонид Романович, в понедельник до моего прихода ничего не предпринимайте. В понедельник вызовем конструкторов, посоветуемся.

Алексеев и Шевченко ушли. Озерцов подозвал к себе Теплова, Щербака и Москаева.

- Вот что, сейчас мы едва ли что придумаем, ребят всё равно нужно скоро отпускать домой, да и напряжение Алексеев снял с крана, так что давайте на сегодня кончим. Дома каждый подумайте, как можно выйти из положения, может, чего придумаете, а в понедельник поговорим, поспорим. В споре рождается истина. Конструктора - конструкторами, а мы тоже головы имеем.

- Да, Леонид Романович,- Москаев улыбался как-то растерянно и виновато,- повезло нам сегодня. Хорошо, что высоко не подняли. Вот бы ахнул он сверху – что твоя бомба.

Виктор молча слушал, курил, потом с жаром заговорил:

- Вот вы, Леонид Романович, говорите, мы тоже головы имеем. Думать-то надо, это верно. Только здесь много на себя брать тоже нельзя, а то как раз на свою-то голову и выйдет. У Алексеева тоже голова есть, а он правильно рассудил: каждый за своё дело отвечает, зря свою голову под удары совать нечего. Он сейчас проектировщикам позвонит и уедет рыбу ловить. Пускай они думают.

А ему чего думать - он не проектировал. А вы всё норовите на себя брать. Вам, видно, ещё не приходилось в переплёты попадать, а Алексеев с Виктором Николаевичем уже поседели от этих переплётов, они поумнее нас с вами.

- Нет, Виктор, я с тобой не согласен. Это у тебя звучит вроде той пословицы: мол, что нам думать, пусть начальство думает – оно газеты читает! Мы здесь люди не посторонние и думать обязаны, да никем ещё и не доказано, что здесь вина только проектировщиков. Если мы в ближайшие день-два не поднимем статор, то сорвём график, не дадим бригадам фронта работ, турбогенератор вовремя не будет пущен в эксплуатацию. Здесь нужно крепко думать. Теперь конструкцию траверсы менять поздно, нужно постараться быстро её доработать, но поднимать придётся ею, и, может быть, даже в понедельник.

- Вы хотите быть католиком больше, чем папа римский,- угрюмо ответил Теплов.

Поговорили ещё немного и разошлись.

Озерцов женился совсем недавно, около года назад. Для него этот год прошёл как один сплошной медовый месяц. Жена его, Рая, хорошенькая брюнетка с большими карими глазами, опущёнными веером длинных ресниц, обладавшая при небольшом росте отличной фигурой со всеми выдающимися женскими прелестями, была на шесть лет моложе его и училась на четвёртом курсе института.

Озерцов в ней души не чаял. Работа у него была напряжённая, часто приходилось вечерами задерживаться. Даже на свадьбу с боем выпросил законные три дня. Теперь у него было заветное желание: поехать вместе с женой в отпуск куда-нибудь к морю, провести в безделье целый месяц, покупаться, загореть, развлечь жену и самому развлечься. Они уже заранее всё распланировали: в июле он заканчивает работы по замене генератора, а она- практику, и в первых числах августа- ту-ту-у-у, да здравствует море!

Неудача со статором разбивала все планы. Если получится задержка, в сентябре у Раи начинаются занятия в институте, значит - прощайте, мечты!

Настроение у Озерцова, когда он пришёл домой, было скверное.

Рая сразу заметила, что у него что-то случилось. Она была в курсе дела его работы, поэтому здесь же встревожилась:

- Лёня, как статор, подняли?

- Не подняли и чуть не уронили,- с досадой ответил Озерцов.

Он подробно рассказал ей все обстоятельства дела.

- Понимаешь, Раенька,- закончил он,- получается кругом обидно. И на работе затор, все сроки летят в трубу, да и наши планы могут сорваться. Вот уж не везёт, так не везёт.

- Ты не расстраивайся,- попыталась утешить его жена, хотя сама также очень расстроилась,- в понедельник приедут проектировщики, чего-нибудь придумают. Всё уладится.

- Вот и ты с проектировщиками. Ты не знаешь этих проектировщиков. Если всё передать им на откуп, то пиши пропало. Пойдут тысячи вариантов, расчётов, увязок и согласований, и проклянёшь всё на свете. Их там сейчас Алексеев с Шевченко напугали, так они теперь будут ходить вокруг да около целый месяц. На них надеяться нечего.

- Но и ты на себя всё не бери.

- Вот-вот, Виктор Теплов тоже так говорит. Ладно, давай лучше будем обедать, я что-то проголодался, мозги совсем не работают.

После обеда жена предложила поехать к её родителям, там переночевать и весь день провести у них. Озерцов согласился: купаться уже не хотелось, не было настроения.

У тестя и тёщи были гости. Люди они гостеприимные, радушные, родственники и хорошие знакомые их очень любили и часто заглядывали на чашку чая.

Озерцову задавали тысячи праздных вопросов, он рассеянно поддерживал разговор, но мысли упорно работали над выяснением причины неудачного подъёма статора.

Рая несколько раз замечала, что он отвечает на вопросы невпопад и, смеясь, просила людей не удивляться.

- Лёня всё думает о своей турбине, это моя соперница, но я не ревнивая. Озерцов рассеянно улыбался посыпавшимся шуткам.

Ночью он долго ворочался, не мог заснуть. Даже во сне его не оставлял статор генератора.

В воскресенье, после завтрака, он забрался на диван вместе с маленькой племянницей, взял с собою целую кучу игрушек и стал с ними проводить всякие эксперименты. Палочки, верёвочки, кубики – всё шло на дело. Статором служил маленький утюг. При глубокой фантазии кровать для куклы могла вполне заменить траверсу. Озерцов поставил два стула спинками друг против друга, положил на них две палочки от каких-то давно поломанных игрушек и подвесил к ним свой «макет».

Двухлетнюю племянницу это строительство вначале занимало, но потом она предоставила дяде играть одному, а сама побежала по своим делам.

Озерцов раскачивал утюг, поднимал и опускал «траверсу», и постепенно у него начала отчётливо вырисовываться причина вчерашней неудачи.

Перепускной блок был не причиной, а следствием. Причина заключалась в том, что статор был подвешен к траверсе на тросах. Пока Виктор поднимал и опускал его, всё было хорошо. Но стоило ему двинуть в сторону кран, как получалась следующая картина: статор, вследствие своей инерции, оставался на какой-то миг на месте, отчего центр тяжести всей системы смещался, на одну сторону траверсы нагрузка становилась больше, чем на другую, и начинал действовать перепускной блок – один полиспаг удлинялся, другой укорачивался; траверса вместе со статором начинала наклоняться, центр тяжести продолжал ещё больше смещаться и т.д. Не будь шпальной выкладки – опрокидывание статора было бы неизбежно.

Если бы статор был жёстко связан с траверсой, этого бы не произошло. Он бы работал как маятник: при малейшем перекосе статор сам бы стремился выровняться, и перепускной блок здесь был бы только на пользу делу.

Практически же закрепить статор ничего не стоило: достаточно между ним и траверсой забить плотно несколько шпал – и цель будет достигнута.

Чем больше Озерцов думал об этом, тем больше убеждался, что он на правильном пути к разрешению проблемы поднятия статора.

В понедельник утром Озерцов шёл на работу с твёрдым намерением осуществить свой план подъёма статора.

Подходя к конторке, он чуть не столкнулся с Щербаком.

- Ох, Леонид Романович, чуть не зашиб вас. А мы сидим здесь с Дмитрием Васильевичем и вас дождаемся. Мы каждый думали дома порознь, а как сговорились: всё дело в перепускном блоке. Его нужно ликвидировать, а полиспагты сделать сильнее, чтобы каждый мог в отдельности выдержать нагрузку на конец траверсы.

Они вошли в конторку. Кроме Москаева там сидел ещё один рабочий. При появлении Озерцова он встал.

- Леонид Романович, Теплов просил передать, что он в воскресенье заболел и сегодня не придёт на работу.

- Ты что, видел его сегодня утром?

- Да, мы вместе живём. Держится за живот, говорит, чего-то съел вчера плохое и сейчас всё нутро переворачивает. Жена врача на дом вызвала.

- Живот у него болит, говоришь?!

Озерцов прищурил глаза и посмотрел на Щербака и Москаева. Щербак помотал головой и опустил её, как будто его самого уличили в чём-то нехорошем. Москаев ответил Озерцову понимающей улыбкой.

- Ну что ж, живот так живот, раз заболел, значит, нужно лечить. Вечером будешь у Виктора, передай ему привет. А с вами я не согласен, друзья. Я тоже думал, но пришёл совсем к другому выводу.

Озерцов поделился с ними своими соображениями.

- Нужно сейчас забить шпалы между статором и траверсой и попробовать снова приподнять,- закончил он.

Щербак и Москаев в один голос запротестовали.

- Леонид Романович, лучше выкиньте это из головы, раз на раз не приходится. Один раз сошло благополучно, а другой раз- кто знает. Вы не горячитесь. От этого перепускного блока всё можно ожидать.

- Да и напряжения всё равно нет. Алексеев сказал, что не даст его на кран для подъёма статора.

- Это я беру на себя. Я как раз сейчас собирался к нему идти. Дмитрий Васильевич, возьми ребят и забей несколько шпал, как я говорил. А ты, Василий Фёдорович, проследи, чтобы всё было сделано намертво.

- Не дело вы затеяли. Шпалы - что, нам их забить не долго.

- Ну ладно, ладно, мы ещё не поднимаем, подождите хоронить заранее,- ободряюще проговорил Озерцов. Он продолжал твёрдо верить в правильность своих выводов.

Идя к Алексееву, Озерцов понимал, что тот едва ли поддержит его инициативу, и напряжения не даст. Нужно было действовать иначе.

- Здравствуйте, Борис Павлович,- поздоровался он с Алексеевым, зайдя к нему в кабинет.- Ну как, дозвонились в субботу до конструкторов?

- Дозвонился. Часам к девяти прискачут. Сейчас там Совет в Филях идёт. Я им в субботу всыпал по первое число.

- Борис Павлович, скажите, чтобы дали напряжение на кран. Мы пока поправим траверсу, а то она немного косо висит, крюк защемила. Против ожиданий, Алексеев не стал возражать и позвонил дежурному инженеру. Как видно, равнодушный тон Озерцова не вызвал у него никаких подозрений.

Терять время было нельзя. В девять часов мог придти Шевченко, и всё могло расстроиться.

Шпалы уже были забиты. Озерцов приказал при нём ещё раз обстучать их кувалдой.

Крановщица и моторист стояли около Озерцова.

- Полина, Николай, быстро на кран. И чтобы выполнять мои указания точь-в-точь.

- Так напряжения же нет, Леонид Романович,- нараспев проговорила Полина.

- Есть, есть, уже дали. Лезьте на кран.

Озерцов решил проверить всё сам. Когда крановщица и моторист заняли свои места, он одновременно поднял обе руки вверх.

Троса натянулись, и вскоре статор оторвался от шпальной выкладки. Приподняв статор миллиметров на двести, Озерцов остановил подъём и показал Полине рукой вперёд.

Как и в субботу, кран тронулся, статор сначала задержался на месте, но потом также тронулся и, набирая скорость, двинулся вслед за краном.

Озерцов остановил кран. Статор по инерции проплыл в воздухе ещё немного, потом пошёл назад и плавно закачался на одном месте.

Озерцов торжествовал. Всё шло прекрасно. Москаев отошёл и смотрел издали вместе со всеми рабочими. Щербак сильно волновался. Он заходил и справа, и слева. Кричал на всех, чтобы отошли. Но он явно начинал верить в правильность выводов Озерцова.

- Леонид Романович, поднимите ещё чуть-чуть и опустите.

Озерцов проделал это два раза подряд. Всё было хорошо.

Василий Фёдорович не унимался:

- Теперь попробуйте работать только одной лебёдкой.

Но и на этот раз всё было нормально: трос перебежал через перепускной блок и оба полиспаста работали, как один.

- Василий Фёдорович, теперь я попробую доказать, что вы с Дмитрием Васильевичем неправы. Сейчас я скоманую одной лебёдкой работать вверх, другой вниз. Посмотрим, перекосятся ли траверса.

Василий Фёдорович тихо ответил:

- Давайте.

Озерцов скомановал. Заработали лебёдки, вращаясь в разные стороны с одинаковой скоростью. Побежал трос по роликам полиспастов и перепускному блоку, но всё осталось на месте. Просто трос с одной лебёдки наматывался на другую.

- Ну что, Василий Фёдорович, видел?

Щербак ничего не ответил. Он стоял с правой стороны статора и тяжело думал, откуда ещё ждать неприятностей.

Озерцов видел, что Василий Фёдорович всё ещё сомневается и что поддержки ему ждать неоткуда. Теперь всё зависело от его решения.

Тело его напряжилось. По спине побежал холодок, но он взял себя в руки.

- Вира!

Обе руки Озерцова поднялись кверху, указательными пальцами он покачивал из стороны в сторону. Время от времени он останавливал лебёдки или крюк, чтобы выровнять траверсу, затем вновь поднимал обе руки. Поднявшись метра на два с половиной, статор встал.

Озерцов опустил руки, передохнул, мельком взглянул в сторону Щербака.

Тот стоял, в нервном напряжении обхватив себя поперёк туловища руками и пальцами сжимая плечи. Лицо его было бледно.

- Вира!

На этот раз статор остановился высоко над верхней площадкой машзала. От траверсы до нижнего пояса мостового крана оставалось не больше метра.

По-прежнему гудели работающие турбины, но Озерцову показалось, что стоит глубокая тишина.

Около Щербака уже стояли начальники турбинного и электрического цехов станции, но к Озерцову никто не подходил. Все молчали, как будто видели лунатика, взобравшегося на карниз здания и с кошачьей цепкостью перебиравшегося к соседнему окну. Достаточно было вскрикнуть, и лунатик мог рухнуть вниз. Вмешиваться никто не решался. Оставалось только смотреть со стороны.

Озерцов быстро поднялся на лестницу работающей четвёртой турбины, проверил оттуда, пройдёт ли статор над ней, посмотрел долгим взглядом на Полину, как бы говоря: «Ну, теперь всё зависит от тебя, не подведи!» - и вытянул руку в сторону третьей турбины.

Полина плавно повернула штурвал контроллера, и кран вместе со статором тронулся и поплыл над цехом.

Озерцов шёл, чуть обгоняя статор, ни на секунду не опуская руку.

Все, кто наблюдал за подъёмом статора, шли в стороне, не отставая ни на шаг от крана.

Статор проплыл над четвёртой турбиной и, остановившись над фундаментом под генератор третьей турбины, плавно раскачивался из стороны в сторону.

На мгновение Озерцов подумал, что вдруг что-нибудь произойдёт именно сейчас, когда статор начнёт опускаться, но он заглушил в себе чувство страха и подал команду:

- Майна!

Статор медленно стал опускаться. Теперь уже моторист и крановщица сами, не ожидая команды, останавливали лебёдки или крюк и выравнивали траверсу.

Когда нижняя часть статора уже стала заходить в проём фундамента и рабочие начали направлять его на место, Озерцов облегчённо вздохнул. Всё было кончено. Теперь уже все страхи остались позади. На него, как в детстве, напало буйное веселье. В этот миг он был по настоящему счастлив. Такие минуты счастья не часто и не каждому выпадают в жизни. В каком-то сентиментальном порыве он подошёл к Щербаку и крепко поцеловал в щёку.

- Ну за что, Леонид Романович,- смущённо проговорил он,- это мне нужно вас расцеловать.

Теперь около Озерцова была уже целая толпа. Ему что-то говорили, поздравляли, пожимали руки.

Озерцов заметил приближавшихся быстрыми шагами Алексева и Шевченко. На его счастье, они поздно узнали о том, что происходит в цехе. Когда они подошли, статор уже почти сел лапами на фундаментные рамы.

Озерцов ожидал поздравлений с их стороны, но услышал обратное. Алексеев даже не подошёл к нему. Озерцов слышал, как он пробормотал, держась рукой за сердце:

- Мальчишество, его на станцию нельзя пускать!

Шевченко тоже был хмур.

- Я не ожидал от вас, Леонид Романович, такой недисциплинированности. За нарушение моего приказа и самовольный подъём я вам в приказе объявляю выговор.

Озерцов слегка нахмурился и ничего не ответил. Ему немножко было обидно. Но скоро чувство счастья вновь заглушило все другие чувства, и он отошёл в сторону рабочих, сновавших вокруг статора. В их глазах он видел одобрение и даже восхищение, и их оценка была ему всего дороже.

Подошедший Москаев смотрел на Озерцова влюблёнными глазами.

- Молодец, Леонид Романович, ничего не скажешь, молодец! Вы на этих не обращайте внимания,- указал он в сторону Алексева и Шевченко.- Я всё слышал. Это они по долгу службы, а сами, небось, рады - радёшеньки. А должны были бы благодарить. Ведь если бы вы не взяли всё на себя и не подняли бы статор, он ещё не скоро оказался бы на фундаменте.

Около статора появились смущённые и приятно удивлённые начальник проектной организации и трое конструкторов.

- Ну, подняли, поздравляем, поздравляем. Скажу откровенно, целую гору с плеч сняли у нас,- благодарно тряс руку Озерцова начальник проектной организации, а конструктора обступили его кругом и радостно кивали головами.

В конце июля Озерцов с женой ехал на юг, к морю.

- А знаешь, Раенька, Шевченко мне выговора в приказе так и не объявил. А отношения у нас с ним самые хорошие.

Рая, счастливо улыбаясь, слушала мужа и смотрела в окно, любуясь пробегающими перед глазами картинами украинской природы. Потом с чувством тихо проговорила:

- Хорошо, всё-таки, жить на свете!

Москва – Казань
июнь 1957 года.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОРГАН ПАРТБЮРО, ПОСТРОЙКОМА, УПРАВЛЕНИЯ
СТРОИТЕЛЬСТВА И ПАРТБЮРО, ДИРЕКЦИИ И ЗАВКОМА
ФРУНЗЕНСКОЙ ТЭЦ

№ 41 (872)

21 июня 1956 года

Выходит по
понедельникам
и четвергам

ОТВЕТСТВЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ СТАТОР ГЕНЕРАТОРА № 3 ПОДНЯТ НА ФУНДАМЕНТ

Больше месяца коллектив монтажников готовился к одной из главных операций замены генератора третьей машины — подъему на фундамент статора нового генератора, вес которого без газохладителей и лобовых крышек составляет 95 тонн.

В связи с тем, что грузоподъемность большего гака мостового крана, равного 75 тоннам, оказалась недостаточной для подъема статора, Мосэнергпроект разработал такелажную схему подъема статора при помощи специальной траверсы, благодаря которой часть веса статора передается на два полиспаста грузоподъемностью по 15 тонн каждый.

Следует отметить, что такелажная схема, разработанная Мосэнергпроект, имела ряд существенных недоработок, поэтому при рассмотрении проекта траверсы и такелажной схемы, а также в процессе работы по настройке такелажа инженерно-техническими работниками, бригадами и рабочими коллектива был сделан ряд существенных предложений по улучшению конструкции траверсы, повышению надежности и безопасности подъема статора.

16 июня, когда все подготовительные работы были закончены, начали подъем статора. Но уже при подъеме на высоту около 500 миллиметров статор «взбрынул» одним концом вниз и уперся в шпальную выкладку. Если бы это случилось на большей высоте, избежать аварии было бы почти невозможно.

Несмотря на то, что все было рассчитано, выверено, и монтажники, и работники эксплуатации с тревогой следили, как статор оторвался от подкладок и, медленно подывшись, плавно поплыл над машинным залом. Но все шло хорошо.

Сложная операция по поднятию статора и установке его на место заняла не больше часа.

Теперь монтажники широко разворачивают работы на машине.

После всестороннего обсуждения причин наклона статора выяснилось, что запроектированная траверса очень неустойчива, и достаточно небольшого отклонения центра тяжести статора в сторону, чтобы он начал падать.

На совещании у главного инженера станции тов. Алексева 16 июня мы не пришли к единому мнению относительно хода дальнейшей работы по подъему статора, и решено было этот вопрос отложить на понедельник.

Каждому из членов совещания было о чем подумать в воскресенье. Я также детально обдумал возможные варианты устранения неустойчивости траверсы и пришел к твердому убеждению, что неустойчивости можно избежать только в том случае, если траверсу жестко закрепить относительно статора, сделать их как бы единым целым, с

единым центром тяжести, который, так же как и у маятника, будет стремиться всегда оказаться в самом нижнем положении и тем самым придаст устойчивость всей системе.

В понедельник, 18 июня, главный инженер станции разрешил нам произвести некоторые эксперименты для создания устойчивости системы и проверки надежности и безопасности подъема.

Путем забивки шпала между траверсой и статором нам удалось добиться устойчивости, после чего статор был благополучно поднят, подвезен к фундаменту и установлен на фундаментные плиты. Риск в данном случае имел место, но очень незначительный, так как все было рассчитано и была полная уверенность в устойчивости и надежности подъема.

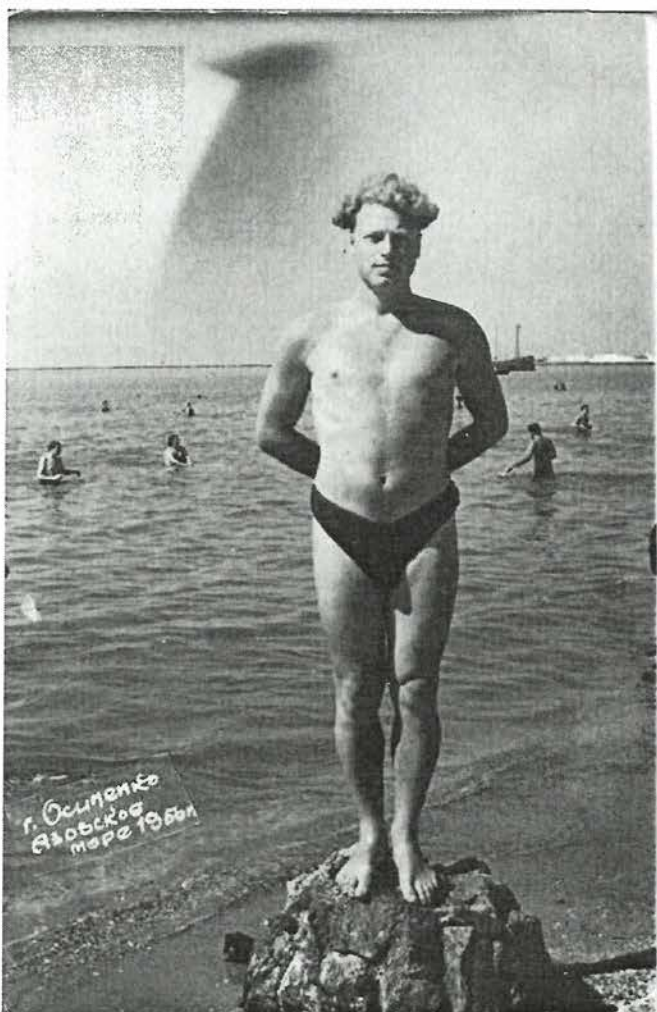
В подготовке и осуществлении подъема статора генератора много труда и ценных предложений внесли прораб В. Ф. Щербак, бригадир тт. В. С. Теплов, Д. В. Москаев, Н. П. Букреев, Д. А. Осипов, В. С. Васильев, электросварщик В. С. Пискунов, рабочие В. М. Ломагин, В. А. Наследухов, В. И. Лифанцев, В. С. Воронков, Н. П. Смоленский, Ф. И. Казначеев и другие.

Сейчас наш коллектив получил фронт работ и приложит все силы к быстрейшему окончанию монтажа нового генератора.

Л. ФИШКИН,
начальник турбинного цеха
монтажного участка № 4
Мосэнергомонтажа.

Заслуженный отдых после подъёма генератора и пуска турбины.

г. Осипенко (Бердянск) на Азовском море. ³⁷

³⁷ Из домашнего архива.

Почти каждый год мы с Раей старались провести летний отпуск по путёвкам на юге или в Подмосковье. На память оставались фотографии.

Алушта.

Геленджик.

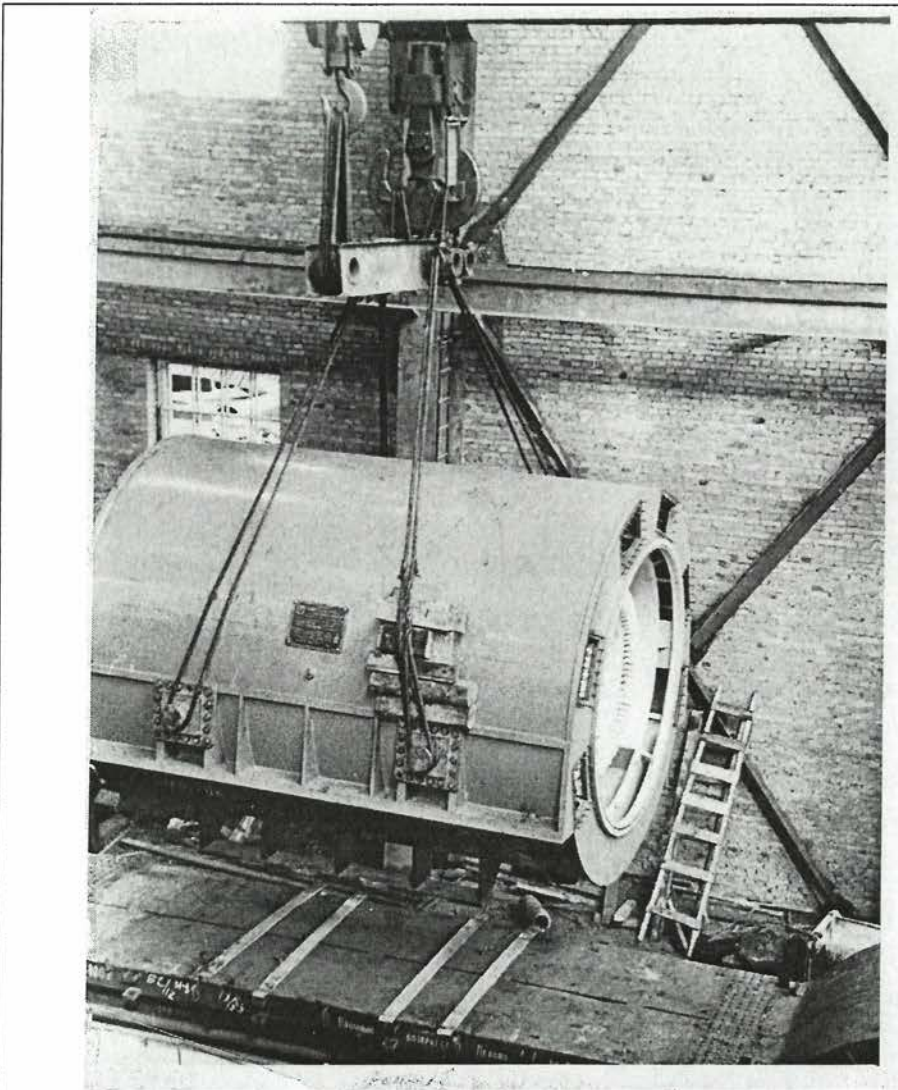

Геленджик. Ура, высота покорена!³⁸

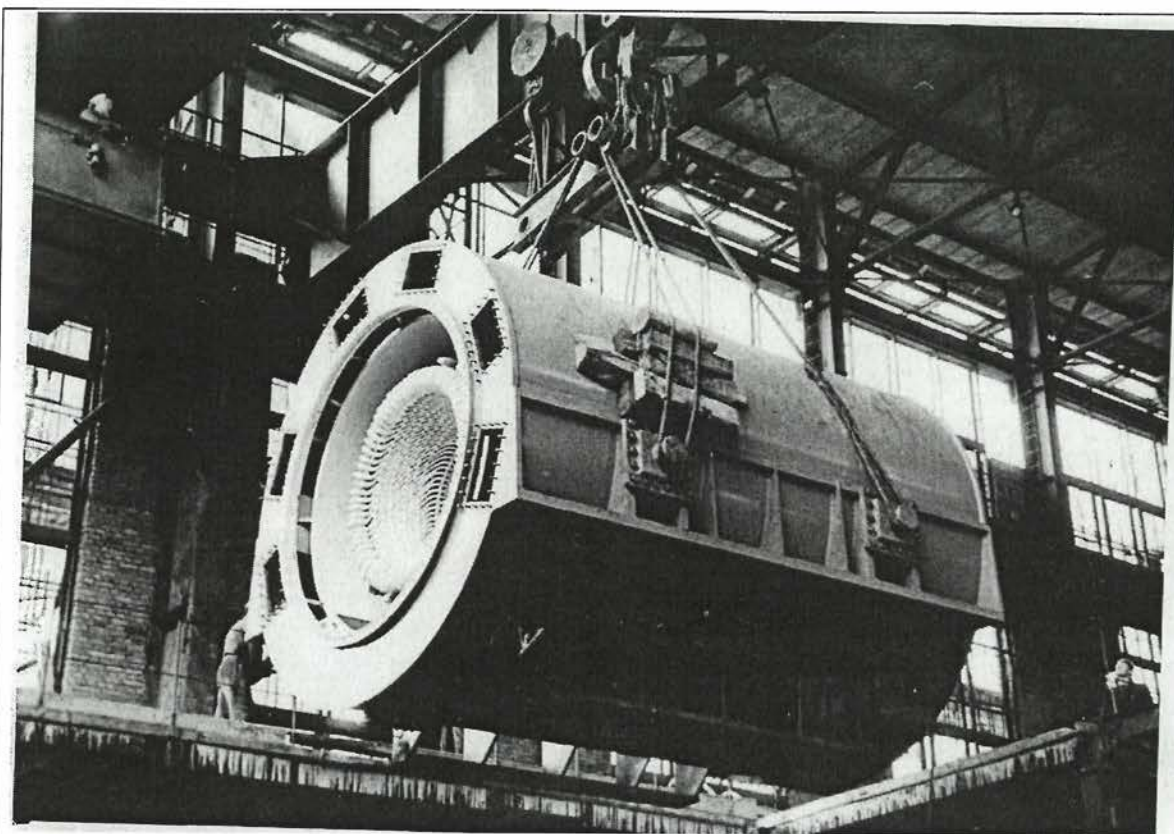
В дальнейшей своей работе, учитывая негативный опыт подъема статора генератора на ТЭЦ №12, я разработал конструкцию компактной траверсы, которая позволяла поднимать статор без дополнительных грузоподъемных механизмов – большим и малым крюками (гаками) мостового крана.

Траверсу изготовили на монтаже по моим чертежам, и ею пользовались не только мы, но и другие подразделения нашего треста. Мне выплатили вознаграждение за рационализаторское предложение.

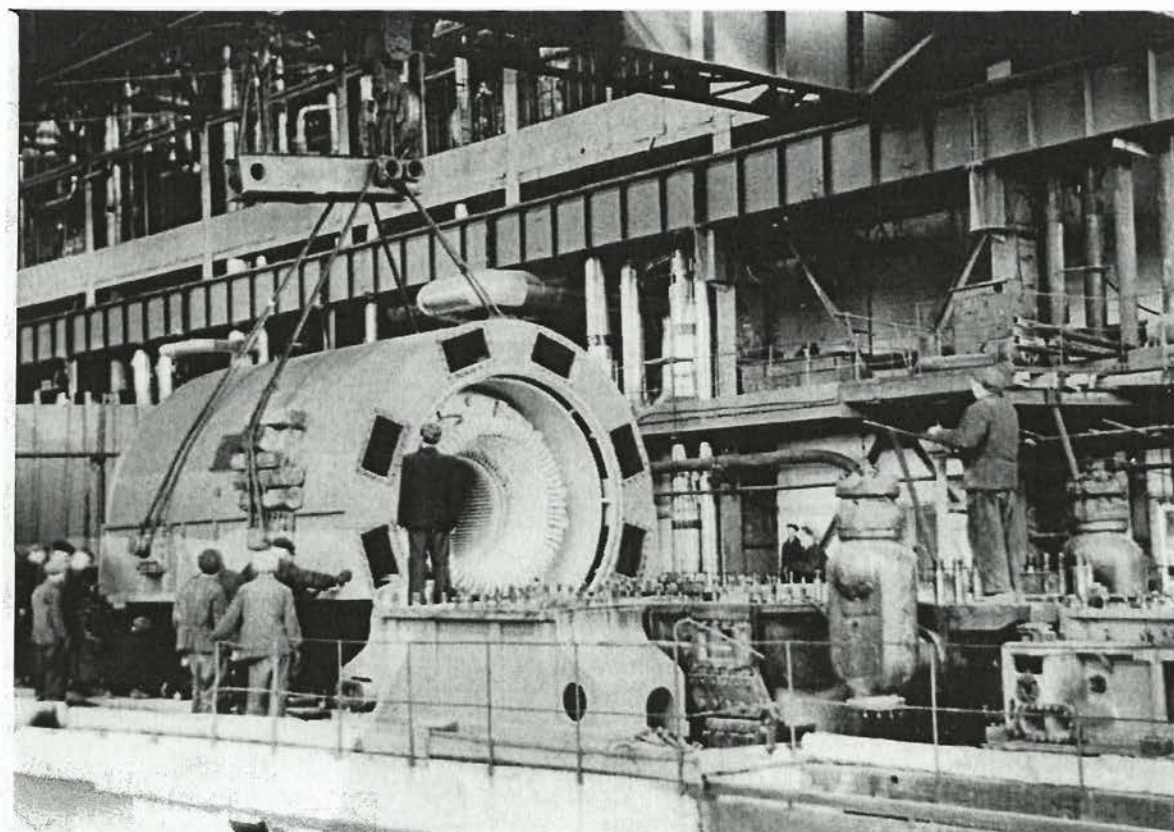
³⁸ Из домашнего архива.

Моя траверса в работе. Подъём статора генератора мощностью 50 тыс. кВт, весом 92 тонны мостовым краном грузоподъёмностью 75/15 тонн на ТЭЦ № 20 Мосэнерго в сентябре 1958 года. Статор оторвался от спецплатформы.

Статор над полом машзала – восьмая отметка.

Статор заводится в проём на месте установки. Командует подъёмом Виктор Сергеевич Теплов (на снимке справа).³⁹

³⁹ Из домашнего архива.

Хочу ещё несколько слов сказать о Василии Фёдоровиче Щербаке.

Во времена, описанные в рассказе о подъёме статора генератора в июне 1956 года, он был прорабом в турбинном цехе, а в августе 1946 года, когда я после окончания техникума был назначен в турбинный цех мастером в возрасте восемнадцати с половиной лет, он работал бригадиром по монтажу турбоагрегатов. Это был очень опытный бригадир, как я уже писал, в годы войны за работу по вводу новых мощностей награждённый орденом Ленина. И вот я, мальчишка без всякого опыта, оказался его начальником.

Хоть я и старался узнавать все тонкости этого сложнейшего производственного процесса не только у прорабов, мастеров, бригадиров, но и у любого опытного слесаря - турбиниста, моя неопытность была видна невооружённым глазом. Начальник цеха Иткина Тамара Самуиловна, женщина с железным характером и громадным инженерным опытом, относилась ко мне с пониманием, старалась корректно указывать на мои промахи в работе. Но особенно по-отечески ко мне относился Василий Фёдорович, очень многое сделавший для освоения мною этой сложнейшей профессии – монтажника паровых турбин.

Как правило, монтаж ведётся круглогодично, в любых погодных условиях и только за полтора-два месяца до пуска в закрытом тёплом помещении, поэтому от длительной работы на холоде у Щербака скрючило пальцы, их невозможно было разогнуть, никакое лечение не помогало. Но и с такими руками он оставался одним из лучших бригадиров - турбинистов.

В начале шестидесятых годов ему, единственному в нашем тресте, было присвоено звание Героя Социалистического труда. Но это несколько не сказалось на его добропорядочности, скромности и душевных качествах.

Я писал, что он был практик без специального технического образования. И вот, когда я без отрыва от производства стал преподавать на курсах повышения квалификации слесарей-монтажников, он попросился ко мне слушателем курсов. Он с усердием и глубокой заинтересованностью занимался и восхищённо удивлялся тому, что многие технические вопросы по определению прочности и безопасности исходных материалов можно решать не интуитивно, а по простым формулам науки о сопротивлении материалов.

Без отрыва от производства периодически я вёл курсы повышения квалификации слесарей – турбинистов высоких разрядов.⁴⁰

Он просил не торопиться заканчивать занятия и дать для решения ещё какую-нибудь практическую задачу.

Это был скромный, талантливый человек с большой буквы, и я горжусь тем, что судьба распорядилась работать нам с ним бок о бок многие годы.

Он умер в начале семидесятых годов от внезапной остановки сердца во дворе своего дома: он набирал землю из кучи завезённого перегноя в горшок для комнатного цветка.

Между тем летом 1957 года мне «посчастливилось» вновь столкнуться с главным инженером треста «Мосэнергострой» Гробокопателем Самуилом Борисовичем, по указанию которого в сентябре 1955 года я был отстранён от должности начальника турбинного цеха при монтаже турбин на ТЭЦ №20.

Шёл монтаж пятого турбогенератора на ТЭЦ №12. В июне, по государственному плану, мы должны были его ввести в эксплуатацию.

⁴⁰ Из домашнего архива.

ТЭЦ № 12 Мосэнерго (Фрунзенская ТЭЦ) на Бережковской набережной Москвы недалеко от Киевского вокзала.⁴¹

Работы подходили к концу, наступал этап проведения пуско-наладочных работ, которые идут в технологической последовательности: без выполнения очередной операции нельзя приступить к следующей. Этой очередной операцией должна была быть прокачка масла через систему маслопроводов.

Весь процесс пуско-наладочных работ обычно занимает несколько дней, а на дворе уже было 26 июня.

Работами по монтажу маслопроводов и связанными с ними насосными, охладительными и фильтрующими агрегатами руководил опытнейший бригадир -маслопроводчик Григорий Васильевич Макаруч.

«Мосэнергомонтаж» в то время ещё входил в состав треста «Мосэнергострой» и находился в здании на территории строительства ТЭЦ №12.

Гробокопатель имел привычку перед разговором с первыми руководителями пройтись по монтажной площадке, посмотреть на состояние работ своими глазами, переговорить со строителями и монтажниками.

Я знал, что он где-то ходит по площадке, но не искал «удовольствия» встречи с ним.

Неожиданно мне сообщили, чтобы я срочно пришёл к руководству нашего треста.

Войдя в кабинет управляющего Габриелова Василия Михайловича, я увидел сидящего в его кресле Гробокопателя и сидящих рядом с бледными лицами Габриелова и главного инженера «Мосэнергомонтажа» Бернштейна Александра Анатольевича.

- Так вот я и спрашиваю,- как бы продолжал раздражённо разговаривать с руководителями нашего треста Гробокопатель, не обращая на меня

никакого внимания,- кого вы ставите во главе турбинного цеха? Человека безответственного, неосведомлённого о том, в каком состоянии находится стадия работ и способного только провалить любое начатое дело.

- Прошу прощения, Самуил Борисович, но если вы меня вызвали для того, чтобы публично оскорблять, то это у вас неплохо получается,- окрысился я.

Гробокопатель побагровел и впился в меня глазами.

- Когда начнётся прокачка масла?- почти выкрикнул он.

- Завтра утром. В ночь мы зальём в маслбак масло и утром начнём прокачку.

- Вот я ещё раз повторяю свой вопрос,- Гробокопатель стал сверкать бешеным взглядом в сторону Габриелова и Бернштейна.- Человек абсолютно не в курсе дела. Я только что разговаривал с бригадиром маслопроводчиков Макарчуком, и он мне сказал, что прокачка начнётся дня через три-четыре.

У меня уже тоже всё закипело:

- У нас в цехе есть уборщица тётя Паша, она бы вам сообщила ещё более точные сведения...

- Так вы настаиваете на том, что прокачка начнётся завтра утром?- сжав губы, почти прошипел он.

- Я не настаиваю, а сообщаю. А если я говорю: утром 27 июня, это значит, что прокачка начнётся именно тогда.

- Если прокачка начнётся завтра утром, то я приду и публично перед вами извинюсь.

- Мне это не надо, а вы поступайте, как вам будет угодно. Я могу идти?

- Идите!

Придя в цех, я нашёл Макарчука:

- Что ты наговорил Гробокопателю? Какие три-четыре дня? Он меня сейчас вывернул наизнанку.

- Да ну его! Надоели все со своими вопросами: когда да когда? Вот я ему и сбрыхнул.

- Так вот, дорогой Григорий Васильевич! Сообщаю тебе, что я ему назвал срок начала прокачки масла не позднее завтрашнего утра, поэтому оповести всех рабочих бригады и прими сам к сведению, что мы сегодня не уходим из цеха до тех пор, пока не начнётся прокачка масла. Я назначу на круглосуточное дежурство ИТР, а ты сообщи фамилии дежурных слесарей.

Хочу отметить, что Григорий Васильевич Макарчук был из когорты людей, подобных Василию Фёдоровичу Щербаку. Если бы меня спросили, кто после Щербака достоин носить звание Героя Социалистического труда, я бы, не задумываясь, ответил: Макарчук.

О разговоре, состоявшемся у Гробокопателя, очень быстро стало известно на всей стройке и у руководства ТЭЦ №12. Никто из руководителей не ушёл домой. В ночь мы залили в маслбак несколько тонн турбинного масла, и в 5 часов утра довольный начальник строительства Огороков Валентин Александрович решил поднять с кровати Самуила Борисовича и сообщить ему эту радостную новость.

- Я знаю,- коротко ответил тот.

Вот эта формулировка «я знаю» очень долго обсасывалась в кулуарах нашего треста, управления строительством и на монтаже.

Кто ему сообщил, или он сам был на таком взводе, что хотел меня растоптать и поэтому не мог дождаться утра, чтобы приехать и сорвать на мне свою злость. Увы, к его сожалению, я оказался человеком слова и в дальнейшем он резко изменил ко мне отношение, о чём я расскажу несколько позже.

КАЗАНЬ

Пишу я в хронологическом порядке в основном о тех событиях, которые меня чем-то потрясли и врезались в память.

В середине 1957 года меня командировали в г. Казань, где на ТЭЦ №2 мы должны были ввести новый энергоблок. Меня направили начальником турбинного цеха в наше Монтажное управление.

Оформившись и сняв комнату в частном секторе, я отправился в цех для ознакомления с состоянием строительно-монтажных работ. Первым делом меня интересовал монтаж подкрановых путей, по которым мостовой кран из эксплуатируемой части машзала должен был выехать в расширяемую часть здания: только с его помощью можно было развернуть широкий фронт монтажных работ.

Поднявшись по временной лестнице на высоту около 20 метров от подъездных железнодорожных путей, я шагнул на железобетонную балку, шириной примерно полметра, на которой наши слесари монтировали квадратные рельсы подкрановых путей.

Все рабочие имели монтажные пояса, от которых отходила цепь со специальным устройством – карабином, при помощи которого они крепились к металлическому стержню – прутку, приваренному в виде перил ограждения к колоннам здания.

На мне пояса не было.

Проходя по балке и осматривая уложенные рельсы, я держался за прутки. Так я дошёл до первого рабочего, оказавшегося бригадиром слесарей – монтажников турбинного цеха нашего управления.

Мы поздоровались, я спросил, кто бригадир. Он ответил: «Я» и в свою очередь поинтересовался, кто я такой.

- Я начальник турбинного цеха, сегодня приехал из Москвы.

Бригадир (я не помню его фамилию) прищурился:

- Начальник...

Он взял меня обеими руками за пиджак и тихо проговорил:

- Так вот, начальничек, или ежемесячно будешь моей бригаде выписывать нарядов по 200 процентов, или сейчас ты будешь внизу.

Опасность потребовала быстрых решений. Я мгновенно отцепил его карабин от прутка ограждения, в свою очередь схватил его за туловище:

- Сейчас мы внизу будем вместе!

В испуге он схватился обеими руками за перила.

- Да я так... Я пошутил!

Я продолжал тянуть его в бездну.

- В гробу я видел таких шутников.

На нашу возню и выкрики уже обратили внимание другие члены бригады и стали двигаться к нам.

Я отпустил его и направился к лестнице. Перед начальником управления, моим давним сослуживцем – москвичом Емельяновым Алексеем Илларионовичем, я поставил вопрос о немедленном откомандировании этого бригадира.

На следующий день он покинул Казань.

В июле, по окончании института, ко мне в Казань на три месяца приехала Рая, которая была в положении. К сожалению, несмотря на мою радость, уделить ей много внимания я не мог: бессрочная работа отнимала всё время. Практически все дни она оставалась одна, притом покушать как следует она тоже не могла: в магазинах и даже на рынке из съестного купить было нечего, в столовой могли предложить только конину, от которой её тошнило. Один-два раза мне удалось её покормить в ресторане. Ко всему прочему хозяйка квартиры, где я снимал комнату, узнала, что она в положении и, боясь, что мы у неё останемся надолго, стала нас вытеснять, на первых порах запрещая Рае что-либо варить на кухне.

Несколько скрасил её пребывание в Казани приезд моего дяди Лазебника И. С., который занимался шеф - монтажом электрооборудования в каком-то другом городе и, сделав по пути в Москву крюк, приехал на пару дней в Казань к своей любимой племяннице.

Как раз в дни нахождения Раи в Казани у меня на монтаже произошёл печальный случай.

Смены рабочих менялись, а я оставался в цеху. Прошла ночь. Утром меня озадачила инструментальщица:

- Леонид Романович, я пришла на смену, а инструментальная открыта, на полу и около дверей кучи говна (из песни слов не выкинешь), а ночного инструментальщика нет. Его одежда висит в шкафчике.

Я попросил её не побрезговать и всё убрать, приступить к работе по выдаче инструментов, а я постараюсь разобраться и найти инструментальщика.

Пока я совещался с прорабами и мастерами, взволнованная инструментальщица появилась снова и сказала, что один электромонтажник открыл шкаф с электроаппаратурой недалеко от инструментальной и нашёл там сидящего на корточках со спущенными штанами пропавшего инструментальщика. Он был мёртв. Шкаф не был ещё подключён по электрической части, из пола торчали концы кабеля, но они находились в стадии монтажа.

Сообщив в соответствующие инстанции о происшествии, я занялся расследованием ЧП.

Выяснилось следующее. Инструментальщик накануне купил себе пальто и основательно отметил это событие. Придя вечером на работу, он начал искать возможность чего-нибудь добавить. Ему на глаза попала бутылка с прозрачной жидкостью: это был дихлорэтан, который у нас на монтаже применялся для смыва консервирующей смазки с заводских деталей оборудования. Решив, что это пойдёт вместо водки, он хлебнул из бутылки.

Дихлорэтан очень сильный растворитель. У него всё сожгло внутри, пошёл понос. Он снял штаны ещё в инструментальной, и по кучкам можно было проследить его путь до электрического шкафа, где он нашёл свой конец.

Во время Раиного приезда в Казань был ещё один инцидент. Когда мы возвращались с нею поздно вечером из кинотеатра, она чуть не стала жертвой хулиганского поступка веселящейся молодёжи: из окна на третьем этаже дома, мимо которого мы проходили, выкинули на улицу бутылку с мочой, которая упала и разбилась рядом с ней. Нас обрызгало мочой.

Я ринулся в подъезд, позвонил в квартиру, из которой раздавалась музыка, и обнаружил там трёх веселящихся девиц. Они бурно запротестовали: это не мы, кто-то ещё. Вести расследование или идти в милицию не имело смысла, т. к. времени на это у меня всё равно бы не было.

Вот так нам в прямом смысле чуть было не ударила моча в голову.

Позднее, когда наша старшая дочь Люба подросла, на мамины укоры по поводу её поведения, с шуткой отвечала:

- Мамочка, у меня было трудное детство, ещё у тебя в животе я испытала стресс, когда рядом с тобой упала и разбилась бутылка с мочой.

Впрочем, жизнь изобилует не только драматическими событиями, но подчас и весьма забавными, даже комическими.

Один из таких случаев летом 1960 года по свежим следам я описал в рассказе «Павлин».

ПАВЛИН

В это лето вместе с женой мы отправились в санаторий на юг.

На перроне нежно распрощались с тёщей, пообещали не волноваться за дочурку и... да здравствует море!

Геленджик встретил нас ласково. В Москве только начали набухать почки, а здесь – всё в цвету, сияет солнце, море вот-вот нагреется.

Хорошо!

Устроившись, в тот же вечер мы отправились осматривать санаторий. Южная природа, лавочки, танцплощадка, кино под открытым небом. Дыши, танцуй, наслаждайся!

Неожиданно откуда-то из-за кустов раздался резкий, неприятный крик.

Жена вопросительно посмотрела на меня.

- Мальчишки балуются,- отмахнулся я.

Сидя в открытой столовой, мы ещё несколько раз слышали те же крики.

Я начинал нервничать.

- Перестань, вечно ты кипятишься из-за пустяков. Смотри, никто не обращает внимания, один ты выходишь из себя.

В кино мы сидели, тесно прижавшись друг к другу. Над головою серебряные звёзды, тихо шелестят кроны деревьев. На экране герой ловко подхватил девушку за талию, сейчас будет затяжной поцелуй...

Я нервно вздрогнул и отбросил руку жены: на сей раз неприятный крик раздался откуда-то сверху, с дерева.

- Черти, и здесь они не дают покоя!

Я уже клокотал. А крики, между тем, повторялись.

Пробираясь между стульями к выходу, я, кажется, рычал.

В аллеях всё было спокойно. Тихо прохаживались парочки, издали неслись звуки вальса.

Вдруг шедший мне навстречу пожилой солидный мужчина несколько раздвинул руки и издал этот противный, скрежещущий звук.

Я опешил, но здесь же в гневе подлетел к нему.

- Короче! Что вы хотите этим сказать?!

Он почему-то странно посмотрел на меня, осторожно описал вокруг меня дугу и, озираясь, скрылся за кустами.

- Понаблюдали сумасшедших. Всё равно, лишь бы была путёвка. По деревьям лазают, подлецы!

Вдали показалась знакомая фигура жены.

- Вот так всегда, из-за тебя даже кино до конца не посмотришь.

- Ты представляешь, это не мальчишки. Это какой-то старый сумасшедший надрывался. И ведь лицо умное, и одет хорошо. Но если так будет дальше, то или мы уедем, или я его убью.

- Перестань с ума сходить!

Вдруг она вскрикнула:

- Посмотри, какая прелесть!

Аллею пересекал красавец павлин. Головка маленькая, хвост веером, гамма красок, ну прямо жар-птица.

- Вот это да! Вот это красота!

- Их здесь целых четыре штуки, дяденька.- Девочки, вероятно, дети сотрудников санатория, спешили нас просветить. Как видно, им часто приходилось это делать.

- Они живут вот здесь за углом, за решёткой, но их пускают гулять, они сами возвращаются. Вот и этот идёт домой.

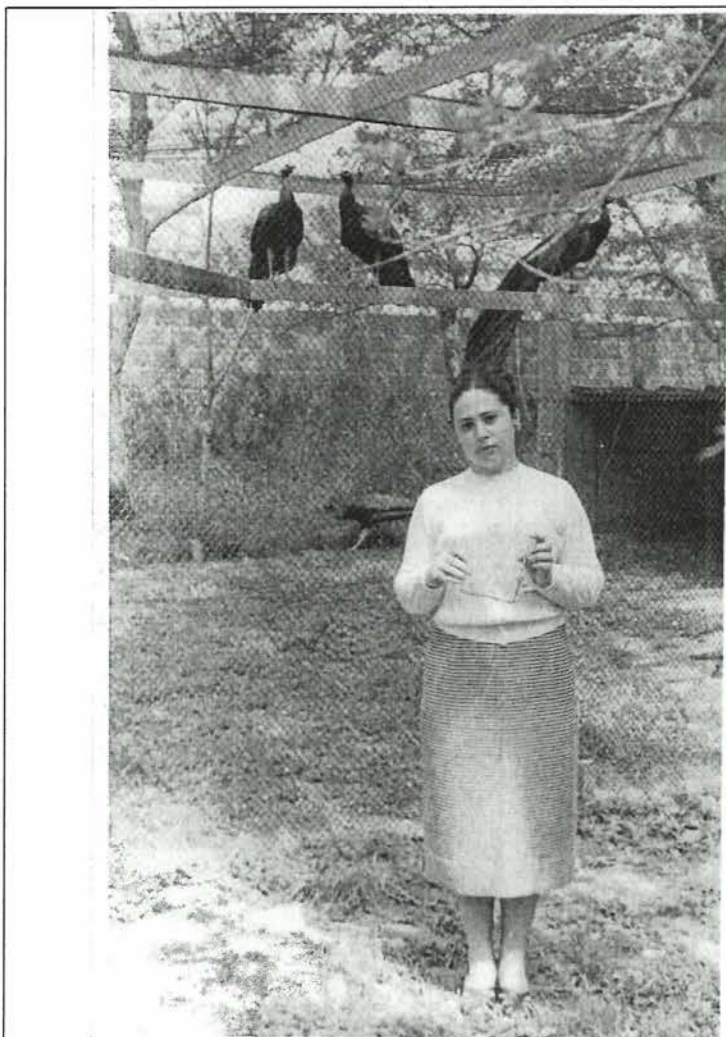
Девочки повели нас за собой. Вскоре мы стояли у решётки и рассматривали волшебных птиц. Самки были скромнее, но уж зато самцы!..

Кино кончилось, и отдыхающие столпились вокруг решётки. Слышались восторженные восклицания. Вдруг самец открыл клюв и издал резкий, знакомый нам крик.

Боже, так вот это кто так кричит!

Мы переглянулись с женой и начали так хохотать, что слёзы выступили на глазах.

Вокруг непонимающе улыбались.

Те самые павлины.⁴²

Вытирая глаза и ещё весь вздрагивая от приступов смеха, я увидел в стороне того самого мужчину. Он что-то тихо рассказывал пожилой женщине, крутил пальцем около лба и глазами указывал на меня.

Женщина сочувственно кивала головой.

Лето 1960 года.

⁴² Из домашнего архива.

ЛЮБА

Свою неординарность Люба действительно начала проявлять ещё до рождения: то как будто палкой проведёт по всей диагонали раздутого живота, то вдруг начинала так трепыхаться, как будто там не ребёнок, а пойманная за ноги птица. Иногда она надолго затихала, и Рая начинала паниковать: жива ли?

Кстати, кто там, в животе, мы не могли знать.

Родилась Люба 1 января 1958 года. Время, конечно, не самое подходящее: медперсонал кто пьёт, у кого похмелье, а здесь ещё надо думать о каких-то родах. И тем не менее ровно через 23 года, именно 1 января 1981 года, в свой день рождения, Люба родила нашу первую внучку Анечку.

По поводу имени для новорождённой у нас с Раей разных мнений не было: дитя любви должна именоваться Любовью.

Свой характер Любочка начала проявлять практически сразу после родов: плакала, вернее, орала не переставая.

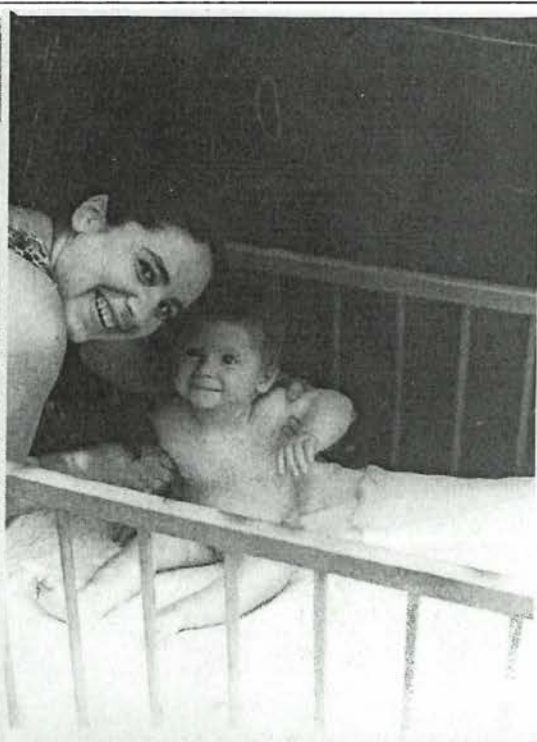
Рая буквально валилась с ног. Приходя поздно домой, я, полузасыпая, качал её коляску с такой силой, что Рая опасалась за её безопасность.

Кстати, в то время среди врачей-педиатров бытовало мнение, что соски для грудных детей вредны, и это их заблуждение мы вместе с Любой прочувствовали основательно.

Наоравшись вдоволь, Люба перешла на плач, притом плакала она тоже особым способом: га-га-га-га...

Люба в коляске...

и в кроватке.⁴³

⁴³ Из домашнего архива

...

Едва научившись вставать в кроватке, она отчебучила новый номер – стояла только на одной ноге.

Наличие у неё хорошего музыкального слуха мы обнаружили довольно рано и уже в четыре года стали приглашать домой учительницу музыки. Звали её Надежда Владимировна. Это была пожилая женщина – пенсионерка, у которой вследствие болезни были скрюченны пальцы на обеих руках, что послужило поводом для подражания для Любочки. Стремление Надежды Владимировны поставить ей руки наталкивалось на желание Любы играть скрюченными руками.

Учительница Надежда Владимировна была очень хорошая, и спустя некоторое время Любочка уже начала играть гаммы и небольшие пьески двумя руками.

Скоро мы заметили, что она играет какие-то мелодии, не входившие в задания.

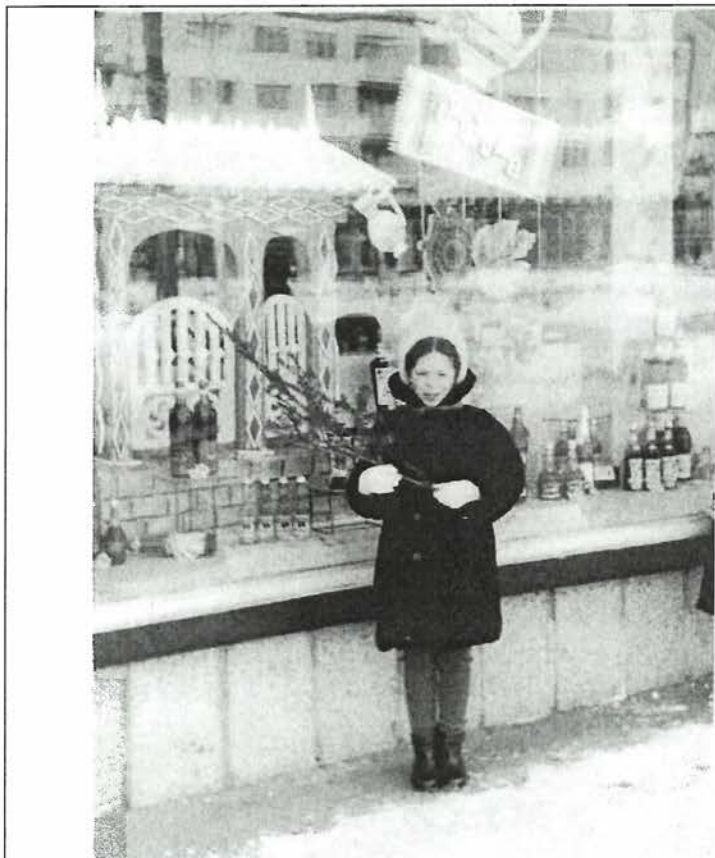
Выяснилось, что она их сочиняет сама и с удовольствием исполняет. Некоторым мелодиям я давал названия, к другим сочинял слова. Получались детские песенки. В меру своих элементарных познаний в музыкальной грамоте, я старался нотами записать эти мелодии и песенки Любочки. Альбом с этими детскими сочинениями сейчас хранится у Любы.

В 1965 году, когда Люба должна была пойти в общеобразовательную и музыкальную школы, меня направили в загранкомандировку в Румынию, где мы всей семьёй пробыли два года. Там Люба находилась в интернате при советском посольстве в Бухаресте, где закончила два класса общеобразовательной школы. Музыкальной школы там не было.

Работал я в городе Онешть, переименованном в Георгиу-Деж в честь умершего первого секретаря компартии Румынии, которого сменил Чаушеску.

По долгу службы я довольно часто приезжал в Бухарест, и мне удалось включить Любу в группу детей, занимавшихся музыкальным образованием с частным платным педагогом. К сожалению, эти занятия очень скоро для Любы закончились, т.к. преподавательница оставляла свою шубу в комнате, примыкавшей к залу с роялем, а сама брала на урок одного ученика, а остальные находились в ожидании своей очереди в комнате. Как же можно было упустить возможность примерить на себя шубу преподавательницы? Все по очереди этим и занимались, но, к сожалению, в тот момент, когда в дверях появилась учительница, в шубе расхаживала Люба; при этом учительница обнаружила, что у неё пропала из кармана брошь. Люба уверяла, что она ничего не брала, но приговор был суров: её занятия музыкой прекратились.

Практически немного пообщаться с роялем Люба могла только у нас в Онешти, когда приезжала к нам на каникулы, при этом мне нужно было договариваться с руководством какого-либо клуба.

На зимних каникулах в городе Онешть в Румынии.⁴⁴

По приезде в Москву после моей заграничной командировки Люба пошла в третий класс общеобразовательной школы. Чтобы не отставать в музыкальной школе по классам, ей пришлось много заниматься в группах при клубах и с частными преподавателями, в результате чего она одновременно закончила 8 классов и музыкальную школу.

⁴⁴ Из домашнего архива.

Люба школьница.

Встал вопрос о её дальнейшем музыкальном образовании.

Любе 14 лет.⁴⁵

⁴⁵ Из домашнего архива.

Нам посоветовали обратиться к заведующей теоретическим отделением Московского музыкального училища им. Октябрьской революции Ирине Дмитриевне Злобинской. Мне удалось с ней познакомиться и уговорить её прослушать Любу. Девочка ей понравилась, но она рекомендовала перед конкурсными экзаменами позаниматься с хорошими преподавателями, при этом она сказала, что если бы мне удалось уговорить позаниматься с ней преподавателя их училища Владимира Викторовича Кирюшина, то это было бы самое лучшее решение вопроса.

Дождлся я, когда Кирюшин после работы направился домой, и, идя рядом, стал уговаривать его прослушать Любу и позаниматься с нею. Он категорически был против, но всё же мне удалось его убедить, что девочка имеет редкие музыкальные способности и было бы преступлением не дать им развиваться.

Мы пришли к нему домой, он жил один в однокомнатной квартире с собакой. После прослушивания он назначил нам время занятий, но перед этим дал домашнее задание: решить 78 мелодических задачек.

К моему удивлению, Люба легко разделалась с заданием, но свои требования Кирюшин многократно увеличивал, при этом он кричал на неё, размахивал руками и восклицал:

- Ты что, издеваешься надо мной?

На занятиях я сидел в стороне и еле сдерживался, чтобы не врезать ему между глаз. Настроение Владимира Викторовича поднималось только тогда, когда раздавался звонок, и он впускал в квартиру группку мальчиков двенадцати-тринадцати лет. У наружной двери они о чём-то договаривались, после чего он возвращался с хорошим настроением.

Как выяснилось впоследствии, Кирюшин был нетрадиционной половой ориентации, поэтому с девочками он занимался с большим нежеланием.

Как преподаватель же он был от Бога, позже создал собственную методику обучения теоретическим дисциплинам в музыкальных училищах, но увлечение мальчиками сначала его привело к скамье подсудимых и тюрьме, а закончилась его жизнь тем, что его убили дома. Кто убил – разгневанный отец ребёнка или любовник – я сейчас уже не помню, об этом писали в газетах, но факт, что он был убит в возрасте около пятидесяти лет.

Учился Кирюшин в Свешниковском училище, жил в интернате с мальчиками-ровесниками и, видимо, там стал геем.

Училище им. Октябрьской Революции (ныне им. Шнитке) Люба закончила с отличием. Затем она поступила на теоретическое отделение Московской Государственной консерватории и также с отличием его закончила.

Сейчас она уже много лет преподаёт в Академии хорового искусства, где пользуется большим уважением и любовью студентов и коллег.

ОДНОКОМНАТНАЯ КВАРТИРА

С милым рай и в шалаше – именно так мы воспринимали нашу жизнь в комнатке в Очаково. Но время шло, появилась Любочка, и мы начали чувствовать, что неплохо было бы обзавестись площадью побольше, а главное – отдельной квартирой, не связанной с соседями.

Вначале, когда мы только поселились с Раей в Очаково, у нас кроме комнаты был ещё маленький закуток – «предбанник» со второй дверью. В нём стояла деревянная печь с плитой, которую мы не топили, а использовали как подставку для электрической плитки, кастрюль и сковородок.

Но прошло время, нам провели газ, печку сломали и вместо неё установили газовую плиту, но она была уже общей для обитателей всех трёх комнат, в связи с чем наши удобства весьма сократились.

Соседями у нас были молодая семейная пара и одинокая пожилая женщина, приходившаяся молодой соседке мачехой. Муж от мачехи ушёл, а она по суду забрала от падчерицы одну из комнат. Разумеется, они не ладили между собой, часто громко ссорились, а при почти стопроцентной слышимости мы «наслаждались» этими взрывами страстей.

Пожилая женщина имела обыкновение каждые пять минут с грохотом и бодрым напевом распахивать свою дверь и направляться то в общий туалет, то на «кухню» – маленькую клетушку с газовой плитой рядом с нашей дверью в комнату.

Молодая пара была более симпатична, но иногда мы вздрагивали, когда за стеной раздавался звуковой взрыв мощного джаза с барабанным боем: у молодожёна была страсть к джазовой музыке, и он приглашал к себе домой на репетицию знакомых джазменов.

Неделю через две Рае приходилось заниматься мытьём полов в коридоре и приведением в порядок туалета, что ей, конечно, не приносило особой радости.

В то время, конец пятидесятых – начало шестидесятых годов, во времена правления Хрущёва, по его инициативе по всей стране, а особенно в Москве, развернулось массовое строительство пятиэтажных блочных и панельных домов, которые в будущем окрестили «хрущёбками», но тогда они были пределом мечтаний для подавляющего числа населения. Ведь при Сталине строились только шикарные дома на улице Горького (Тверской) и на других центральных улицах, и высотные дома, в которых квартиры получали только особо заслуженные люди и высокие руководители. Основная же масса семей жила в коммуналках, в подвалах, в домах, подлежащих сносу, но не сносимых, т.к. некуда было расселять людей.

Предприятия при Хрущёве стали создавать у себя строительные подразделения, добивались выделения земельных участков и начали строить дома по типовым проектам для своих рабочих и служащих. Часть построенного жилья предприятия передавали в фонд города, куда переселялись очередники по городским спискам.

Не отставал от других и трест «Мосэнергострой», в котором мы, работники «Мосэнергомонтажа», были субподрядчиками. Для своих и работников субподрядных организаций трест «Мосэнергострой» развернул большое строительство жилья в Черёмушках и на Нагорной улице.

В начале 1960 года должен был вводиться в эксплуатацию новый пятиэтажный дом на Нагорной улице. Наш трест получил определённое количество квартир. Администрация совместно с парткомом и профкомом их распределила между нашими работниками. Среди счастливиц оказался и я: мне намечалась однокомнатная квартира. И вот, в конце декабря 1959 года, когда я работал начальником турбинного цеха на ТЭЦ №12 Мосэнерго, нам сообщили, что заселения дома не будет: руководство треста «Мосэнергострой» решило использовать его в качестве общежития для иногородних рабочих, приезжающих в Москву на строительство электростанций.

Среди наших «новосёлов» наступило уныние, переходящее в апатию, а так как квартиры предназначались передовикам производства, то есть именно тем людям, которые обеспечивали ввод агрегатов в срок, то это могло плохо кончиться.

В один из дней этого конца декабря к нам должен был приехать министр энергетики и электрификации СССР Новиков Игнат Трофимович. Я решил воспользоваться его посещением для решения вопроса по дому. Министр всегда появлялся в окружении большой свиты руководителей главков, трестов и т.д., которые создавали такую плотную стену, что пробиться к нему было невозможно.

Я договорился с моим классным слесарем по монтажу оборудования регулирования турбины, который в силу специфики своей работы всегда был перепачкан турбинным маслом, что он подойдёт к министру и спросит, почему у нас отобрали дом, в котором мы должны были поселиться, а остальной разговор я беру на себя.

Всё было разыграно как по нотам. С нулевой отметки, где находятся железнодорожные подъездные пути, на восьмую отметку, где установлена турбина, министр поднимался по металлическим лестницам – трапам, и как только он появился наверху, к нему направился мой слесарь Чириков Владимир Иванович, а за ним я.

При виде измазанного маслом слесаря люди из свиты отступали в сторону, и мы оказались рядом с министром.

- А почему у нас забрали дом? Почему нас обманули?

Министр завертел головой.

- Что, какой дом, в чём дело?

Я отодвинул Чирикова.

- Игнат Трофимович, разрешите, я вам дам разъяснения. Трестом «Мосэнергострой» на Нагорной улице в Москве построен дом, куда, в частности, должны были вселиться и наши монтажники из «Мосэнергомонтажа», но нам сообщили, что этот дом забирают под

общежитие. Теперь я не могу упрощать людей работать сверхурочно, что может привести к срыву срока ввода турбоагрегата.

Министр посмотрел вопрошающе на управляющего трестом «Мосэнергострой». Тот тихо, почти на ушко, стал объяснять ситуацию о трудностях, испытываемых трестом в связи с нехваткой общежитий. Министр не дослушал:

- Это ваши проблемы. Дом отдайте рабочим, как намечали.

Он двинулся вперед, давая понять, что вопрос закрыт.

Меня благодарили и рабочие, и ИТР, и руководители нашего треста.

21 декабря 1959 года

Выходит
по понедельникам
и четвергам

Турбогенератор включен в сеть

Они близнецы. Вторая новая турбина выглядит точь-в-точь как и первая. Мать может различить своих близнецов по одной ей заметным приметам. Так и опытный инженер, специалист может сказать о лишь ему одному заметных различиях между этими двумя машинами, хотя вторая турбина «младше» своей «старшей подруги» почти на полгода.

Новая турбина имеет такой же вес, как и первая. Она состоит из 25 тысяч деталей.

По нормам на монтаж такой турбины положено 95 рабочих дней. Фактически монтаж продолжался с 28 августа по 1 декабря — 80 рабочих дней.

80 дней здесь ежедневно работали десятки строителей, монтажников. Сегодня их около генератора не видно. На смену им пришли эксплуатационники. Чисто подметен пол. Для дежурного машиниста поставлен стол. На нем новенький оперативный журнал. На первой странице непредусмотренная никакими инструкциями запись: «Дом 40, кв. 277, Валдин В. А.».

Бросаем взгляд на застекленную будку. Здесь обычно висела публичная табличка шеф-инженера Владимира Алексеевича Валдина. Сегодня на табличке пусто. Видимо, Владимир Алексеевич после многих и долгих бессонных ночей решил взять себе выходной. Но он может понадобиться в любую минуту, ведь еще никто не знает, как себя поведет «новорожденная», будет ли это спокойный и тихий «ребенок», который не причинит своим «родителям» много забот, или это будет капризная крикливая «особь», с которой придется много и много бороться, чтобы укротить ее неспокойный характер.

Впрочем, у ее первых восприимчивиков, дежуривших при «толчке» при включении в сеть, — у начальника смены тов. Маварова и старшего машиниста тов. Калинина —

РЕПОРТАЖ ИЗ ТУРБИННОГО

полная уверенность, что новая машина будет верно и честно нести свою службу.

Не видно в цехе сегодня и производителя работ Василия Федоровича Щербана. Это ему и рабочим монтажных бригад тт. Поланова, Маварчука, Крюкова, Гладких, Ягинунова и других обязаны эксплуатационники рождением еще одного турбогенератора. Это тов.

Щербак вместе с группой монтажников две недели тому назад в тридцатиградусный мороз героически боролся за то, чтобы спасти трубопроводы от разрыва.

Мало сегодня в турбинном монтажном цехе строителей, монтажников сделала свое дело. Турбогенератор дает промышленный ток. Прошло 80 дней — первый взгляд будничных, а на самом деле героических, страданий. Они не прошли даром, на смену строителям и монтажникам в машине пришли эксплуатационники. Теперь за ними слово — скорее надо освоить новую специальность, новую советскую турбину.

Глядя на новую, мощную красавицу турбину, невольно проникаешься чувством гордости за наших советских людей, невольно думаешь о том славном пути, который прошли наша Родина, ее наука, техника.

Владимир Алексеевич не помнит, какая по счету эта турбина, которую он сейчас пустил в эксплуатацию, но он хорошо помнит свою первую турбину, над которой он шефствовал еще в 1934 году. Устанавливалась она на одном из украинских заводов и была мощностью в два раза меньше нынешней, а на ее монтаж и пуск потребовалось времени в три раза больше.

Арифметика несложная, но она говорит о многом. Она показывает огромный накопленный опыт нашим коллективом строителей, монтажников

Шеф-инженер завода-поставщика В. А. Балдин.

Н. ВЛАДИМИРСКИЙ.

Навстречу Пленуму ЦК КПСС

Славная победа строителей и монтажников

Стране дана еще одна новая мощная турбина

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОРГАН ПАРТБЮРО, ПОСТРОЙКОМА, УПРАВЛЕНИЯ
СТРОИТЕЛЬСТВА И ПАРТБЮРО, ДИРЕКЦИИ И ЗАВКОМА
ФРУНЗЕНСКОЙ ТЭЦ

№ 76 (1139)

21 декабря 1959 года

Выходит
по понедельникам
и четвергам

«Что может быть выше и благороднее, чем труд на благо общества, во имя счастья народа и его грядущих поколений? Строители, где бы они ни работали, закладывают памятники на века. Сооружаемые вами мощные электростанции являются живым воплощением героического труда советского народа в эпоху строительства социализма и коммунизма. Поэтому без преувеличения можно сказать, что вы создаете замечательные памятники на века о нашей великой эпохе».

(Из речи Н. С. Хрущева на Всесоюзном совещании по энергетическому строительству).

Л. Р. Фишкин — начальник турбинного цеха 5-го монтажного участка. Тов. Фишкин с первого и до последнего дня руководил монтажом турбины.

Посещение Фрунзенской ТЭЦ

министром строительства электростанций СССР

14 декабря в первой половине дня нашу теплоэлектростанцию посетил министр строительства электростанций СССР И. Т. Новиков. Он осмотрел новую турбину. В беседе с шеф-инженером завода-поставщика тов. Балдиным тов. Новиков обратил внимание на необходимость размещения всех приборов вновь выпускаемых машин исключительно на щите управления.

Министр просит тов. Балдина передать руководителям завода, чтобы при выпуске следующих турбин они обратили больше внимания на культуру их производства.

— Что это такое? — спрашивает министр главного инженера треста Мосэнергостроя тов. Гробоконателя, указывая на леса, опоясывающие расширяемую часть главного корпуса. — Это говорит о культуре работы строителей: турбина испытывается, а цех еще весь в лесах.

Министр подробно расспрашивает

слесаря тов. Чирикова об условиях работы на монтаже турбины. Начальник турбинного цеха тов. Фишкин просит министра оказать помощь в ускорении заселения готового дома на Нагорной улице, в который должны переселиться монтажники.

Главный инженер станции тов. Алексеев обратил внимание министра на то, что турбины сдаются с невыполнением ряда вспомогательного оборудования, поэтому станция, приняв фактически турбину в эксплуатацию, не может взять от нее должной мощности.

— Нам нужно удовлетворить потребности Москвы в электроэнергии, — говорит тов. Новиков, — поэтому мы не можем ждать, когда будет выполнен весь комплекс оборудования, связанный с новой машиной, эксплуатационникам приходится принимать оборудование в том виде, в каком оно сейчас есть.

Должен быть составлен совместно с энергетиками и строителями график окончания всех невыполненных работ, сроки должны назначаться реальные, но за их выполнение будем строго спрашивать со строителей.

— Мы вынуждены сдавать в эксплуатацию машину без некоторого вспомогательного оборудования, — заключает тов. Новиков.

— Но отнюдь не в поделках, подобных этим, — говорит министр, указывая на кусок пола, где до сих пор не положены плитки.

И снова министр говорит о необходимости повышения культуры работы строителей.

Прощаясь с сопровождавшими его товарищами, министр тов. Новиков пожелал строителям, монтажникам и эксплуатационникам быстрее освоить новые вводимые на станции энергоустановки.

Но лично для меня эпопея с заселением только начиналась.

В то время Очаково не входило в черту города Москвы, а считалось в составе Московской области, а жильё в Москве выделялось только москвичам, т.е. тем, кто имел московскую прописку. И хотя я и Рая до переезда в Очаково жили со дня рождения в Москве, мне было отказано в Райисполкоме в получении квартиры в доме, построенном в Москве. Мы с Раей сделали выписки в домоуправлениях по старому месту проживания, и руководство треста совместно с представителями нашего местного комитета профсоюза решило повторить заход в Райисполком.

Сейчас вспоминаю эту картинку. Управляющий трестом Василий Михайлович Габриелов докладывает комиссии в моём присутствии, что товарищ Фишкин Леонид Романович со дня рождения в 1927 году до 1955 года проживал в городе Москве, и только когда женился, мы предоставили ему комнату в нашем доме в посёлке Очаково. И дальше он стал характеризовать меня как молодого, энергичного, перспективного инженера, работавшего начальником турбинного цеха на многих объектах г. Москвы и сейчас руководящего работами по вводу нового мощного турбогенератора на ТЭЦ №12 Мосэнерго. Образно говоря, он дал понять, что без товарища Фишкина дальнейший рост энергетики Москвы может столкнуться с большими трудностями.

От местного комитета около дверей председателя комиссии Райисполкома стояли наш председатель месткома Ямова Мария Васильевна, её заместитель Страшникова Евдокия Павловна, парторг Кулагин Василий Ильич и ещё пара женщин, которые во время доклада управляющего служили «гласом народа». Раздавались подтверждающие выкрики:

- Молодой!
- Перспективный!
- Растущий!
- Пользуется уважением в коллективе!
- Коммунист, ведёт большую общественную работу!
- Пропагандист! и т.д. и т.д.

Не знаю, что больше всего впечатлило комиссию – доклад управляющего или шумовое сопровождение, – но «в виде исключения» мне с семьёю разрешили получить предоставленную трестом квартиру и снова нам стать москвичами.

Сказать, что мы с Раей были счастливы – значит, ничего не сказать!

Мы были на седьмом небе от счастья, а вместе с нами и наши родные и близкие.

Квартира была на четвёртом этаже, с горячей водой, ванной, кухней и балконом. В такой квартире ни мне, ни Рае, ни нашим родителям ещё не приходилось жить.

Нагорная улица. Наш балкон на 4 этаже. В цветочницах я выращивал замечательные красные помидоры.⁴⁷

Всё познаётся в сравнении, и в дальнейшем, по мере строительства домов более шикарных и благоустроенных, эти первые дома массовой застройки стали пренебрежительно называть «хрущёбками», но тогда для людей, замученных «квартирным» или, вернее, «жилищным» вопросом, переселение в такой дом было самым значительным и решающим событием в жизни.

Ф Р О Л О В

В 1961 году, когда я работал начальником турбинного цеха на монтаже ТЭЦ №20 Мосэнерго (недалеко от площади Гагарина в Москве), меня назначили главным инженером управления, и теперь в сферу моей деятельности попал монтаж всего комплекса тепломеханического оборудования электростанции: котлоагрегат, турбоустановка, химводоочистка и т.д. Соответственно выросла численность подчинённого инженерно-технического и рабочего персонала, ответственность за их жизнь, зарплату, безопасные условия труда, за своевременный ввод объекта в целом. Наряду с главным объектом – ТЭЦ №20 Мосэнерго – у нас был ещё ряд мелких объектов, так что забот хватало.

За весь комплекс строительства электростанции отвечал начальник строительного управления, входящего в состав треста «Мосэнергострой», а мы, работники Монтажного управления №4 треста «Мосэнергомонтаж», были у них субподрядчиками по монтажу теплосилового оборудования. Были у них и другие субподрядчики, которые монтировали главное здание станции, дымовые трубы, градирни, электрическую часть, контрольно –

⁴⁷ Из домашнего архива.

измерительные приборы и автоматику и т.д. Определённую часть строительных работ выполнял сам Генподрядчик. Заказчиком выступала дирекция электростанции, которая принимала выполненные работы и эксплуатировала оборудование с выдачей потребителям пара, горячей воды и электроэнергии.

Помимо административной подчинённости, все подразделения были охвачены партийным руководством и должны были выполнять решения как первичных партийных собраний, так и вышестоящих, начиная с райкомов партии и кончая Центральным комитетом.

Я это всё пишу для того, чтобы было понятно, что успех моей работы в качестве главного инженера управления зависел не только от работы собственного коллектива, но и от чёткой работы смежников: вовремя должно быть смонтировано и утеплено главное здание, построены фундаменты под оборудование, смонтирована электрическая часть и т.д. И здесь дирижёром всего комплекса выступал не только начальник строительства, но и парторг, от личности которого зависело очень многое.

На ТЭЦ №20 наша партийная организация была включена в парторганизацию Стройуправления, которой много лет руководил Фролов Иван Макарович. Это был плотный мужчина средних лет. Он не имел специального технического образования, но зато обладал сильным характером. Он расставил на основных должностях своих людей, обязанных ему квартирами и прочими благами, не забывавший и о себе и своей родне: половина его деревни, откуда он родом, работала на стройке, поэтому говорить о нём с кем-либо было опасно, т.к. содержание критического разговора могло быстро ему стать известно.

Начальник строительства Егоров Василий Егорович, уже предпенсионного возраста, был порядочным человеком и старался не вступать в конфронтацию с парторгом, который через Райком партии мог не только усложнить его жизнь, но и лишить его должности.

Для примера расскажу об одном эпизоде, связанном с Иваном Макаровичем Фроловым.

Один из начальников строительных участков Стройуправления (фамилию его не помню) строил в Подмосковье Дом отдыха для нашего Министерства. В летнее время, когда ещё была построена только коробка здания и вставлены окна, он привёз жену с ребёнком и устроил им временное неблагоустроенное жильё в одной из неотделанных комнат. Постельное бельё и питание у них было своё.

Чем-то этот начальник участка в своё время не потрафил Фролову: не дал стройматериалы или рабочих для строительства дачи или ещё чем-нибудь, но, узнав через своих людей о проживании его жены с ребёнком в «Доме отдыха», в повестку очередного партсобрания он включил персональное дело этого начальника участка.

Ознакомившись с сутью персонального дела, коммунисты стали недоумённо спрашивать парторга: а в чём, собственно, обвиняется человек, в чём его проступок, тем более, что сам начальник участка объяснял, что он

готов оплатить проживание семьи в не обустроенном помещении, но скажите только, кому и сколько надо платить, но никто ему не мог дать вразумительного ответа.

Видя, что собрание направляется не в ту сторону, Фролов пустил в бой тяжёлую артиллерию.

Дело в том, что в то время по решению Хрущёва в армии были ликвидированы должности политработников, армия сокращалась, и многие политработники были отправлены в отставку, а по партийной линии по месту жительства были приписаны к ближайшей крупной парторганизации. Так у нас появилась группа из десяти – двенадцати бывших политработников с солидными чинами, которых мы называли «чёрными полковниками». Они всегда были проинформированы Фроловым об их действиях в рассмотрении персональных дел. Вопросы строительства электростанции их особенно не интересовали, а здесь они могли проявить свою активность.

Получив слово, один из полковников начал назидательно:

- А вот Ленин...

Дальше уже можно было не продолжать. Все члены собрания почувствовали себя какими-то незрелыми коммунистами, шкурниками, крохоборами и даже подонками, не понимающими преступную суть поступка начальника участка, и при голосовании единогласно подняли руки за исключение его из партии.

Дело было сделано, повестка дня собрания исчерпана. Опустив головы, все расходились по домам, внутренне понимая, что участвовали сейчас в подлом деле.

За использование своего служебного положения в корыстных целях начальник участка был уволен, и о дальнейшей его судьбе я ничего не знаю.

Урок был преподнесён не только всем членам партии, но и всем работникам стройуправления: Фролову перечить нельзя!

Понимая, что без конца переизбираться на новый срок по уставу партии ему нельзя, он решил, что лучше всего ему протолкнуть на место парторга своего человека (им потом стал его родственник, работавший председателем пострайкома), а самому занять место заместителя начальника строительства Фрейдина Иосифа Евлевича, которого можно подтолкнуть к увольнению или переходу на другую работу, шантажируя предстоящими большими неприятностями.

Надо сказать, что это ему удалось.

Заняв место заместителя начальника строительства, Фролов, в частности, стал руководить транспортным цехом, куда относился подвижной состав внутристроительных железнодорожных путей, по которым в главный корпус электростанции подавались строительные материалы, металлоконструкции, железобетон и прочее, а также тепломеханическое оборудование и трубопроводы, которые нам были нужны для производства монтажных работ.

И вот здесь его бурная деятельность столкнулась с интересами нашего Монтажного управления: в первую очередь загружались и маневровыми

тепловозами подавались в цеха материалы и конструкции для участков стройуправления, а для наших дел не было пустых платформ и свободных тепловозов.

Потерпев два дня, я дал команду двумя козловыми кранами поставить на основной железнодорожный путь статор генератора весом 100 тонн, перекрыв тем самым любую подачу в главный корпус.

Фролов позвонил мне. Я ему объяснил, что задача заместителя начальника строительства заключается не только в обеспечении работой собственного коллектива, но и всех субподрядчиков. Без нас никакого ввода новых мощностей не будет. Он кричал, назвал меня хулиганом, но закончил просьбой убрать статор и обещал дать соответствующие команды по обеспечению работой всего коллектива.

Вопрос был снят, но я, конечно, понимал, что он запомнит мой демарш и при случае отыграется.

Спустя какое-то время случай ему представился.

Д В У Х К О М Н А Т Н А Я К В А Р Т И Р А

В апреле 1963 года у меня родилась вторая дочка – Светлана. Нужно было думать о превращении моей однокомнатной квартиры в двухкомнатную.

Как раз наше стройуправление возводило кирпичный дом в начале Профсоюзной улицы, почти на площади Гагарина. Одну из квартир, из тех, что выделили нашему Монтажному управлению, решением профкома наметили мне, а мою должны были передать одному из наших рабочих.

Оформление ордеров через Райисполком относилось к ведению Ивана Макаровича Фролова. Люди получали ордера, заселялись, а у меня всё были какие-то сложности.

Я неоднократно говорил с Фроловым, он всегда с готовностью отвечал, что «будем решать», но дело не двигалось.

Начальник строительства Василий Егорович Егоров отсылал меня к Фролову: «Я этим не занимаюсь, это его вопрос».

Закончилось дело тем, что эту мою квартиру, по заявлению Фролова, Райисполком забрал себе для какого-то очередника городского списка.

Огорчённый, я попросил Фролова предоставить мне хотя бы комнату из освободившихся после переселения людей в новый дом, чтобы эту комнату вместе с моей однокомнатной квартирой я мог сам поменять на двухкомнатную.

- А у меня нет ни одной свободной комнаты,- ответил он,- их уже все заселили.

Я поехал к Гробокопателю. К тому времени у нас уже сложились нормальные отношения. На оперативках, которые проводил он, я, как главный инженер Монтажного управления, называл сроки выполнения

каких-либо работ, которые позволяли открыть фронт работ для смежников, и при этом Самуил Борисович повторял, что если Леонид Романович назвал срок, то ему можно верить, он не подведёт.

Придя на приём к Гробокопателю, я рассказал ему мою квартирную эпопею и описал позицию, занятую Фроловым. Закончил я короткой репликой:

- Самуил Борисович, Фролов был бы и рад решить мой вопрос, но врождённый антисемитизм не позволяет ему этого сделать! Он не в силах перепрыгнуть через себя!

Гробокопатель позвонил Фролову. Переговорив на производственную тему, он задал ему вопрос:

- Иван Макарович, а как там у вас работает главный инженер Монтажного управления Фишкин Леонид Романович?

- Нормально, хорошо работает.

- А может, у вас к нему есть претензии по основной работе или жалобы от людей на его плохое отношение, или грубость с подчинёнными? Как у него с общественной работой, выполнением партийных поручений?

- Да вроде всё в порядке, никаких нареканий нет.

- Тогда в чём же дело, почему вы не решаете его жилищный вопрос, почему оказалось, что именно его квартира была забрана Райисполкомом? У вас что, нет ни одной свободной комнаты, чтобы он мог улучшить свои жилищные условия путём обмена? Они ведь сейчас живут с двумя детьми в маленькой однокомнатной квартире.

- Самуил Борисович, решим мы этот вопрос, пускай он зайдёт ко мне!

- Хорошо, но только давайте без дискриминации!

Поблагодарив Самуила Борисовича, я немедленно поехал к Фролову.

- Ну ты и даёшь, как же меня выкручивал Гробокопатель!

Он открыл передо мною тетрадку, где были отмечены порядка 12-15 свободных комнат по разным адресам.

- Бери любую!

Я выбрал комнату около метро «Академическая», развесил объявления, и через неделю мы уже жили в соседнем доме на Нагорной улице в двухкомнатной квартире, в такой же пятиэтажке и тоже на четвёртом этаже.

Светочка и Любочка на Нагорной улице.⁴⁸

Судьба ещё раз свела меня с Фроловым, и весьма по - крупному.

После окончания двухлетней заграничной командировки в Румынию, летом 1967 года, мы с женой где-то в центре Москвы встретились с управляющим трестом «Мосэнергострой» Замысловым Анатолием Дмитриевичем.

- О, нашего полку прибыло!- приветствовал он меня.

Поговорив немного и поинтересовавшись моими дальнейшими планами в смысле работы, он откланялся. А буквально на завтра ко мне домой пришла курьер из треста и передала просьбу Замыслова в такое-то время прийти к нему.

В указанное время я был у него в кабинете.

- Леонид Романович, мы здесь посоветовались и решили, что вы вполне созрели для должности начальника строительного управления на ТЭЦ №20 Мосэнерго. Сейчас, после ухода на пенсию Егорова, его обязанности временно исполняет Иван Макарович Фролов.

Не давая мне опомниться, он немедленно поехал со мной в Райком партии и получил там добро на мою кандидатуру. Оттуда он позвонил Фролову, сказал, что мы сейчас к нему приедем, и просил быть у него в кабинете секретаря Партбюро и председателя Постройкома.

⁴⁸ Из домашнего архива.

Когда мы прибыли к Фролову, у всех были бледные, вытянутые лица. Замыслов объяснил цель нашего приезда и спросил их мнение по этому назначению.

Откровенно говоря, всё понеслось так быстро, что я не успел как следует обдумать этот крутой поворот в моей судьбе. Влезать в этот муравейник мне не очень хотелось, поэтому меня очень обрадовали слова Фролова:

- Анатолий Дмитриевич, а коллектив стройки не хочет, чтобы нами руководил Леонид Романович.

Фролов был бледен, было видно, что он произносит эту фразу с большим трудом.

Я воспользовался предлогом и решительно сказал:

- Анатолий Дмитриевич, раз коллектив не хочет со мною работать, то я отказываюсь от Вашего предложения. Конфронтация мне не нужна. Я привык работать в нормальных условиях!

Замыслов взорвался:

- Вы не хотите Леонида Романовича, так я вам пришлю такого начальника, что вы с ним ещё наплачетесь! Больше я с вами церемониться не буду!

Мы быстро собрались и уехали. Замыслов извинился за плохой приём сотрудников стройки:

- Я им уже нескольких людей предлагал, они их отвергают. Всё, моё терпение иссякло, теперь я поступлю более решительно!

Как потом выяснилось, более решительно Замыслов не поступил, он махнул рукой, и начальником строительства без всяких приставок «и.о.» назначил Фролова. Порядочный и грамотный главный инженер стройки Борис Андреевич Кобяков уволился и перешёл на работу в проектную организацию. На его место был назначен один из опытных начальников участка стройки Алексей Егорович Афонин, но Фролов его часто подставлял, замордовал и в конце концов свёл в могилу. Он был крепким высоким мужчиной лет сорока, принципиальным и резким в суждениях. Видимо, такой человек Фролову не нравился.

Вспоминая то время, я понимаю, что в конечном итоге Фролов помог мне продлить жизнь благодаря тому, что тогда, при нашем визите с Замысловым, помог мне принять правильное решение, т.к. работа с ним в качестве моего подчинённого и всей его камарильей не казалась бы мне мёдом.

С В Е Т Л А Н А

Летом 1962 года мы сняли дачу в Жаворонках по Белорусской дороге. Обычно, приезжая домой, я не успевал и двух слов сказать с Раей, как меня атаковала Любочка, требуя то поиграть с ней, то ей почитать, в общем, заполняла собой всё пространство. То же самое было и в редкие выходные дни, когда я был не на работе, а мог уделить внимание семье.

И вот в один из таких воскресных дней я вдруг почувствовал какое-то изменение в окружающей обстановке: что-то никто меня не теребит, никуда не тащит, я спокойно кушаю, разговариваю с Раей. Я не сразу понял, что происходит. Наконец осознав, я спросил Раю:

- А где Люба?

Мой вопрос её тоже застал врасплох:

- А действительно, где?

Мы выглянули во двор. Там на куче песка сидела наша дочь (ей было четыре с половиной года) и играла в куличики с такой же по возрасту хозяйской девочкой. Они были очень увлечены игрой, о чём-то разговаривали...

У меня промелькнула мысль: а ведь это решение вопроса! Я поспешил поделиться своим открытием с Раей:

- Ты посмотри, как она увлечённо играет с девочкой, и мы её сейчас совсем не интересуем. Ты догадываешься, что нам нужно сделать?

Рая, не совсем понимая, к чему я клоню, повернула ко мне голову:

- Что?

- Родить её подружку, сестрёнку!

- Ты с ума сошёл! Ты что, не помнишь, как я рожала Любу, как я чуть не умерла? Ты моей смерти желаешь?

- Ну что ты такое говоришь? Это будут вторые роды, которые пройдут спокойно, а жить нам будет не тяжелее, а легче, да и о Любе следует подумать: мы не вечны, а ей на всю жизнь будет родной человек, с которым ей можно будет поделиться радостью и получить моральную поддержку в трудную минуту!

Короче говоря, я её уговорил.

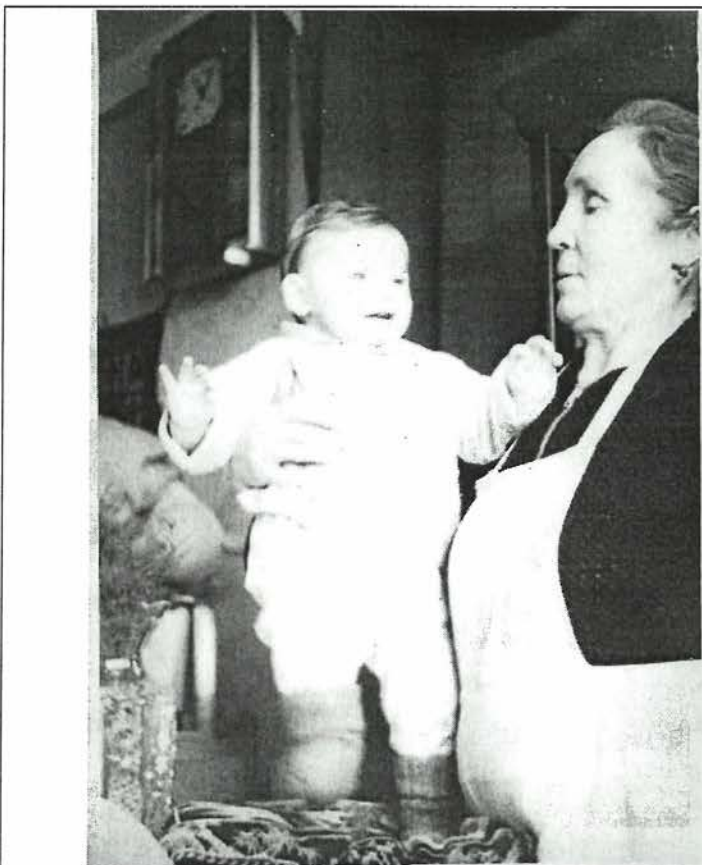
Я бы не прочь был, чтобы это была не девочка, а мальчик, сын, но я был бы рад любому варианту.

Сказано – сделано. Ровно через 9 месяцев, 10 апреля 1963 года родилась Светочка, Светлячок.

Это была совсем другая девочка: зря не плакала, была послушной и очень ласковой. Её очень любила приглашённая нами няня, Александра Николаевна, которую она называла Акаляна.

- Один ум,- восхищалась она Светочкой.

К Любе она относилась сдержанно.

С Акаляной.⁴⁹

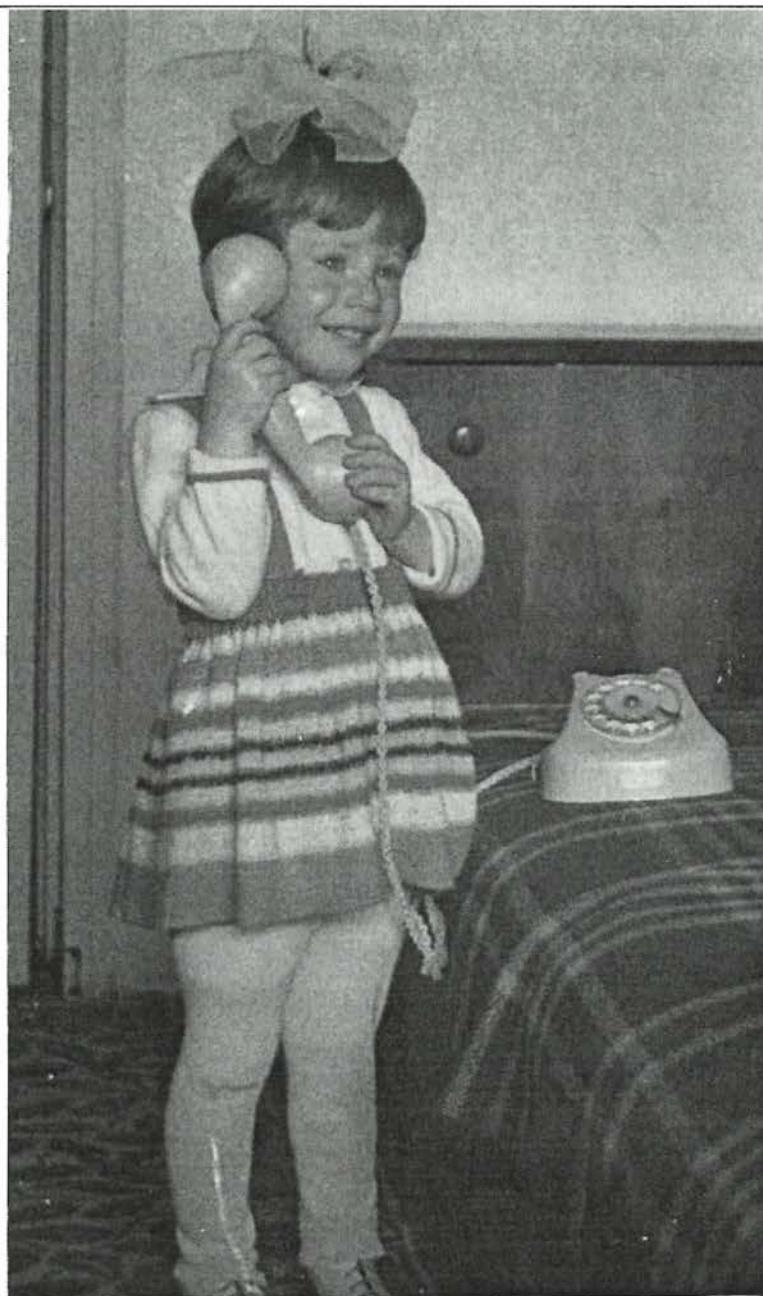
Когда мы поехали в Румынию, Светочке было всего два года.

Как я уже писал, с начала учебного года Люба находилась в интернате в Бухаресте, а Светочка была с нами. Больших хлопот она Рае не доставляла, разве что кушала с большой неохотой. Могла утром проснуться с куском котлеты за щекой: с вечера она её не дожевала.

В других семьях нашей группы советских специалистов были дети примерно её возраста, так что ей было с кем играть. Благодаря её покладистому характеру, к ней хорошо относились и дети, и их родители. Взрослые её ласково называли Малялейка. Это прозвище она получила после того, как испугалась муравья, прижалась к маме и с опаской показала вниз:

- Маляле-е-й!

⁴⁹ Из домашнего архива.

Светочка в Румынии беседует по телефону с Москвой.⁵⁰

По приезде в Москву она ещё какое-то время была с Акаляной, а затем пошла в детский сад. У неё также были очень хорошие музыкальные способности, поэтому наряду с общеобразовательной школой она окончила музыкальную по классу фортепиано.

Её главное прозвище – Кузя, Куня, Ку-ку, Кунька и т.д. – она получила от меня на даче, которую мы купили в 1967 году, но это было позже, где-то в начале семидесятых годов. В это время она была похожа на мальчишку, замечательно ловила рыбу на ближайшем к нам пруду в деревне Талицы; при каких обстоятельствах это произошло – я не помню, но это прозвище за ней закрепилось на всю жизнь, и называют её за её милый характер только уменьшительно – ласкательно: Кунёк, Кунечка, Ку-ку...

⁵⁰ Из домашнего архива.

Куныя ловит рыбу.

Свете 8 лет.⁵¹

В 1980 году Светочка окончила школу. Она хорошо подготовилась к поступлению в Педагогический институт им. Ленина на музыкальный факультет.

20 августа 1980 года, в день нашей с Раей серебряной свадьбы, Света в сопровождении Любы отправилась сдавать приёмный экзамен по фортепиано, но очень разволновалась, т.к. ей предложили сыграть этюд, который она не готовила, к тому же она поторопилась и села очень неудобно, в результате – 2. Явились они к праздничному столу расстроенными, а Света ещё и с рыданиями.

Было принято решение: на следующий год поступать на вечернее отделение, но туда принимали только со стажем работы не менее одного года. Света пошла в свою школу №38 на Мичуринском проспекте, куда её с радостью взяли преподавателем музыки в младших классах, т.к. она всегда активно принимала участие во всех школьных вечерах, играя на фортепиано или аккомпанируя солистам или общему хору ребят. Обладая талантом подбирать по слуху любую

мелодию или песню, она как преподаватель могла многое рассказать о знаменитых композиторах, иллюстрируя рассказ их сочинениями.

В 1981 году она поступила на вечернее отделение Пединститута и успешно его окончила. Много лет она преподавала в 38-й школе, затем, после распада Советского Союза и появления частных школ, её стали

⁵¹ Из домашнего архива.

приглашать туда. Сейчас у неё стаж уже более 27 лет. Отношение во всех коллективах к ней всегда было самое тёплое, расставались с ней с большим сожалением.

Занималась она и с отдельными учениками, которые затем успешно поступали в музыкальные училища.

В музыкальных спектаклях, которые она проводит к знаменательным датам, как правило, участвуют многие преподаватели. В праздничные дни после концертов она приходит с охапками цветов.

Светочка - заботливая жена и мама, а о том, какой она кулинар и как она встречает гостей, можно судить по их восторженным отзывам и многим фотографиям застолий.

РУМЫНИЯ

После смерти Сталина в 1953 году, где-то в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов Советский Союз широко стал практиковать экспорт нашего оборудования с контролем, а часто и с участием в его монтаже в разных странах мира. Особенно много таких объектов за рубежом было у нашего Министерства энергетики и электрификации. Для работы туда посылались группы советских специалистов по контракту с зарубежной страной. Людей для этих групп подбирали заранее в различных специализированных организациях Министерства.

Попасть в такую загранкомандировку считалось не только престижно, но и очень выгодно, т.к. люди за свою работу получали сертификаты, по которым в Союзе в специальных магазинах можно было приобрести дефицитные товары, начиная от продуктов питания и ширпотреба до легковых автомобилей.

Особенно было интересно попасть в капстрану, т.к. там выдавали специальные жёлтые сертификаты, на которые можно было купить любые товары, имевшиеся в магазинах «Берёзка»; а по синим сертификатам, получаемым в странах народной демократии, в социалистических странах, некоторые товары приобрести было нельзя. Да и купить на один рубль жёлтого сертификата можно было больше, чем на рубль синего.

Отделы кадров организаций, по указанию своих руководителей, заранее готовили документацию на свой резерв по специалистам от высококвалифицированных рабочих до инженеров и руководителей групп. В этот спецрезерв попал и я.

Ехать в спецкомандировку надлежало всей семьёй. Когда мне в начале 1965 года предложили должность руководителя группы советских специалистов на Кубе, Рая категорически отказалась, т.к. лететь 10-12 часов с полуторагодовой Светой и семилетней Любой ей представлялось ужасным. Я отказался от предложения.

После отказа мне долго ничего не предлагали, а когда в июне предложили такой же пост на строительстве электростанции в Румынии, у Раи не было никаких возражений, и я дал согласие.

Итак, в июне 1965 года я подписал контракт, и мы все четверо поехали на поезде в Румынию. По контракту я ехал на два года руководителем группы советских специалистов на строительство электростанции в городе Онешть, находящемся примерно в трёхстах километрах от столицы Румынии Бухареста.

По совету бывалых людей, мы с Раей захватили с собой максимальное количество одежды и других вещей для себя и детей, т.к. многие приезжали налегке с элегантными чемоданчиками, а затем несколько месяцев свою зарплату тратили на необходимые вещи.

В Бухаресте нас встретил сотрудник аппарата Советника посольства СССР в Румынской народной республике по экономическим вопросам Ткаченко Николай Пименович, курирующий работу всех групп наших энергетиков в Румынии. С ним был его переводчик Ермолинский.

Картинка им представилась красочная: я вытаскивал из вагона бесконечные чемоданы и узлы, а Рая стояла со Светой и её горшком, прижимая к себе Любу.

Нас отвезли в маленькую гостиницу при посольстве, я ушёл с Ткаченко в посольство на оформление. Там мне дали месячную зарплату, и мы с Раей и детьми отправились в ближайшее кафе.

Не зная языка, мы долго не могли объяснить, что Светочке нужна каша. Наконец, официант понял:

- Кашкавал?

Мы согласно закивали головами. Он принёс какой-то сыр, который и назывался кашкавал.

Наконец нас усадили в местный поезд, и мы поехали в Онешть. Туда заранее приехал наш специалист из Бухарестской группы, который уже заканчивал свой срок пребывания в Румынии, поэтому довольно сносно говорил по-румынски. Он нас встретил и помог разместиться на отведённой квартире. Дал много советов по поведению наших специалистов на работе и в быту, познакомил меня с прикрепленным ко мне переводчиком Николаем Григорьевичем Воляну.

В мои обязанности входило: руководство советскими специалистами; размещение их с семьями по квартирам; ответственность за их поведение на работе и в быту, включая членов их семей; выдача официальных письменных рекомендаций по техническим вопросам монтажа нашего теплотехнического оборудования; связь с нашими заводами – поставщиками оборудования; ежемесячные поездки в Бухарест за зарплатой для специалистов нашей группы.

Для наших специалистов был отведён один подъезд пятиэтажного дома. Квартиры были меблированными, с холодильниками и телевизорами. Одним словом – жильё было отличное.

Город был небольшой, примерно с тридцатитысячным населением, в основном работавшим на находящихся вблизи крупном химкомбинате и действующей электростанции, которую с нашей помощью расширяли.

Многие работали в сфере быта. Средний возраст жителей Онешти был 29 лет.

Румыния, г. Онешть. Часть группы советских специалистов с семьями.

Люба на летние каникулы приехала из Бухареста в Онешть.⁵²

⁵² Из домашнего архива.

Поразила чистота в городе, красивые разноцветные дома разной архитектуры, построенные с очень хорошим качеством и большими удобствами для населения, огромная поликлиника, дворец культуры, детские сады и ясли; в многочисленных магазинах было достаточно товаров и продуктов, при виде которых даже у нас, москвичей, разбегались глаза. Если к этому прибавить прекрасные дороги, не похожие одна на другую автозаправочные станции, то можно было бы присоединиться к нашему мнению, что весь этот городок, перенеси его в какое-либо место Москвы, украсил бы её.

После серой, безликой Москвы с вырастающими как грибы однотипными пятиэтажными зданиями середины шестидесятых годов, этот красивый зелёный городок смотрелся замечательно.

Я думаю, Москва сегодняшняя по сравнению с теми временами не уступит не только такому городку, как Онешть, а многим столицам разных стран мира, и в этом, конечно, огромная заслуга нашего мэра Юрия Михайловича Лужкова. Можно с чем-то не соглашаться в видении им современной градостроительной политики, но подавляющее направление её реализации, бесспорно, правильное.

Поразило меня и первое появление на территории строительства расширяющейся части электростанции, и прежде всего чистота на рабочих местах, наличие хороших дорог на стройплощадке. У нас на московской ТЭЦ №20, в районе Ленинского проспекта и нынешней площади Гагарина, без резиновых сапог никуда пройти было невозможно.

То же самое относилось и к любой строящейся электростанции или просто жилому дому. И опять следует отдать должное Юрию Михайловичу Лужкову, который этому вопросу уделяет много внимания. Раньше не только территории стройплощадок представляли из себя сплошное глиняное месиво, но эта глина колёсами автотранспорта выносилась на городскую проезжую часть, отчего весь город был похож на помойку. Добавляли самосвалы, перевозящие в своих кузовах жидкий бетон или мусор, которые от неплотности ёмкостей и отсутствия укрытий разлетались на все четыре стороны.

Сейчас все кузова машин с сыпучими материалами в обязательном порядке укрываются брезентом, раствор и бетон развозятся специальными автобетоносмесителями, а колёса машин перед выходом в город проходят на стройплощадке основательную мойку. Но это сейчас, а тогда контраст резко бросался в глаза.

Удивило и отношение румын к нашему оборудованию, которое не только складировалось очень аккуратно, но и покрывалось большими полотнами полиэтилена, в том числе и металлоконструкции.

Нам приходилось делать вид, что всё это совершенно естественно, что по-другому и не может быть, что у нас в Союзе всё так и делается. Мы же приехали помогать румынам осваивать новейшие методы монтажа поставляемого им уникального оборудования, и, к сожалению, иногда

приходилось обнаруживать брак, допущенный нашими заводами – поставщиками.

Приведу один пример. Котлоагрегат состоит из огромного количества труб, находящихся в зоне пламени и раскалённых газов. Трубы, в зависимости от расположения и последовательности нагреваемых в них воды и полученного пара, изготавливаются из различных стальных сплавов, способных выдержать давление в 130 атмосфер и температуру до 550 градусов Цельсия. В зонах превращения воды в пар применяется углеродистая сталь, а в зоне перегретого пара сталь легированная. Если по ошибке в зоне высоких температур окажется труба углеродистая, то будет авария с разрывом труб, остановкой котла, ремонтом в тяжелейших условиях и т.д. На заводе – изготовителе проводится предварительный контроль всех труб, но бывает и так, что нерадивый работник проводит так называемый выборочный контроль и помечает конец трубы краской в подтверждение проведенного контроля и пригодности к изготовлению соответствующего оборудования.

Представители заказчика с румынской стороны организовали выборочную проверку полученных с нашего завода пароперегревателей, состоящих из множества змеевиков, приваренных на близком расстоянии друг от друга к более крупному коллектору. Проверка производилась специальным прибором стилоскопом. И вот на крайнем наружном змеевике обнаружили углеродистую трубу.

Сообщили мне. Мы организовали более детальный контроль, по моему предложению видоизменили прибор для возможности проверки внутренних змеевиков. Выводы румынских специалистов подтвердились.

Моё положение осложнялось ещё и тем, что говорить по телефону с директором завода нужно было эзоповым языком, т.к. разговоры могли прослушиваться, и можно было принести своей стране экономический урон, дать пищу для разговоров о качестве поставляемого из Союза оборудования.

Директор завода понял меня, и на объект в срочном порядке самолётом прибыли необходимые змеевики и люди для замены дефектных.

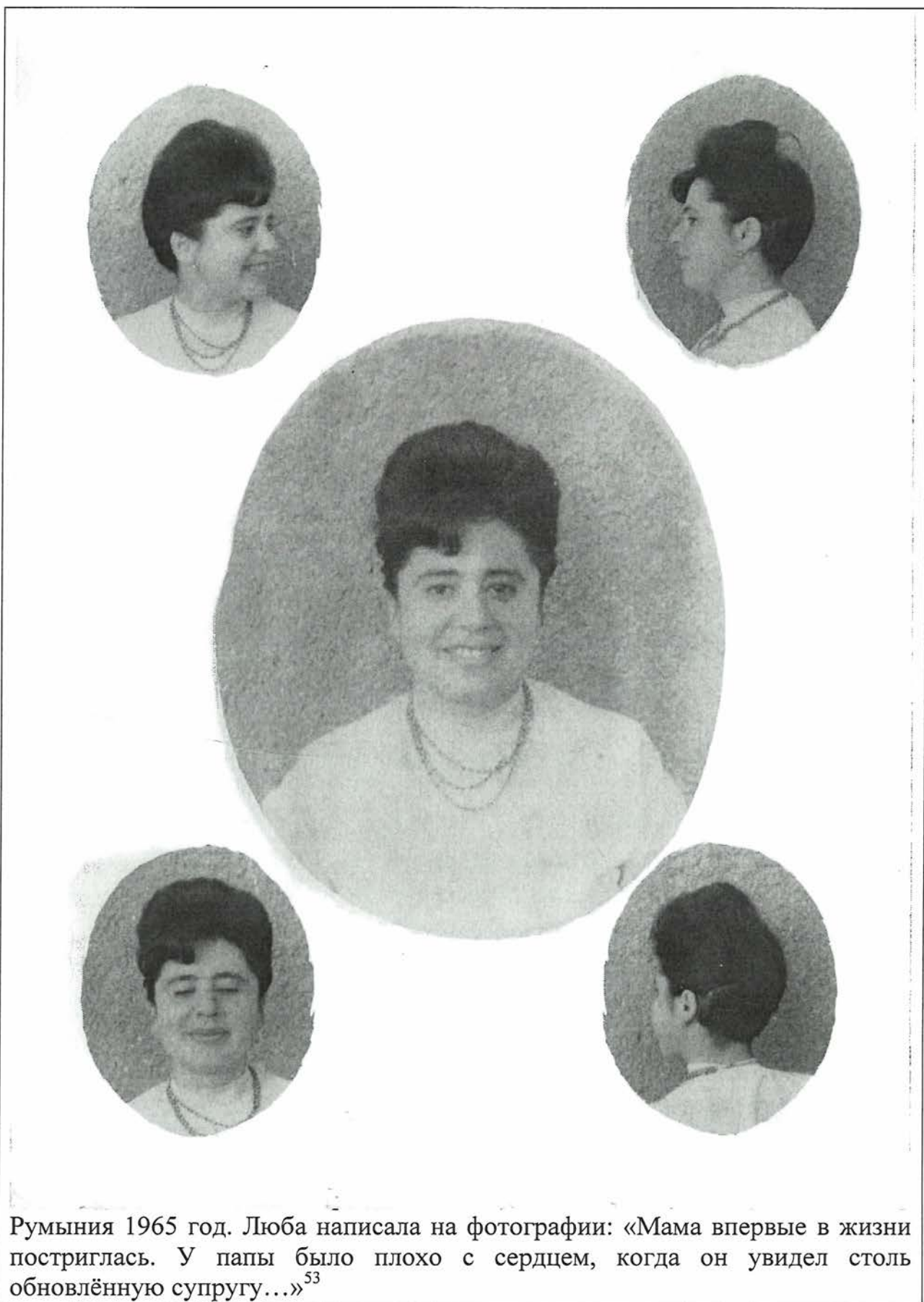
Некоторых вновь приезжающих советских специалистов приходилось вразумлять, что здесь они будут иметь дело с весьма грамотными специалистами, поэтому покровительственно – высокомерный тон общения с ними должен быть исключён.

Я призывал членов своей группы добросовестно относиться к своей работе, максимально передавать рабочим и инженерно-техническим работникам строительства и эксплуатации свои знания и опыт.

Первый наш блок «котёл – турбина» прошёл успешные испытания и был включён в повседневную работу, а мы приступили к монтажу второго блока.

Свободное время мы проводили с семьями, был у нас «красный уголок», где мы собирались по вечерам и в праздники, устраивали общие застолья.

В Румынии я увлёкся фотографией, из Москвы привёз фотоаппарат «ФЭД» и всю аппаратуру для проявления, увеличения и печатания фотоснимков.

Румыния 1965 год. Люба написала на фотографии: «Мама впервые в жизни постриглась. У папы было плохо с сердцем, когда он увидел столь обновлённую супругу...»⁵³

⁵³ Из домашнего архива.

Недалеко от нашего дома протекала быстрая речка Кашин, к сожалению, очень мелкая. На её дне и по берегам лежало много тяжёлых круглых камней – валунов. Я организовал наших мужчин, и мы устроили плотину; в получившемся водоёме все мы, наши жёны и дети стали купаться, затем к нам присоединились и местные жители.

Летом мы организовывали выезды в лес за грибами. Местность там холмисто-гористая, очень распространены буки, очень высокие и красивые. Грибов самых разнообразных было столько, что мы собирали их в огромные полиэтиленовые мешки. Потом я тащил этот мешок, да ещё со Светочкой на закорках, Рая семенила сзади, а путь до автобуса часто был очень неблизким.

Мой отец умер в 1964 году, в возрасте восьмидесяти лет, пролежав перед этим семь лет парализованным после инсульта.

В сентябре 1966 года, когда мы были в Румынии, умерла моя мама. Мы с Раей и Светочкой самолётом полетели в Москву на похороны. Для Раи и Светочки это был первый полёт в их жизни.

В 1967 году в июне заканчивался мой двухгодичный контракт. В посольстве мне предложили остаться ещё на два года в качестве руководителя всех групп энергетиков на строительстве объектов в Румынии вместо уезжавшего в Союз Николая Пименовича Ткаченко, но Рая запротестовала по двум причинам. Во-первых, её родители скучали по своим внукам и по нам с Раей, и в связи со смертью моей мамы, не дождавшейся нас, очень хотели ускорить наше возвращение. Во-вторых, Рая в Румынии не работала, у неё не шёл рабочий стаж, что могло потом отразиться на пенсии.

Я отказался от предложения. Дирекция электростанции и руководство строительной организации устроили нам прощальный вечер, очень хорошо оценили мою работу.

По приезде моего сменщика на посту руководителя группы, мы всей семьёй возвратились в Москву.

По приезде в Москву, ещё до встречи с управляющим трестом «Мосэнергострой» Анатолием Дмитриевичем Замысловым, предложившим мне пост начальника строительства на ТЭЦ №20 Мосэнерго, в Главзагранэнерго нашего Министерства мне предложили посетить «Внешторгэкспорт», где как раз нуждались в работнике моего профиля и опыта.

Я понимал, что со мной говорят, принимая во внимание мои внешние данные и эрудицию в вопросах энергетики. Но у меня ещё есть «пятый пункт», который записывают в анкете согласно паспорту – национальность.

Ради спортивного интереса и для того, чтобы ещё раз убедиться в наличии в стране антисемитизма на государственном уровне (в отдельных организациях евреев не должно было быть), я отправился во «Внешторгэкспорт».

Руководитель фирмы был в восторге от приобретения такого нужного им работника, обещал высокую должность и только просил, чтобы я не шёл сейчас в положенный мне после заграникомандировки двухмесячный отпуск, а немедленно приступил к работе.

- Отпуск мы Вам дадим позднее.

Он вызвал кадровика, велел срочно подготовить бумаги для моего оформления.

Мы пришли в кабинет к начальнику отдела кадров. Извиняющимся тоном он сказал, протянув мне бланк анкеты:

- Заполните, пожалуйста. Формальность, но без этого нельзя.

Я вышел в приёмную, заполнил анкету и принёс её кадровику. При этом внимательно смотрел за его реакцией.

Ни один мускул не дрогнул на его лице. Чувствовалась школа.

- Вы забыли записать свой номер телефона. Так...теперь всё в порядке. Мы вам позвоним.

Он радушно пожал мне руку, и мы раскланялись.

Разумеется, звонка так и не было.

Ещё до Румынии, в мою бытность главным инженером Монтажного управления на строительстве ТЭЦ №20 Мосэнерго, к нам на партсобрание приехала секретарь Гагаринского Райкома партии Бирюкова. Я как раз выступал по производственным вопросам и кого-то резко критиковал.

Бирюковой понравилось моё выступление, и на следующий день меня вызвали в Райком. Бирюкова предложила мне должность инструктора в Райкоме партии.

Я понимал, что это был её экспромт, спонтанное решение, вызванное мимолётным впечатлением от моего выступления, никакой кадровой подготовки к этому вызову и предложению не было, с моим «пятым пунктом» в руководящих партийных органах делать нечего.

Я отказался, сказав, что мне нравится моя инженерная работа, и я хочу продолжать эту деятельность и дальше.

Она не привыкла к тому, чтобы ей перечили.

- Вы меня не злите! Каждый член партии в первую очередь должен заниматься партийной работой, наиболее полно отдавать силы стране и обществу!

- Именно этим я повседневно и занимаюсь, наращивая энергетический потенциал страны и облегчая жизнь людей, принося в их квартиры тепло и электроэнергию.

- Идите и хорошенько подумайте, мы вас ещё вызовем!

Больше не вызывали. Посмотрели мою анкету или просто не захотелось со мной возиться, но меня оставили в покое.

Кстати, сама Бирюкова вскоре была назначена вторым секретарём Московского городского комитета партии.

Чтобы закончить повествование на эту тему, хочу привести один анекдот – притчу, который я услышал в кабинете директора ТЭЦ №20. Уже более часа мы ждали приезда Министра. Гробокопатель, главный инженер треста «Мосэнергострой», мечтательно потянулся в кресле:

- Эх, был бы я министром, я бы вообще не ездил на объекты, спрашивал бы только с заместителей и начальников главков...

- Самуил Борисович,- назидательно заговорил управляющий трестом «Центроэнергомонтаж» Иванищенко, крупный мужчина предпенсионного возраста, очень властный и резкий в суждениях.- В царское время евреев брали в армию, требуя от них выполнения трёх условий. Первое: в окопах не разговаривать; второе: не давать советов офицерам, и третье: даже не сметь мечтать, что когда-нибудь сможешь стать генералом!

ПОКУПКА ДАЧИ

После румынской заграничной командировки мне очень хотелось купить «Запорожец», на более комфортабельный автомобиль у меня не хватило бы средств. Но подрастали дети, у Раи, как преподавателя, был большой летний отпуск, да и родителям Раи летом некуда было деваться – окна их квартиры на Смоленской площади выходили прямо на проезжую часть, и вблизи не было ни одного кустика или деревца. Они жили вместе со старшей дочерью Лёлей, её мужем Гариком и внучкой Нелей, которой на тот момент было 13 лет.

Встал вопрос о покупке вкладчину дачи с участком земли. Наиболее доступные цены были по Ярославской дороге, поэтому в один из воскресных дней осенью 1967 года мы с Раей и Лёля с мужем, по рекомендации моей тёти, у которой была дача на 43-м километре Ярославки, отправились в путь.

По объявлениям на столбах и заборах стали знакомиться с предложениями. У каждой дачи были свои плюсы и минусы как по состоянию дома, величины земельного участка, его расположению, так и по удалённости от станции железной дороги и, конечно, по цене. Все эти дачи были электрифицированы, но все остальные удобства были на дворе: туалет, колодец на улице для общего пользования дачников. О газе и речи не могло быть.

Осматривая третью дачу, выходящую калиткой прямо в лес, я обратил внимание на большой яблоневый сад и обилие яблок, а особенно меня заинтересовала торчащая из земли за домом труба с краном. Оказалось, что с соседней дачи была проведена водопроводная труба. Открыв кран, я с изумлением и восторгом увидел хорошую водяную струю. Я уже представил, как от этого источника я сделаю разводку по всему участку: я всё же монтажник и опыта по этой части мне не занимать. Короче, мы остановились на этом варианте, договорились с молодой хозяйкой-учительницей о цене и занялись с ней оформлением документов о купле – продаже дачи.

Участок в 18 соток и дом были поделены пополам с соседом Григорием Васильевичем Гиренко, при этом его половина дома стояла на добротном

кирпичном фундаменте, была свежеекрашена и выглядела весьма солидно. Наша половина из-за развалившегося фундамента буквально качалась, второй этаж из двух комнаток под ломаной крышей представлял из себя полный хлама чердак с просевшими фанерными потолками, так что перед переездом на дачу нужно было провести хороший капитальный ремонт.

Мы наняли людей, с большими трудностями закупили материалы, часть досок я и Гарик привезли с работы, оплатив их как тару от поставляемого оборудования.

Дороги к даче практически не было, т.к. вплотную к забору подступал лес. Доски и кирпич мы разгружали на проходившей примерно в 150-200 метрах от нас первой вокруг Москвы кольцевой автодороги-бетонки, а дальше на себе и тележками тащили на дачу. Помогали нам с Гариком и Лёля с Раей.

На участке стоял ещё маленький домик «на курьих ножках», который очень понравился Гарику. Его тоже обшили досками, сделали новые полы, пристроили веранду, обновили стропила и покрыли их шифером. У большого дома я во время отпуска снял всю крышу, сделал новые фермы – стропила с обрешёткой и также покрыл шифером. Фундамент дома за осень и зиму сделал молодой рабочий Костя, а обновление маленького домика и строительство совмещённого узла сарай – туалет – душевая выполнил Павел Иванович, мужчина средних лет, со своей племянницей (которая оказалась его любовницей). Костя жил недалеко от нашей дачи, а Павел Иванович с «племянницей» обосновались на время ремонта на нашей даче. При этом в его распоряжении находились купленные нами материалы: доски, кирпич, стекло, краски и т.д., поэтому он с удовольствием выполнял работы по заявкам ближайших дачников и постоянных жителей, используя наши материалы.

О том, почему хозяйка дачи продала её, нам стало известно значительно позже, когда мы ближе узнали нашего соседа Григория Васильевича Гиренко.

Это был человек лет пятидесяти, с тонкими губами и зычным голосом, раздававшимся от его калитки на всю округу. Ему до всего было дело: кто проходит мимо, к кому кто приехал, кто что купил, почему дети играют в те или иные игры и т.д.

Учительница жила на даче со своей мамой и сыном 10-12 лет. Гиренко требовал от неё, чтобы она сделала фундамент под свою половину дома, т.к. весь дом качается. Она любила сидеть с книжками на втором этаже, и её состояние дома вполне устраивало. Во время одной из ссор Гиренко стукнул маму учительницы палкой по голове, в результате чего она через некоторое время скончалась. Не дожидаясь новых всплесков бурного взрывного характера Гиренко, учительница повесила объявление о продаже дачи.

Так как Гиренко был заинтересован в новом владельце второй половины дачи, который привёл бы её в порядок, он на первых порах старался зря не высываться. Затем он развернулся во всю свою мощь.

Между нашими половинами участка не было забора, поэтому во время нашего присутствия, а особенно нашего отсутствия, он по-хозяйски обходил нашу территорию, давал «ценные» советы, перебрасывал на свою половину наши стройматериалы:

-Какая разница, где им лежать, берите, сколько вам надо.

Поэтому первым делом я построил разделительный забор, перенёс к себе назад свои стройматериалы.

Гиренко озверел и начал пакостить. Он был мастером по ремонту холодильников, жил со смиренной и забитой женой и любителем выпить сыном, который работал шофёром на легковой машине и возил Генерального прокурора Руденко. Гиренко этим кичился и при всех удобных случаях обещал засадить в тюрьму:

- Лёнька будет сидеть за решёткой, а Райка будет ему носить передачи.

Я посадил под ёлкой около разделительного забора хрен, который уже более тридцати лет там и растёт. Гиренко написал на мою работу о том, что я хожу голый по участку (я ходил в шортах, что для него было в диковинку) и что я подрываю корни деревьев, чтобы они засохли и не давали тени на участок.

Приезжая каждый день после работы на дачу, я стал около окон нашего дома ощущать сильный запах мочи. О происхождении этого запаха я узнал в один из воскресных летних вечеров.

В комнате на первом этаже жили Раины родители. Как-то мы все собрались у них, окна были открыты, и вдруг раздался плеск воды, и резко запахло мочой. Я вышел во двор и увидел под окнами мокрые кусты цветов и малины, облитые мочой.

Я зашёл в дом, рассказал о проделках Гиренко, взял сделанную мной для дедушки палку для ходьбы и вместе с Гариком отправился к соседу. Он стоял, как обычно, у своей калитки.

- Григорий Васильевич, пойдём в дом, нужно поговорить.

- Ну вот, давно бы так!

Зайдя в дом, я опрокинул его на железную кровать, поперёк шеи прижал палку, пальцами рук схватился за вертикальные прутья кровати и медленно стал его душить, выдавая ему в лицо весь свой запас монтажной матерщины.

- Лёня, ты его удушишь,- Гарик тянул меня за руку.

Гиренко уже высунул язык, задыхаясь.

Я отпустил его.

- В следующий раз задушу окончательно!

Гиренко был потрясён. Отдышавшись, он сокрушённо заговорил:

- Лучше бы ты меня задушил! Так меня опустить...

Мой урок пошёл ему впрок: больше он старался не попадаться мне на глаза и перестал пакостить.

Дальнейшая его судьба была такова. Сначала умерла его жена, потом через несколько лет умер он сам. Сына – пьяницу уволили с работы, он пробивался случайными заработками, к нему записался в друзья очень пожилой человек, который в своё время построил нашу и другие подобные

дачи и успешно их реализовывал дачникам. Заведовал он пивным ларьком около железнодорожной станции. Он систематически спаивал Ваську – сына Гиренко, затем оформил на него опеку, потом попросил его написать ему дарственную бумагу на дачу и московскую квартиру:

- Я тебя столько времени кормлю и пою, а что случись с тобой – я от тебя никакого возврата долга не получу.

Затем, по слухам, во время очередного Васькиного запоя в его московской квартире, он засунул ему в рот бутылку водки и всю туда вылил, закрыв за собою дверь имевшимся у него ключом. Васька благополучно скончался от перепоя, никаких вопросов о причине смерти у следователей не было, а опекун получил полные права на квартиру и дачу.

Некоторое время он жил на даче, а затем её продал своему знакомому, работавшему барменом в пивной на Старом Арбате. Он стал нашим хорошим соседом, построил на своём участке добротный новый деревянный дом, вырастил с женой троих прекрасных сыновей; все получили образование, двое из них женились и уже принесли дедушке и бабушке троих внуков. Сыновья все хорошо работают, а Сергей Иванович, наш сосед, периодически с напарником ездит на Дальний Восток, покупает подержанные японские легковые и грузовые машины с крановыми установками, сам перегоняет их на площадку у дачи, с сыновьями приводит их в хорошее рабочее состояние с надлежащим внешним видом, и с успехом реализует покупателям. Отношения у нас с их семьёй очень хорошие.

ПОГРЕБ

Особо хочу рассказать о погребе на даче.

Как я уже писал, при покупке дачи я обратил внимание на обильный урожай яблок. Решив, что такие урожаи должны быть каждый год, я задумал под верандой построить глубокий большой погреб, чтобы в нём хранить яблоки и по мере необходимости привозить их в Москву.

На работе я изготовил металлоконструкции для перекрытия погреба, привёз металлические сетки из прутьев для армирования железобетонного днища и стенок погреба, и по моим эскизам рабочие выполнили все работы по его устройству.

Погреб был почти в человеческий рост, перекрытие находилось на уровне земли, а небольшой колодец для спуска в погреб подходил вплотную к полу веранды, на котором была сделана вровень с полом поднимающаяся на петлях крышка.

Сосед по даче с другой стороны от Гиренко меня отговаривал от строительства погреба, предупреждал, что весной его зальют грунтовые воды, но я по неопытности был уверен, что всё будет прекрасно. Жизнь показала, что сосед был прав.

Урожай яблок случался примерно раз в четыре года, т.к. ежегодно до начала распускания бутонов цветов внутри их оказывались червяки цветоеда, и цветения как такового не было вообще. Моя борьба с этим стихийным

бедствием в виде опрыскивания и устройства ловчих поясов на стволах деревьев никаких результатов не давала. Помимо того, погреб весной действительно оказался полностью залит грунтовыми водами.

Я откачал ведрами воду, летом высушил его и изнутри на гудроне обклеил пергамином, но к следующей весне пергамин вспучился, я проткнул его металлическим прутом, и оттуда забил замечательный фонтан.

Все мои дальнейшие усилия были безрезультатны, и по совету тестя, чтобы не плодить комаров под террасой, я засыпал погреб песком.

Но погреб продолжал о себе напоминать. Каждую весну он стал «всплывать» под давлением грунтовых вод и приподнимать пол веранды, отчего наружная дверь не хотела открываться. Сначала я срубил кирпичный колодец, ведущий в погреб, но через пару лет потолок погреба уже упёрся в пол.

Разбить потолок с заделанными^в бетон металлоконструкциями оказалось под силу только моему младшему зятю Алику. Но погреб ежегодно продолжал подниматься. Когда подрос мой внук Рома, ему по наследству перешла забота по «укрощению» погреба.

Окончательную точку в этом вопросе, по просьбе Ромы, поставил я в прошлом, 2007 году, наняв двух таджиков, которые раздолбали, почти сровняв с уровнем земли, днище погреба с остатками стен и торчащей из них арматурой. Всё вычистили и выкинули в перевозной мусорный ящик недалеко от дачи.

Надеюсь, что теперь наружная дверь террасы, наконец, «вздохнёт» и будет свободно открываться.

Эта эпопея длилась почти сорок лет, половину моей жизни. И так бывает, когда люди чересчур самонадеянны и не слушаются старших. Это я про себя.

За последние годы мы основательно обновили дачу: поверх шифера кровлю дома покрыли гофрированным оцинкованным листом; сделали новый наружный забор с двумя воротами и калиткой; отремонтировали внутренние помещения; обили нижнюю комнату вагонкой; вставили в комнатах новые оконные рамы; установили на веранде душевую кабину с электрическим водонагревателем; сделали внутренний биотуалет, опробуем который этим летом, в 2008 году; завезли стиральную машину, задействовать которую планируем также этим летом; на лето под яблонями устанавливаем переносную лавочку – качели с красивым поворачивающимся навесом от солнца и дождя.

Я люблю дачу и с нетерпением жду нового сезона.

А Ш М А Р И Н

Отгуляв отпуск после Румынии, я явился в трест для дальнейшего трудоустройства. Перед моим отъездом в заграникомандировку на моё место главного инженера управления был назначен работавший у нас начальник котельного цеха Григорий Петрович Гладышев.

В тресте решили, что Гладышев хорошо справляется с работой, поэтому мне предложили место главного инженера Монтажного управления №6 на строительстве ТЭЦ №21 в Москве на Коровинском шоссе (Ховрино), где долго болел начальник управления Давид Клементьевич Акбройт, и на его место был назначен работавший главным инженером Александр Иванович Тупицын. Таким образом, место главного инженера было вакантным.

Тупицын встретил меня хорошо; и с ним, и с коллективом управления я в основном был знаком, т.к. и ИТР, и рабочие Монтажных управлений часто командировались с одного управления в другое для выполнения возросших объёмов работ, поэтому, как правило, давно между собой знакомы.

Александр Иванович сообщил мне, что в связи с тем, что Монтажное управление №3, базирующееся на строительстве Щёкинской ГРЭС, не справляется с работой по замене одного из турбоагрегатов на станции, выполнить которую предстоит до конца 1967 года, эту работу включили в план Монтажного управления №6, хотя уже было начало октября.

Тупицын благородно предложил мне заниматься работами в Москве, а самому поехать с коллективом турбинистов в Щёкино. Я возразил:

- Александр Иванович, ты котельщик, а я турбинист, поэтому ехать должен я.

С его стороны возражений не было, поэтому без всякой раскачки в течение нескольких дней людям были даны командировки, и всем коллективом мы прибыли в Щёкино.

Ознакомившись с объёмом работ, я прежде всего составил график их выполнения, наметил порядок и последовательность операций, расставил людей и пошёл к главному инженеру станции Тютрину договариваться по срокам вызова инспектора Госгортехнадзора для приёмки гидравлического испытания готовых участков паропроводов высокого давления, т.к. в условиях действующего цеха и частичного отключения участков паропроводов новые паропроводы нужно было заменять по частям.

Тютрин меня воспринял как человека не от мира сего.

- Какой инспектор, какие сроки? Вы все больные что ли? Крапивнер (начальник местного Монтажного управления №3 «Мосэнергомонтажа») благополучно всё завалил, сорвал все сроки работ, осталось два с половиной месяца, появляется какой-то кудесник и задаёт мне непонятные фантастические вопросы!

- Кто из нас больной – мы ещё успеем определить, но я оставляю заявку по срокам вызова инспектора.

Руководил нашим турбинным цехом Влас Тихонович Фетисов. Это был опытный, волевой специалист-практик, с ним мы уже много раз работали вместе и хорошо знали друг друга. Мы ещё раз прошлись по графику работ, я его предупредил о моей заявке на промежуточные вызовы инспектора. Коллектив мы разбили на три смены, чтобы наиболее полноценно использовать мостовой кран.

Я практически не уходил с площадки, по ходу работ фиксировал недоделки, вместе с Фетисовым переставлял людей на отстающие узлы.

Подошёл срок первого прибытия инспектора. У нас было всё готово, участок паропровода, полностью смонтированный, стоял под нужным испытательным давлением от гидропресса.

Звоню Тютрину (забыл его имя-отчество):

- Какой инспектор? О чём вообще речь? Вы что, с Луны, что ли, прилетели?

Я пригласил его в цех и предупредил, что не знаю, с кем ему приходилось иметь дело до этого, но я слов зря не бросаю, и если в ближайшие часы не будет инспектора, он будет ответственным за срыв государственного срока ввода турбоагрегата.

В течение нескольких минут он появился в цехе, впечатлился, и уже через два часа нашу гидравлику принимал инспектор. Как ему удалось договориться с местной инспекцией – я не знаю, это его трудности, но дальше у нас с ним никаких вопросов не возникало.

В августе 1967 года умер наш управляющий трестом Габриелов Василий Михайлович. Ему было всего 59 лет, и он всё советовался с коллегами: идти ему на пенсию или нет. В жаркие дни августа с женой и братом они поехали отдыхать на теплоходе. При стоянке в Волгограде они прошли под солнцем по плотине Волгоградской ГРЭС, потом в каюте теплохода в присутствии брата и жены ему стало плохо, он потерял сознание и умер.

Доставили его в Москву в цинковом гробу. Торжественное прощание было в актовом зале Министерства. Он был умным человеком и опытным руководителем.

Во время похорон, когда шла траурная процессия, я наблюдал, как первый заместитель ^{Фадеев} Министра Ивлёв Павел Петрович обнял за плечи нашего главного инженера треста Александра Анатольевича Бернштейна, и объяснял, почему ему не следует претендовать на должность управляющего трестом. Тот это и сам понимал, учитывал свою национальность: всё равно не утвердят. Александр Анатольевич был человеком с амбициями, ему, конечно, трудно было смириться с тем, что его делают изгоем не по деловым и организаторским качествам, а в результате политики антисемитизма в государственном масштабе.

На место управляющего трестом Министерством был назначен работавший в тресте «Мосэнергострой» начальником строительства Ашмарин Михаил Александрович. Как строитель он был очень высококвалифицированным специалистом, за заслуги был награждён многими орденами и медалями, в том числе орденом Ленина, но в специфике монтажа теплосилового оборудования он, конечно, разбирался слабо. Поэтому между ним и Бернштейном возникли натянутые отношения; если кто-то при разговоре с Бернштейном в его кабинете ссылался на Ашмарина, то он начинал кипеть:

- Так и идите к Ашмарину и там решайте вопросы, нечего ко мне ходить!

Коллектив в тресте начал делиться на сторонников Бернштейна и Ашмарина, нужно было очень дипломатично себя вести, чтобы не вызвать раздражение с одной или другой стороны.

В этот период, в октябре 1967 года, Ашмарин приехал в командировку к нам в Щёкино, так как общий годовой план по вводу новых мощностей по тресту мог быть сорван именно из-за этого объекта. На других объектах мощности были уже введены в строй или их ввод до нового года не вызывал сомнения.

Ашмарину, новому управляющему, не хотелось свою работу на новом посту начать со срыва трестом государственного плана ввода объектов.

Михаил Александрович Ашмарин был человеком высокого роста, высококультурным, чем-то напоминал Князя из фильма «Анна на шее» в исполнении Вертинского: так же грассировал и начинал разговор с человеком с как бы застенчивой улыбкой. Его самое сильное удивление и возмущение выражалось невинным, с точки зрения нас, монтажников, ругательством: «Ах ты, мать мою, твою и пр-р-рочую!»

Выслушав мой доклад о состоянии дел и пройдя по объекту, он сказал:

- Леонид Романович, положение тяжёлое, времени осталось мало, поэтому я считаю, что мне надо какое-то время находиться здесь.

- Михаил Александрович, в таком случае, мне здесь делать нечего. Я здесь нахожусь не для того, чтобы провалить дело, а чтобы безусловно обеспечить пуск и сдачу объекта в срок, и я это сделаю. Прошу верить мне и спокойно возвращаться в Москву.

Удовлетворённый моим ответом, он уехал.

Работали мы действительно чётко, и уже 15 декабря завершили все дела, а к 20 декабря отработали под нагрузкой положенные 72 часа.

Дирекция станции на радостях устроила нам торжественные проводы в ресторане, где высказали нам много тёплых и благодарных слов. А главный инженер Тютрин своё выступление закончил словами:

- Я теперь узнал, какие бывают настоящие монтажники. Честь вам и слава!

Хочу теперь несколько слов сказать о местном начальнике управления Александре Ильиче Крапивнере. Я его знал ещё учеником 10 класса, когда он жил с родителями в общежитии в Сталиногорске (ныне Новомосковске). Отец его работал в строительном управлении Сталиногорской ГРЭС.

Александр Ильич был очень весёлый, жизнерадостный человек, общительный, крепкий. Окончив институт и начав работать мастером, он быстро прошёл путь до начальника Монтажного управления. Но его победное шествие по жизни остановил какой-то мерзавец, положивший ему в ящик письменного стола ампулу с радиоактивными изотопами, применяемую у нас на монтаже для просвечивания и получения снимков сваренных стыков трубопроводов. В результате он получил лучевую болезнь и через какое-то время угас.

В октябре 1968 года в тресте оказалось вакантным место начальника технического отдела, т.к. прежняя начальница Ирина Владимировна Каменицкая ушла на пенсию.

Ашмарин вспомнил обо мне и предложил занять эту должность. Так я стал «человеком Ашмарина», хотя по работе больше пересекался с главным инженером Бернштейном.

Спустя какое-то время Бернштейн слёг с инфарктом, и Ашмарин исполняющим обязанности главного инженера назначил меня. Он очень хотел, чтобы я в случае ухода Бернштейна на пенсию стал главным инженером.

По закону человек имел право болеть не более четырёх месяцев, после чего должен был получить инвалидность или, если позволял возраст, уходить на пенсию.

У Бернштейна был уже пенсионный возраст, поэтому в пику Ашмарину, а может быть, и мне, он за два дня до окончания четырёх месяцев болезни выписался на работу, поехал в наш главк и Министерство, и предложил на своё место Салимова Юлия Тешевица, уже длительное время работавшего в системе нашего треста.

Салимов был утверждён, я возвратился в технический отдел, а Бернштейн ушёл на пенсию. В дальнейшем мы с ним стали жить в одном доме на Мичуринском проспекте, он узнал мою семью, был несказанно удивлён тому, что фотографии моих обеих дочерей висят в школе на доске почёта.

Он чувствовал себя виноватым, извинялся за свой поступок, но говорил, что он знает порядки в Министерстве в отношении евреев: старых работников не увольнять, новых на высокие должности не брать.

У нас с ним сложились хорошие отношения. Я часто приходил к нему домой, рассказывал о делах в тресте и, откровенно говоря, пришёл к выводу: очень хорошо, что так всё кончилось, потому что на этой должности я был бы в бесконечных командировках, от которых я уже устал, да и постоянные стрессы быстро бы мне укоротили жизнь.

Ф А Д Е Е В

В начале 1972 года заместителю Министра энергетики и электрификации СССР Фёдору Васильевичу Сапожникову, занимавшемуся строительством тепловых электростанций в стране, сотрудник ЦКТИ (Центрального котло-турбинного института), конструктор малогабаритного высокоэкономичного котлоагрегата с выносной циклонной топкой, предложил строительство однотипных серийных ТЭЦ, в одном пролёте которых размещались бы все компоненты электростанции: котлоагрегат, турбоагрегат, химводоочистка и т.д., чтобы с наименьшими затратами в кратчайшие сроки разместить эти электростанции по всей территории СССР и обеспечить всю страну электроэнергией и теплом.

К этому моменту каждое увеличение единичной мощности энергетических блоков приводило к строительству гигантских главных корпусов. Высота котлоагрегатов уже выросла выше 100 метров (тридцатипятиэтажный дом!), а высота главного корпуса должна была быть

значительно выше, т.к. внутри его наверху должны были на подкрановых путях передвигаться мостовые краны для монтажа и обслуживания этих котлоагрегатов. Соответственно росли высота и пролёты машинных залов для мощных турбоагрегатов. Это приводило к бесконечному росту металло- и материалозатрат на строительство электростанций и, соответственно, росту их стоимости, а значит, и стоимости вырабатываемых ими электрической и тепловой энергии.

Конструктор котлоагрегата не мог самостоятельно пробить включение его в план разработки рабочих чертежей и изготовления на котлостроительных заводах. Поэтому он предложил Сапожникову оказать ему помощь в этом вопросе, а так же в разработке чертежей компоновки всей электростанции, включение в планы заводов – изготовителей основного и вспомогательного оборудования для осуществления строительства первой экспериментальной серийной ТЭЦ в СССР.

Предстояло ещё найти место для строительства этой ТЭЦ и поручить эти работы какой-либо специализированной организации.

За всё это конструктор предложил Фёдору Васильевичу быть соавтором новой конструкции котлоагрегата и всего комплекса строительства серийных ТЭЦ.

Сапожников понял всю привлекательность данного предложения. Помимо экономической эффективности и выигрыша во времени для электрификации всей страны, здесь в перспективе явно маячила звезда Героя социалистического труда и Государственная премия.

Он принял предложение и активно включился в его реализацию.

Фёдор Васильевич Сапожников был высоким, энергичным, очень здоровым человеком, умеющим пробивать нужные решения, устранять буквально пинками тех людей, кто ему мешал или чинил препятствия, брал за глотку своих подчинённых и требовал безусловного и своевременного выполнения его указаний.

Прежде всего, он отправился в город Ростов-на-Дону, где сумел заинтересовать руководство обкома партии во внеплановом строительстве на территории области первой экспериментальной серийной электростанции, при условии, что они обяжут находящийся в сфере их влияния Таганрогский котельный завод разработать рабочие чертежи и изготовить сверх плана два опытных малогабаритных котла.

В обкоме Сапожникову обещали оказать максимальную помощь в реализации его предложения, выделить место для строительства электростанции и обязать Таганрогский завод в кратчайшие сроки поставить котлы.

Следующие задачи были решены в Москве: институту «Теплоэлектропроект» было поручено разработать компоновочные и рабочие чертежи электростанции (разумеется, сверх плана); институту «Энергомонтажпроект» на основании рабочих чертежей Таганрогского котельного завода и «Теплопроекта» разработать проекты производства работ с учётом блочной поставки металлоконструкций вместе с участками

трубопроводов и технологического оборудования автотрейлерами с площадки их предварительной сборки на место монтажа.

Главкам Министерства надлежало в счёт общих фондов разместить заказы на оборудование на заводах Союза, а также обеспечить стройку необходимыми трубами, металлом и строительными материалами.

«Главтеплоэнергомонтажу» и другим специализированным главкам Министерства надлежало поручить выполнение работ подчинённым организациям. Для того, чтобы не расплыть производство работ между разными главками, функциями генерального подрядчика было решено наделить тепломонтажную организацию. Этой организацией по решению руководства «Главтеплоэнергомонтажа» стал наш трест «Мосэнергомонтаж».

Ашмарину не хотелось заниматься этой неблагодарной работой, поэтому его быстро спровадили на пенсию. На его место управляющим трестом назначили «варяга», работавшего начальником Монтажного управления в родственном нам тресте «Центроэнергомонтаж» Александра Николаевича Фадеева. Перед ним была поставлена задача: обеспечить не только безусловное выполнение ежегодного государственного плана ввода новых энергетических мощностей, но и создать специализированную организацию по строительству в районе города Ростов-на-Дону, а в дальнейшем и в других районах страны серийных ТЭЦ.

В системе «Главтеплоэнергомонтажа» было свыше десятка специализированных трестов по монтажу теплосилового оборудования, охватывавших всю страну; при этом в Москве было два треста: наш «Мосэнергомонтаж» и «Центроэнергомонтаж», которые в какой-то мере были конкурентами, боролись за работу на московских объектах, в Московской и других центральных областях. Стиль работы и взаимоотношения людей между собой, между руководителями и подчинёнными были разными. У нас, я бы сказал, при безусловной производственной дисциплине взаимоотношения были более тёплыми и уважительными.

Фадеев к людям относился очень жёстко, надменно, а порою и бесчеловечно.

Забегая немного вперёд в своём повествовании, приведу пример его действий как управляющего трестом при нашей командировке в город Шатуру, где на Шатурской ГРЭС нужно было одновременно ввести в эксплуатацию сразу два котлоагрегата.

Положение было тяжелейшее. Фадеев выжимал из людей все силы, оперативки назначал на 9 часов вечера, когда инженерно – технический состав уже еле стоял на ногах; на площадке был хаос, ни о каком ближайшем пуске двух котлов не могло быть и речи. На оперативках люди чувствовали себя униженными, раздавленными и находились в состоянии испуга и полной апатии. Он их всячески принижал, сыпал угрозами увольнений, буквально издевался.

Особенно от него доставалось главному инженеру управления Костылеву Сергею Сергеевичу. Он не спал уже несколько ночей, находился в

состоянии прострации, а Фадеев отсылал его с оперативки с заданием обойти оба котла (по 80 метров высотой) и доложить о состоянии работ на данный момент.

Эффекта такие оперативки не только не давали, но, скорее, приносили обратный результат.

Утром, идя с ним рядом из гостиницы на работу, я заговорил:

- Александр Николаевич, мы сейчас гонимся за двумя зайцами и можем не поймать ни одного. Я вчера внимательно осмотрел оба котла и пришёл к выводу, что один из них можно растапливать хоть сейчас, только нужно его площадки, потолок и всё вокруг очистить от лишнего оборудования, отходов металла и прочего мусора, всё подмести и сделать доступные для обслуживающего персонала площадки.

- Все всё понимают, разбираются!

- Так я не первый день на монтаже, немножко тоже разбираюсь.

- Говорить все мастера, а вот конкретно что-то сделать...

- Я предлагаю конкретно: дайте мне с утра человек десять-двенадцать, и я к оперативке у директора станции в 6 часов вечера сделаю всё, что необходимо. Но мостовой кран должен быть в моём распоряжении весь день и ещё должна быть подана в зону котла пустая железнодорожная платформа.

Мне дали восемь человек, из них монтажников два человека, а остальные из присланных из милиции отбывающих наказание 15 суток алкашей и другого «контингента».

Прежде всего я собрал людей, объяснил задачу, рассказал, что монтажники работают круглые сутки, очень устали, и сейчас так необходимый городу паровой котёл может быть растоплен и пущен в работу только от их усилий. Люди начали работать, платформа заполнилась на глазах. Чтобы не тратить время на переброску грузов через потолок котла и опускание их на платформу (крюк крана поднимается и опускается медленно), я принял решение временно переложить грузы на потолок второго котла. Там выросла приличная гора.

Я постоянно курсировал по лестницам и площадкам котла, подбадривал народ, а внизу, у платформы, где из щелей огромных ворот несло холодом, стал у присланных рабочих одёргивать вниз телогрейки и рубашки, чтобы они не застудились. Они смотрели на меня с изумлением и благодарностью, и с ещё большим энтузиазмом вручную бросали на платформу металл и мусор.

Когда всё было сделано и подметено, я пошёл в кабинет директора станции Бонапартова, бывшего лётчика, получившего на фронте ранение в спину и с тех пор находившегося в полусогнутом состоянии.

- Все готово, котёл готов к растопке.

- Пойдёмте посмотрим, я что-то в чудеса давно не верю.

Он пошёл вперёд, я за ним, за мною – Фадеев и ещё несколько человек.

Несмотря на скрюченность, Бонапартов довольно быстро поднимался по лестницам, обследовал площадки, поднялся на потолок, усмехнулся, увидев кучу металла и лишнего оборудования на потолке второго котла, перешёл на

другую сторону и таким же образом осмотрел все площадки и лестницы. Ничего не говоря, он направился к себе в кабинет, где нас дожидались остальные участники оперативки.

- Ну что ж, чудеса бывают. Я вас поздравляю, Александр Николаевич, с хорошим помощником. Делайте запись в журнале дежурного инженера, и будем растапливать котёл.

Фадеев посмотрел на меня и громко изрёк:

- Теперь я буду знать, что у нас в тресте есть главный дворник!

Я промолчал.

А вот наш начальник одного из управлений Боков Станислав Михайлович в Москве, стоя в дверях кабинета Фадеева (я в это время заходил туда и столкнулся с ним) как раз в гневе говорил Фадееву:

- Я вам не позволю топтать меня ногами!

- Кто вас топчет...

Боков вскоре через главк уехал в заграникомандировку и к нам уже больше не вернулся.

Ушли ещё несколько человек из аппарата треста, в том числе главный инженер треста Салимов Юлий Тешевич, которого взяли в главк заместителем начальника. На его место Фадеев пригласил из треста «Центроэнергомонтаж» работавшего там главным механиком Семёнова Льва Андреевича, человека, близкого ему по духу, но более лояльного и, надо отдать ему должное, настоящего трудоголика.

РОСТОВСКАЯ СЕРИЙНАЯ ТЭЦ

Вернёмся, однако, к вопросам строительства серийных ТЭЦ.

В тресте прежде всего надлежало создать специальный отдел по строительству серийных ТЭЦ. Отдел был создан и его руководителем назначили меня, освободив от руководства техническим отделом.

В Ростове-на-Дону мы создали строительную организацию, которая должна была выполнить все работы по подготовке основной площадки строительства ТЭЦ: площадки для приёмки, складирования и сборки транспортабельных блоков оборудования; выполнения всех земляных работ, подземных коммуникаций; строительству главного корпуса и других объектов; монтажу теплосилового оборудования; привлечению специализированных организаций для монтажа градирни; возведению дымовой трубы; монтажа электрической части и т.д.

Наш отдел должен был обеспечивать стройку всеми необходимыми материалами, грузоподъёмными механизмами, автомобильным и железнодорожным транспортом и пр.

Работы хватало. Так как по задумке замминистра Сапожникова все эти материалы и механизмы выделялись Главснабом Министерства из общих годовых фондов, то значит, что-то не додавалось другим главкам, поэтому каждый раз мне приходилось посещать Сапожникова; он выкручивал руки руководителям Главснаба и решал наши проблемы.

Я участвовал в первом приезде Сапожникова на площадку строительства в Ростове-на-Дону, был на обязательном по такому случаю банкете. После этого банкета заместитель главного инженера института «Теплоэлектропроект» Ордынец, сидевший рядом с Сапожниковым и старавшийся не отставать от него по количеству выпитых стаканов водки и коньяка, по отъезде в Москву скончался прямо в поезде.

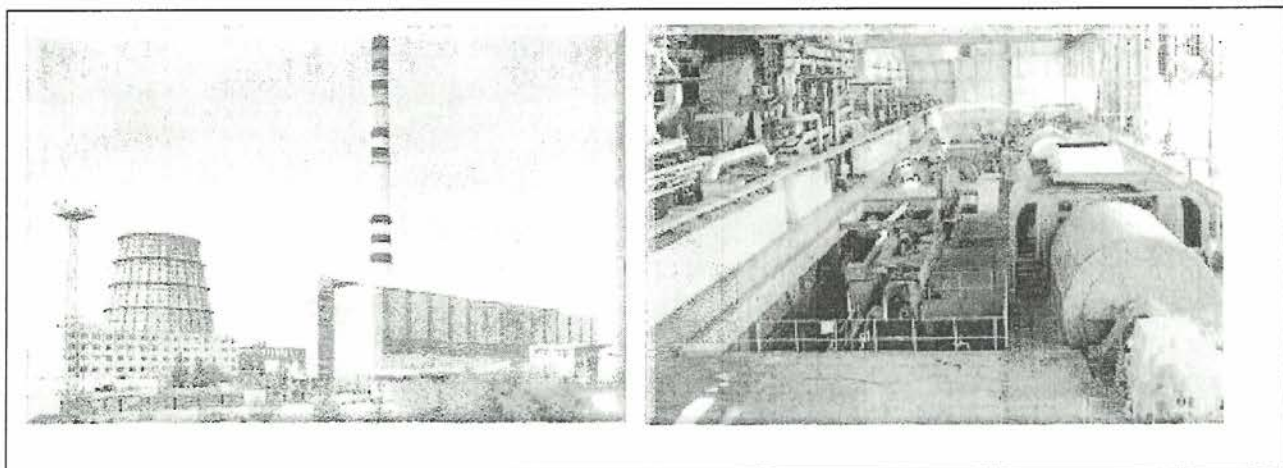
По мере строительства станции я часто летал на этот объект. В один из приездов меня поселили в гостинице в одном номере с автором – конструктором котла, который и рассказал мне всю «Одиссею» замысла и реализации строительства Ростовской экспериментальной ТЭЦ, а также роли замминистра Сапожникова Фёдора Васильевича в этом деле.

На заключительном этапе строительства ТЭЦ я работал на объекте уже месяцами. Во время пуска мы с главным инженером треста Львом Андреевичем Семёновым разделили сутки пополам: он курировал работы днём, я – ночью.

Станция получилась красивая, необычная по форме и по отделке. Пуск обоих котлов и турбоагрегатов прошёл в заданные сроки, но, к сожалению, технико-экономические показатели котлоагрегатов не оправдали возлагавшихся на них надежд. Требовалась длительная кропотливая авторская работа по доведению их характеристик до нужного результата. Но это не входило в планы Фёдора Васильевича Сапожникова, который привык брать города мощным кавалерийским наскоком, а не длительной планомерной осадой. Поэтому он быстро охладел к этому эксперименту, и дальнейшего его продолжения в массовом строительстве серийных ТЭЦ не последовало. Все организации, занятые проектированием и строительством Ростовской ТЭЦ-2 облегчённо вздохнули, и на этом эксперимент был закончен.

Между тем, Ростовская ТЭЦ-2 (не экспериментальная и не серийная) благополучно работает до сих пор и даёт в систему электроэнергию и тепло для промышленности и населения города Ростова-на-Дону.

В Интернете этой электростанции посвящено несколько страниц, одну из которых я решил включить в это повествование.

Электростанция находится в эксплуатации с 1974 года.

- Технико-экономические показатели ТЭЦ
- Установленная мощность ГРЭС — 160 МВт
 - Установленная мощность блока 1-2 — 80 МВт
 - Среднегодовая выработка — 760 млн.кВт/ч
 - Вид топлива — газ, мазут

Основное оборудование:

- котлы ТГМЕ-444 - малогабаритный газо-плотный котёл барабанный с естественной циркуляцией, оснащённый вихревой топкой ЦКТИ производительностью 500 т/час. Изготовитель - Таганрогский котельный завод. 2 единицы.
- турбины ПТ-80/100-130/13 - теплофикационная турбина, полной мощностью - 80 МВт, с производственным отбором до 165 т/час и теплофикационной нагрузкой до 100 Гкал/час. Изготовитель - Ленинградский металлический завод. - 2 единицы.
- генераторы ТВФ - 120х2 - мощностью - 120 МВт. Изготовитель - Новосибирский завод "Электротяжмаш". - 2 единицы.
- водогрейные котлы КВГМ-100 - производительностью по 100 Гкал/час, производства Белгородского котельного завода. - 4 единицы.⁵⁴

Построена для теплоснабжения бытовых и промышленных потребителей г. Ростова-на-Дону. При проектировании и строительстве ТЭЦ применены многие передовые технические решения, многие из которых нашли применение в практике энергетического строительства впервые - размещение основного оборудования в однопролётном корпусе за счёт использования малогабаритных котлов с вихревой топкой, блочная схема ТЭС, и т.д.

В связи с завершением основных работ на Ростовской ТЭЦ-2 наш отдел по строительству серийных ТЭЦ в тресте «Мосэнергомонтаж» был расформирован, сотрудников частично трудоустроили, частично уволили.

Г Л А В Н Ы Й М Е Х А Н И К Т Р Е С Т А

В связи с тем, что моя предыдущая должность начальника технического отдела треста была занята, с 1 февраля 1975 года меня перевели на должность начальника отдела, главного механика треста, на которой я проработал до 27 декабря 1987 года, после чего ушёл по возрасту на пенсию.

При работе главным механиком треста у меня сложились очень хорошие отношения с коллективом отдела и главными механиками управлений, которым я стремился оказывать посильную помощь. Однажды по итогам

⁵⁴ Ростовская ТЭЦ № 2.

года меня даже признали лучшим главным механиком главка. Но руководство треста очень часто меня использовало на пусковых объектах в качестве куратора работ по монтажу теплосилового оборудования, т.е. по моей основной специальности.

Работа главного механика связана с бесперебойной и безаварийной работой основных монтажных механизмов: мостовых, башенных, козловых, гусеничных, автомобильных и других кранов, грузового и легкового автотранспорта, электрических и рычажных лебёдок, механизированного инструмента и т.д., а также их своевременного ремонта и поддержания в рабочем состоянии. Парк машин и механизмов у нас в тресте был большой, часто мы давали указания об их переброске из одного управления в другое. Запомнить, где какой механизм находится в данный момент мне помогала маленькая записная книжечка, куда я внёс информацию о всех механизмах и их местонахождении. Эта записная книжечка меня очень выручала на оперативках, когда нужно было подсказать руководству треста, откуда забрать необходимый на каком-либо объекте дополнительный механизм.

Хочу особо отметить ту колоссальную помощь, которую мне оказывала работница отдела Мария Степановна Шулепова. Она взяла на себя всю рутинную работу по составлению квартальных и годовых отчётов и заявок, подсчёты липовых тонно-километров, выполненных грузовым транспортом, и перемещённых механизмами грузов.

Дело в том, что в Советском Союзе планирование по всем вопросам экономики и не только шло от достигнутого. Выпустил завод или фабрика какое-то количество продукции – ей на следующий год планировали выпуск на какое-то количество процентов больше. Подняли механизмы какое-то количество грузов – на следующий год тот же кран должен был поднять и переместить грузов на какой-то процент больше. То же самое с выкопанным экскаватором или перемещённым бульдозером грунтом, перевезёнными тоннами грузов на суммарные километры, так называемые тонно-километры.

В результате всем отчитывающимся организациям и занимающимся этими отчётами людям нужно было обладать фантазией и хорошими математическими способностями, чтобы готовить «реальные» отчёты. Если сложить все цифры отчётов по стране, то мы должны были за год переместить и перевезти все предприятия вместе с жилыми домами и землёй, на которой они стоят, на десятки метров в глубину.

Но, видимо, кого-то это устраивало, у людей «наверху» небогато было с чувством юмора. А так как план есть план, и от выполнения его зависит зарплата людей и материальное обеспечение организаций по заявкам, то «липа» процветала махровым цветом.

Но липу нужно было ещё и оправдать. Поэтому, как пример, водители грузовых машин накручивали пройденные километры на спидометрах, а неиспользованный бензин или выливали в канаву, либо за копейки заливали его где-нибудь за углом в канистру частника. Поэтому у всех владельцев частного легкового (а другого и не было в частных руках) транспорта было в запасе большое количество канистр. Сейчас, когда с этими тонно-

километрами покончено, бензином можно заправляться только на автозаправочной станции, притом по цене, превышающей его стоимость в Америке, хотя мы – самая богатая страна по запасам, добыче и экспорту нефти, газа и других энергоресурсов.

Говорить на эту тему можно очень много, но это уже совсем другая история.

Работая главным механиком треста, я был свидетелем или участником комиссий, совместно с Госгортехнадзором, по разбору обстоятельств многих аварий, связанных с грузоподъёмными механизмами. В одних случаях это были аварии, связанные со стихийными бедствиями, в других случаях – по вине или халатности обслуживающего персонала. Некоторые аварии, к сожалению, были связаны с травмами или смертельными случаями. Приведу лишь два примера.

На Шатурской ГРЭС в один из летних дней внезапно налетел вихрь, и от шквального ветра по рельсам покатило козловой кран. Крановщица стала быстро по лесенке спускаться вниз, но не успела: кран с разлёту упёрся в концевые упоры на рельсах и опрокинулся, а крановщицу как из пращи кинуло вперёд по движению крана на несколько метров. Она погибла.

Обычно, когда крановщица покидает кран, на обед или после работы, она закрепляет его ноги специальными зажимами за рельсы. Автоматических захватов тогда ещё не было разработано.

Второй случай был на строительстве Каширской ГРЭС. Крановщик гусеничного крана грузоподъёмностью 100 тонн включил лебёдку подъёма крюка и заболтался с кем-то из рабочих, стоящих рядом с краном. Крюк поднимался медленно, но на случай максимального подъёма существует ограничитель, который автоматически отключает лебёдку. На сей раз он не сработал. Крюк упёрся в гусек (удлиняющая часть стрелы крана), гусек опрокинулся и увлёк за собою всю стрелу.

Я как раз находился на площадке строительства сравнительно недалеко и, случайно взглянув в ту её часть, где находился кран, увидел момент падения стрелы, а затем услышал грохот.

Я, как и многие люди на площадке, побежал к крану. Рядом с упавшим крюком, весом примерно полтонны, стоял рабочий с остекленевшим взглядом и подкошенными ногами; он был цел, но из-за пережитого стресса не мог сдвинуться с места. Крановщик также не пострадал.

Повторяю, случаев было, к сожалению, много, и я был не посторонним наблюдателем. Здоровья это, конечно, мне не прибавляло.

Поэтому когда подошёл мой возраст, я с удовольствием 27 декабря 1987 года ушёл на пенсию и занялся дачей, машиной, семьёй, и, благодаря этому, видимо, дожил до своего восьмидесятилетнего юбилея.

ТРЁХКОМНАТНАЯ КВАРТИРА НА МИЧУРИНСКОМ ПРОСПЕКТЕ

В 1972 году нам от Министерства выделили несколько квартир в построенном огромном двенадцатиэтажном доме на Мичуринском проспекте.

Мы жили на Нагорной улице в двухкомнатной квартире, состоящей из двух смежных комнат: в проходной комнате спали мы с Раей, а во второй комнате – Люба, которой было уже четырнадцать лет, и девятилетняя Светлана. Пройти в туалет или на кухню дочери могли только мимо нашего раскладного дивана, притом этого можно было ожидать в любую минуту позднего вечера, ночи или раннего утра. Короче, мы с Раей жили как на вулкане. Учитывая нашу семейную обстановку, руководство треста, партийная и профсоюзная организации решили выделить мне трёхкомнатную квартиру в доме на Мичуринском проспекте. Таких квартир нам выделили пять, и наметили их главному инженеру треста Бернштейну, главному инженеру одного из московских управлений Берёзкину, начальнику производственного отдела треста Мерзликину, высококлассному электросварщику Барабанову и мне. По расположению две квартиры были на первом этаже двух разных подъездов и по одной в одном подъезде на десятом, одиннадцатом и двенадцатом этажах.

Надо отдать должное Бернштейну, который, как теперь выражаются, мог бы использовать свой административный ресурс и взять ту квартиру, которая бы ему понравилась, но он проявил порядочность и предложил тянуть жребий.

Перед этим я ездил посмотреть на дом и квартиры, и, увидев панораму из окон верхних этажей, отвернулся и спустился вниз, понимая, что такого двойного счастья – и трёхкомнатной квартиры с изолированными комнатами, и с такой роскошной панорамой, открывающейся только с верхних этажей, – мне светить не может.

И вот мы тянем жребий – свёрнутый папироской листочек, на котором цифрой написан этаж. Из шапки все взяли по трубочке и стали их медленно разворачивать. Увидев единицу, я «опустился на дно морское», но, продолжая машинально раскручивать дальше, я «воспарил под облака»: за единицей оказалась ещё одна единица – 11 этаж!

В результате жеребьёвки квартиры на первом этаже достались Бернштейну и Барабанову, на десятом – Мерзликину, на одиннадцатом – мне, и на двенадцатом – Берёзкину.

Но чтобы жизнь мне не показалась сахаром, судьба и здесь подбросила своё препятствие: пропустив всех, Райисполком отклонил мою кандидатуру из-за того, что нам на четверых членов семьи полагалось 40 квадратных метров жилой площади, а она у нас на три с половиной квадратных метра была больше (комнаты 13,5 – 14,5 – 15,5 квадратных метров). Фадеев не собирался, как в своё время управляющий трестом Габриелов, отстаивать в

Райисполкоме мою кандидатуру. Он спокойно заявил мне, что передаст мою квартиру другому очереднику.

Я негодуяще посмотрел ему в глаза и медленно произнёс:

- Вы этого не сделаете. Я в течение нескольких дней решу этот вопрос.

На бланке замминистра Сапожникова Фёдора Васильевича я подготовил письмо от него на имя Председателя Мосгорисполкома Промыслова с просьбой сделать исключение для инженера Фишкина, внёсшего большой вклад в строительство электростанций в городе Москве и других городах Союза.

Передать письмо на подпись Сапожникову мне не составляло труда, т.к. занимаясь Ростовской ТЭЦ-2, я был знаком со всеми секретарями и помощниками Фёдора Васильевича, да и он меня уже хорошо знал.

Подписанное и зарегистрированное в Министерстве письмо через одну родственницу Раи мне удалось передать в руки помощнику Председателя Мосгорисполкома Промыслова и получить необходимую резолюцию. В результате Райисполком снял свои претензии, и мы с семьёй переехали на Мичуринский проспект.

ОДНОКОМНАТНАЯ КВАРТИРА НА УЛИЦЕ ДОВЖЕНКО

Шли годы. В сентябре 1979 года Люба познакомилась с Борей Фалкиным и, спустя несколько месяцев, вышла за него замуж. В Витебске у Бори жили родители, а сам он с семнадцати лет жил в Ленинграде, и к моменту знакомства с Любой заканчивал Ленинградский инженерно-строительный институт.

После окончания института и женитьбы Боря переехал в Москву и стал жить у нас.

1 января 1981 года, как раз в день рождения Любы, она родила дочку Анечку, нашу старшую внучку. В квартире нас стало проживать шесть человек, включая грудного ребёнка, что при маленькой кухне оказалось очень чувствительным для всех обитателей квартиры. Подросла и младшая дочь Светлана, которой уже начали интересоваться мальчики.

Передо мной опять встал жилищный вопрос. Наилучшим вариантом было бы отселение Любиной и Бориной семьи в отдельную однокомнатную квартиру, но где её взять?

Случайно в троллейбусе, по дороге домой с работы, я разговорился со своим попутчиком Лёвой Шварцманом, который работал мастером в ремонтном цехе ТЭЦ №12 на Бережковской набережной и хорошо знал меня по работе начальником турбинного цеха по монтажу теплосилового оборудования на этой ТЭЦ. Выслушав мои семейные заботы, он с досадой сказал:

- Где ж ты был раньше? Нашей ТЭЦ построен дом на улице Довженко, недалеко от Мосфильма; все интересовались двух- и трёхкомнатными квартирами, а однокомнатные не знали, кому давать. Сейчас уже всё давно

заселено, но, по-моему, одна однокомнатная квартира ещё до сих пор свободна. Поинтересуйся, ведь ты для ТЭЦ не посторонний человек.

Я поблагодарил Лёву и вскоре узнал, что действительно одна однокомнатная квартира ещё не заселена.

Так в 1983 году люди на ТЭЦ №12 вспомнили мой «подвиг» 1956 года, когда я провёз на мостовом кране над действующими турбинами стотонный генератор вопреки запрету главного инженера станции Алексева, и тем самым обеспечил пуск турбогенератора в срок.

К этому времени уже были новые и директор, и главный инженер станции, но кадровые работники, и в том числе нынешний заместитель директора, хорошо помнили то событие и мою роль в нём, и сумели поддержать мою просьбу у директора станции Бирюкова. Неоднократно с ним разговаривал и наш заместитель управляющего трестом Виктор Иванович Евстигнеев, за что ему моя пожизненная благодарность. Пусть земля ему будет пухом!

Но легко у меня ничего не получается. По согласованию с месткомом, Бирюков решил передать квартиру нашему тресту, но выяснилось, что квартиру себе забирает Райисполком, т.к. станцией было просрочено время её заселения.

И опять по уже проверенной схеме я подготовил письмо от замминистра Сапожникова на имя Председателя Мосгорисполкома Промыслова и вручил его продолжавшему у него работать помощнику. Необходимая резолюция в мою пользу была получена.

По Раиному замыслу, квартиру я просил для себя и жены с тем, чтобы оставить на Мичуринском проспекте старшую дочь с мужем и ребёнком и взрослую младшую дочь.

Итак, в 1983 году мы с Раей выписались из трёхкомнатной квартиры на Мичуринском проспекте и прописались в однокомнатной квартире на улице Довженко, а фактически туда переехала Борина семья, с которой спустя некоторое время мы произвели родственный обмен и снова стали жителями Мичуринского проспекта, а Боря с Любой и Анечкой официально прописались на улице Довженко.

В этой квартире у них 26 июня 1988 года родилась вторая дочка Сашенька, наша младшая внучка.

В дальнейшем, спустя несколько лет, Боря, уже руководивший строительной фирмой, сумел по договорённости с Райисполкомом отремонтировать свободную после пожара трёхкомнатную квартиру на улице Дружбы, недалеко от Китайского посольства, и переехать в неё, отдав Райисполкому однокомнатную квартиру на улице Довженко.

Жить в трёхкомнатной квартире втроем нам было суждено недолго, т.к. уже в июле 1984 года Светочка познакомилась с оканчивающим стоматологический факультет Третьего Московского мединститута Аликом Давыдовым, а спустя четыре месяца, 17 ноября, мы в ресторане гостиницы Москва отпраздновали их свадьбу. Жил Алик со своими родителями в городе Подольске, поэтому после регистрации брака он стал жить у нас. 12 апреля

1987 года, через два дня после своего дня рождения, в День Космонавтики, Светочка родила сына Ромочку, нашего среднего внука. В следующем, 2009 году, он должен закончить юридический факультет Московского института государственного администрирования.

На этом я свои воспоминания заканчиваю. Буду рад, если их кто-то прочтёт, и они ему будут в какой-то степени интересны.

Каждый проживает свою жизнь. Я писал о своей. Если со временем мои дочери, зятья и внуки захотят последовать моему примеру и напишут о своей жизни, то это будет продолжением летописи нашей большой семьи.

24 мая 2008 года.

Вся наша семья в сборе.

Лето 2008 года. Мне 81-ый год. Всё тот же мой легендарный велосипед.

Пока тропа жизни не кончилась – снова в путь!